ISSN 3034-6827 (Print)
ISSN 3033-8638 (Online)

Современная гуманитаристика

Научный журнал

•

Modern humanities

Scientific journal

•

Хальхи гуманитаристика

Ăслăлăх журналĕ

Т. 2. № 2
2026

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Современная гуманитаристика

2026. Том 2. № 2

Научный журнал

ISSN 3034-6827 (Print)
ISSN 3033-8638 (Online)

Учредитель:
Бюджетное научное учреждение Чувашской Республики
«Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования Чувашской Республики

Адрес редакции и издателя:
428015, Чувашская Республика, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1

Издается с 2025 г.
Выходит 4 раза в год

Языки: русский, английский, чувашский
Индексирование: РИНЦ (НЭБ)
E-mail: sovrem_human@rambler.ru
Сайт: https://journalmh.org

НАУЧНЫЕ СПЕЦИАЛЬНОСТИ ЖУРНАЛА

5.6. *Исторические науки*
5.6.1. Отечественная история
5.6.3. Археология
5.6.4. Этнология, антропология и этнография
5.9. *Филология*
5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
5.9.4. Фольклористика
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.10. *Искусствоведение и культурология*
5.10.3. Виды искусства (музыкальное искусство; театральное искусство; изобразительное, декоративно-прикладное искусство и архитектура)

Осуществляется научное рецензирование всех
поступающих в редакцию материалов

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей

Перепечатка материалов из журнала допускается
только по согласованию с редакцией

© Чувашский государственный институт
гуманитарных наук, 2026

Главный редактор

Исаев Юрий Николаевич — директор ЧГИГН, д-р филол. наук, доц.

Заместитель главного редактора

Кириллова Ирина Юрьевна — зам. директора по науке и развитию ЧГИГН, канд. филол. наук, доц.

Ответственный редактор

Гаврилов Артем Дмитриевич — стар. науч. сотрудник ЧГИГН, канд. филол. наук

Редакционный совет

Аврутина Аполлинария Сергеевна — д-р филол. наук (Санкт-Петербург, Россия)
Бикбулатова Аниса Рифовна — д-р ист. наук (Бишкек, Кыргызстан)
Грибов Николай Николаевич — д-р ист. наук (Москва, Россия)
Заяц Сергей Михайлович — д-р филол. наук (Тирасполь, Приднестровье)
Зенкин Константин Владимирович — д-р иск. (Москва, Россия)
Напольнова Елена Марковна — д-р филол. наук (Москва, Россия)
Шаймерденова Нурсулу Жамалбековна — д-р филол. наук (Алматы, Казахстан)

Редакционная коллегия

Абукаева Любовь Алексеевна — д-р филол. наук (Йошкар-Ола, Россия)
Бойко Иван Иванович — д-р ист. наук (Чебоксары, Россия)
Выборнов Александр Алексеевич — д-р ист. наук (Самара, Россия)
Давлетшина Лейла Хасановна — д-р филол. наук (Казань, Россия)
Иванов Алексей Ананьевич — д-р ист. наук (Йошкар-Ола, Россия)
Иванов Виталий Петрович — д-р ист. наук (Чебоксары, Россия)
Иванова Алена Михайловна — д-р филол. наук (Чебоксары, Россия)
Исхаков Радик Равильевич — д-р ист. наук (Казань, Россия)
Кондратьев Михаил Григорьевич — д-р иск. (Чебоксары, Россия)
Краюшкина Татьяна Владимировна — д-р филол. наук (Владивосток, Россия)
Нуриева Ирина Муртазовна — д-р иск. (Ижевск, Россия)
Родионов Виталий Григорьевич — д-р филол. наук (Чебоксары, Россия)
Садиков Ранус Рафикович — д-р ист. наук (Уфа, Россия)
Салмин Антон Кириллович — д-р ист. наук (Санкт-Петербург, Россия)
Сокаева Диана Вайнеровна — д-р филол. наук (Владикавказ, Россия)
Ставицкий Владимир Владимирович — д-р ист. наук (Пенза, Россия)
Султанова Рауза Рифкатовна — д-р иск. (Казань, Россия)
Сухарева Ирина Виталиевна — д-р ист. наук (Уфа, Россия)
Ягафарова Гульназ Нурфаезовна — д-р филол. наук (Уфа, Россия)

Chuvash State Institute of Humanities

Modern humanities

2026. Vol. 2. No. 2

Scientific journal

ISSN 3034-6827 (Print)
ISSN 3033-8638 (Online)

Founder:
Budgetary scientific institution of the Chuvash Republic
«Chuvash State Institute of Humanities»
The Ministry of Education of the Chuvash Republic

Editorial office address:
29, building 1, Moskovsky Ave., Cheboksary, Chuvash Republic, 428015

The journal is published since 2025
Published 4 times a year

Languages: Russian, English, Chuvash
Indexed by Russian Index of Science Citation (e Library.ru)
E-mail: sovrem_human@rambler.ru
Website: https://journalmh.org

SCIENTIFIC SPECIALTIES

5.6. *Historical sciences*
5.6.1. National history
5.6.3. Archaeology
5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography
5.9. *Philology*
5.9.1. Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation
5.9.4. Folklore studies
5.9.5. Russian language. Languages of the peoples of Russia
5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics
5.10. *Art history and cultural studies*
5.10.3. Art Types (Visual, Applied and Decorative Arts and Architecture)

Scientific review of all materials submitted to the editorial board is carried out

The opinion of the editorial board does not always coincide
with the author's point of view

Reprinting of materials published in the journal is allowed only by agreement
with the editorial board

© Chuvash State Institute of Humanities, 2026

Editor-in-Chief

Isaev Yuri Nikolaevich — Director of Chuvash State Institute of Humanities, D.Sc. (Philology), Assoc. Prof.

Deputy Editor-in-Chief

Kirillova Irina Yuryevna — Deputy Director for Science and Development of Chuvash State Institute of Humanities, Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof.

Editor

Gavrilov Artem Dmitrievich — Senior Researcher of Chuvash State Institute of Humanities, Cand. Sc. (Philology)

Editorial board

Avrutina Apollinaria Sergeevna — D.Sc. (Philology) (St. Petersburg, Russia)
Bikbulatova Anisa Rifovna — D.Sc. (History) (Bishkek, Kyrgyzstan)
Gribov Nikolay Nikolaevich — D.Sc. (History) (Moscow, Russia)
Zayats Sergey Mikhailovich — D.Sc. (Philology) (Tiraspol, Transnistria)
Zenkin Konstantin Vladimirovich — Doctor of Arts (Moscow, Russia)
Napolnova Elena Markovna — D.Sc. (Philology) (Moscow, Russia)
Shaimerdenova Nursulu Zhamalbekovna — D.Sc. (Philology) (Almaty, Kazakhstan)

Members of editorial board

Abukaeva Lyubov Alekseevna — D.Sc. (Philology) (Yoshkar-Ola, Russia)
Boiko Ivan Ivanovich — D.Sc. (History) (Cheboksary, Russia)
Vybornov Alexander Alekseevich — D.Sc. (History) (Samara, Russia)
Davletshina Leila Hasanovna — D.Sc. (Philology) (Kazan, Russia)
Ivanov Alexey Ananyevich — D.Sc. (History) (Yoshkar-Ola, Russia)
Ivanov Vitaly Petrovich — D.Sc. (History) (Cheboksary, Russia)
Ivanova Alena Mikhailovna — D.Sc. (Philology) (Cheboksary, Russia)
Iskhakov Radik Ravilievich — D.Sc. (History) (Kazan, Russia)
Kondratev Mikhail Grigorievich — Doctor of Arts (Cheboksary, Russia)
Krayushkina Tatiana Vladimirovna — D.Sc. (Philology) (Vladivostok, Russia)
Nurieva Irina Murtazovna — Doctor of Arts (Izhevsk, Russia)
Rodionov Vitaly Grigorievich — D.Sc. (Philology) (Cheboksary, Russia)
Sadikov Ranus Rafikovich — D.Sc. (History) (Ufa, Russia)
Salmin Anton Kirillovich — D.Sc. (History) (St. Petersburg, Russia)
Sokaeva Diana Vainerina — D.Sc. (Philology) (Vladikavkaz, Russia)
Stavitsky Vladimir Vladimirovich — D.Sc. (History) (Penza, Russia)
Sultanova Rauza Rifkatovna — Doctor of Arts (Kazan, Russia)
Sukhareva Irina Vitalievna — D.Sc. (History) (Ufa, Russia)
Yagafarova Gulnaz Nurfayezovna — D.Sc. (Philology) (Ufa, Russia)

Чăваш патшалăх гуманитари ăслăлăхĕсен институчĕ

Хальхи гуманитаристика

2026. 2 том. 2 №

Ăслăлăх журналĕ

ISSN 3034-6827 (Print)
ISSN 3033-8638 (Online)

Учредитель:
Чăваш Республикин Вĕрентӳ министерствин
«Чăваш патшалăх гуманитари ăслăлăхĕсен институчĕ»
Чăваш Республикин бюджет ăслăлăх учрежденийĕ

Редакципе издатель адресĕ:
428015, Чăваш Республики, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.

2025 ç. тухса тăрать
Çулталăкра 4 хут тухать

Чĕлхисем: вырăс, акăлчан, чăваш
Индекслану: РИНЦ (НЭБ)
E-mail: sovrem_human@rambler.ru
Сайт: https://journalmh.org

ЖУРНАЛĂН ĂСЛĂЛĂХ СПЕЦИАЛЬНОÇĔСЕМ

5.6. *Истори ăслăлăхĕсем*
5.6.1. Тăван çĕр-шыв историйĕ
5.6.3. Археологи
5.6.4. Этнологи, антропологи тата этнографи
5.9. *Филологи*
5.9.1. Вырăс литератури тата Раççей Федерацийĕн халăхĕсен литературисем
5.9.4. Фольклористика
5.9.5. Вырăс чĕлхи. Раççей халăхĕсен чĕлхисем
5.9.8. Теори, прикладной тата танлаштару лингвистики
5.10. *Искусствоведенипе культурологи*
5.10.3. Ӳнер тĕсĕсем (музыка ӳнерĕ; театр ӳнерĕ;
сăнарлă, декоратив-прикладной ӳнер тата архитектура)

Редакцие килекен мĕн пур материала ăслăлăх тĕлĕшĕнчен рецензилеççĕ

Редакци шухăшĕ статьясен авторĕсен шухăшĕпе килĕшмессе те пултарать

Журналта тухнă материалсене редакципе килĕшсе татăлсан кăна
урăх кăларăмра пичетлеме юрать

© Чăваш патшалăх гуманитари
ăслăлăхĕсен институчĕ, 2026

Тĕп редактор

Исаев Юрий Николаевич — ЧПГĂИ директорĕ,
филол. ăслăл. д-рĕ, доц.

Тĕп редактор çумĕ

Кириллова Ирина Юрьевна — ЧПГĂИ директорĕн ăслăлăхпа
аталану енĕпе ĕçлекен çумĕ, филол. ăслăл. канд., доц.

Яваплă редактор

Гаврилов Артем Дмитриевич — ЧПГĂИ ăслăлăх аслă ĕçтешĕ,
филол. ăслăл. канд.

Редакци канашĕ

Аврутина Аполлинария Сергеевна — филол. ăслăл. д-рĕ (Санкт-Петербург, Раççей)
Бикбулатова Аниса Рифовна — ист. ăслăл. д-рĕ (Бишкек, Кăркăсстан)
Грибов Николай Николаевич — ист. ăслăл. д-рĕ (Мускав, Раççей)
Заяц Сергей Михайлович — филол. ăслăл. д-рĕ (Тирасполь, Днестрçум)
Зенкин Константин Владимирович — иск. д-рĕ (Мускав, Раççей)
Напольнова Елена Марковна — филол. ăслăл. д-рĕ (Мускав, Раççей)
Шаймерденова Нурсулу Жамалбековна — филол. ăслăл. д-рĕ (Алматы, Казахстан)

Редакци коллегийĕ

Абукаева Любовь Алексеевна — филол. ăслăл. д-рĕ (Йошкар-Ола, Раççей)
Бойко Иван Иванович — ист. ăслăл. д-рĕ (Шупашкар, Раççей)
Выборнов Александр Алексеевич — ист. ăслăл. д-рĕ (Самар, Раççей)
Давлетшина Лейла Хасановна — филол. ăслăл. д-рĕ (Хусан, Раççей)
Иванов Алексей Ананьевич — ист. ăслăл. д-рĕ (Йошкар-Ола, Раççей)
Иванов Виталий Петрович — ист. ăслăл. д-рĕ (Шупашкар, Раççей)
Иванова Алена Михайловна — филол. ăслăл. д-рĕ (Шупашкар, Раççей)
Исхаков Радик Равильевич — ист. ăслăл. д-рĕ (Хусан, Раççей)
Кондратьев Михаил Григорьевич — иск. д-рĕ (Шупашкар, Раççей)
Краюшкина Татьяна Владимировна — филол. ăслăл. д-рĕ (Владивосток, Раççей)
Нуриева Ирина Муртазовна — иск. д-рĕ (Ижевск, Раççей)
Родионов Виталий Григорьевич — филол. ăслăл. д-рĕ (Шупашкар, Раççей)
Садиков Ранус Рафикович — ист. ăслăл. д-рĕ (Ĕпхӳ, Раççей)
Салмин Антон Кириллович — ист. ăслăл. д-рĕ (Санкт-Петербург, Раççей)
Сокаева Диана Вайнеровна — филол. ăслăл. д-рĕ (Владикавказ, Раççей)
Ставицкий Владимир Владимирович — ист. ăслăл. д-рĕ (Пенза, Раççей)
Султанова Рауза Рифкатовна — иск. д-рĕ (Хусан, Раççей)
Сухарева Ирина Виталиевна — ист. ăслăл. д-рĕ (Ĕпхӳ, Раççей)
Ягафарова Гульназ Нурфаезовна — филол. ăслăл. д-рĕ (Ĕпхӳ, Раççей)

СОДЕРЖАНИЕ

Исторические науки

Зимони И.
ВОЛЖСКО-БУЛГАРСКИЕ ГОРОДА В X — XIII ВЕКАХ 10

Михайлов Е. П.
ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ МЕСТНОГО (ЧУВАШСКОГО) КРАЯ
В 1921 — 1931 ГОДАХ 21

Сеидова С. М.
ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОШЛОМ КИПЧАКОВ И ИХ РАССЕЛЕНИИ
В АЗЕРБАЙДЖАНЕ И ЮЖНОРУССКИХ СТЕПЯХ 46

Сергеева Е. В
ФУНКЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ЧУВАШСКОЙ СЕМЬИ:
ТРАДИЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ 56

Филологические науки

Васильева П. В.
ГЛАГОЛЬНЫЕ АНАЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА
В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМИ ПРЕФИКСАЛЬНЫМИ ГЛАГОЛАМИ 72

Дмитриева Ю.
ВЕНГЕРСКОЕ ЧУВАШЕВЕДЕНИЕ В XXI ВЕКЕ 83

Кириллова В. Ю.
ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПАРНЫХ СЛОВ
В ЧУВАШСКОМ И МАРИЙСКОМ ЯЗЫКАХ 100

Софронова И. В.
ЧУВАШСКАЯ ПОЭЗИЯ 2011 — 2020 ГОДОВ: СВОЕОБРАЗИЕ ТВОРЧЕСТВА
МОЛОДЫХ АВТОРОВ 107

Виды искусства

Малинина А. А.
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОБЫТИЙ ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ЧУВАШИИ
В ЖИВОПИСИ ХУДОЖНИКОВ РЕСПУБЛИКИ 116

Пудов Г. А.
ИЗ ИСТОРИИ ЧЕБОКСАРСКОГО СУНДУЧНОГО ПРОМЫСЛА
(ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX ВЕКА) 137

Рецензии

Мартыненко А. В.
РЕЦ. НА: БОЙКО И. И., ГАВРИЛОВ А. Д., ХАРИТОНОВА В. Г. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ : ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ : МОНОГРАФИЯ / И. И. Бойко, А. Д. Гаврилов, В. Г. Харитонова; под ред. А. П. Долговой. Чебоксары: ЧГИГН, 2025. 296 с. 149

Персоналии

Бойко И. И.
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ
(к 75-летию В. В. Амелина) 152

Лукина И. П.
УЧИТЕЛЬ, ВЛЮБЛЕННЫЙ В СЛОВО (к 90-летию Г. Е. Корнилова) 154

Мясников Н. С., Михайлов Е. П., Березин А. Ю.
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КАМЕННОГО ВЕКА ЧУВАШСКОГО КРАЯ
(к 55-летию Н. С. Березиной) 156

Научная жизнь

Харитонова В. Г.
МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЭВАКУАЦИЯ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ИСТОРИЯ, ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ
СУДЬБЫ, СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ» 159

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ 162

CONTENTS

Historical Sciences

Zimoni I.
VOLGA-BULGARIAN CITIES IN THE 10TH — 13TH CENTURIES 10

Mikhaylov E. P.
SOCIETY FOR THE STUDY OF THE LOCAL (CHUVASH) REGION IN 1921 — 1931 . . . 21

Seyidova S. M.
ON THE HISTORICAL PAST OF THE KIPCHAKS AND THEIR SETTLEMENT
IN AZERBAIJAN AND THE SOUTHERN RUSSIAN STEPPES 46

Sergeeva E. V.
THE FUNCTIONS OF THE MODERN CHUVASH FAMILY:
TRADITIONS AND TRANSFORMATIONS 56

Philological Sciences

Vasileva P. V.
VERBAL ANALYTICAL FORMS OF THE CHUVASH LANGUAGE
IN COMPARISON WITH RUSSIAN PREFIXED VERBS 72

Dmitrieva Yu.
HUNGARIAN CHUVASH STUDIES IN THE 21ST CENTURY 83

Kirillova V. Yu.
LINGUAPOETIC FEATURES OF PAIRED WORDS IN THE CHUVASH
AND MARI LANGUAGES 100

Sofronova I. V.
CHUVASH POETRY OF 2011 — 2020: THE ORIGINALITY OF THE WORK
OF YOUNG AUTHORS 107

Arts

Malinina A. A.
REPRESENTATION OF EVENTS FROM THE HISTORY OF SOVIET
CHUVASHIA IN PAINTINGS BY ARTISTS OF THE REPUBLIC 116

Pudov G. A.
FROM THE HISTORY OF CHEBOKSARY CHEST INDUSTRY
(THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY) 137

Reviews

Martynenko A. V.
THE REVIEW ON: BOYKO I. I., GAVRILOV A. D., KHARITONOVA V. G.
ETHNOCULTURAL PROCESSES AND INTERETHNIC RELATIONS IN THE
CHUVASH REPUBLIC : A HISTORICAL AND SOCIOLOGICAL STUDY :
A MONOGRAPH / I. I. Boyko, A. D. Gavrilov, V. G. Kharitonova; edited by A. P. Dolgova.
Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities, 2025. 296 p. 149

Personalities

Boyko I. I.
RESEARCHER OF ETHNOPOLITICAL AND ETHNOCULTURAL PROCESSES
(on the 75th anniversary of V. V. Amelin) 152

Lykina I. P.
A TEACHER IN LOVE WITH THE WORD (on the 90th anniversary of G. E. Kornilov) . . . 154

Myasnikov N. S., Mikhaylov E. P., Berezin A. Yu.
STONE AGE RESEARCHER OF THE CHUVASH REGION
(on the 55th anniversary of N. S. Berezina) 156

Scientific life

Kharitonova V. G.
INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE
“EVACUATION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR:
HISTORY, HUMAN FATES, COMMEMORATION IN THE EURASIAN SPACE” 159

REQUIREMENTS FOR ARTICLES 162

ТУПМАЛЛИ

Истори ăслăлăхĕсем

Зимони И.
АТĂЛÇИ ПĂЛХАР ХУЛИСЕМ X — XIII ĔМĔРСЕНЧЕ 10

Михайлов Е. П.
ТĂВАН ÇĔР-ШЫВА (ЧĂВАШ ÇĔР-ШЫВНЕ) ТĔПЧЕКЕН УШКĂН
1921 — 1931 ÇУЛСЕНЧЕ 21

Сеидова С. М.
КИПЧАКСЕН ИСТОРИЙĔПЕ ВĔСЕМ АЗЕРБАЙДЖАНА ТАТА КĂНТĂРТИ
ВЫРĂС ÇЕÇЕН ХИРĔСЕНЕ КУÇСА ЛАРНИ ÇИНЧЕН 46

Сергеева Е. В
ХАЛЬХИ ЧĂВАШ ÇЕМЙИН ФУНКЦИЙĔСЕМ: ЙĂЛАНА КĔНĔ ЙĔРКЕСЕМ
ТАТА УЛШĂНУСЕМ 56

Филологи ăслăлăхĕсем

Васильева П. В.
ЧĂВАШ ЧĔЛХИНЧИ ГЛАГОЛĂН АНАЛИТИКА ФОРМИНЕ ВЫРĂС ЧĔЛХИНЧИ
ПРЕФИКСПА ПУЛНĂ ГЛАГОЛСЕМПЕ ТАНЛАШТАРНИ 72

Дмитриева Ю.
ВЕНГР ТĔПЧЕВÇИСЕН ЧĂВАШСЕНЕ ХАЛАЛЛАНĂ XXI ĔМĔРТИ ĔÇĔСЕМ . . 83

Кириллова В. Ю.
ЧĂВАШ ТАТА ÇАРМĂС ЧĔЛХИСЕНЧИ МĂШĂР СĂМАХСЕН
ЛИНГВОПОЭТИКА УЙРĂМЛĂХĔСЕМ 100

Софронова И. В.
2011 — 2020 ÇУЛСЕНЧИ ЧĂВАШ ПОЭЗИЙĔНЧИ ÇАМРĂК АВТОРСЕН
ПУЛТАРУЛĂХĔ 107

Ӳнер тĕсĕсем

Малинина А. А.
ЧĂВАШ ЕНĔН СОВЕТ САМАНИНЧИ ИСТОРИ ПУЛĂМĔСЕМ
РЕСПУБЛИКĂРИ СĂРĂ Ӳ НЕРĔНЧЕ СĂНЛАННИ 116

Пудов Г. А.
ШУПАШКАР ТАВРАШĔНЧИ АРЧА ПРОМЫСЛИН ИСТОРИЙĔНЧЕН
(XX ĔМĔРĔН ПĔРРЕМĔШ ÇУРРИ) 137

Рецензисем

Мартыненко А. В.
РЕЦ.: БОЙКО И. И., ГАВРИЛОВ А. Д., ХАРИТОНОВА В. Г. ЧĂВАШ
РЕСПУБЛИКИНЧИ ЭТНОКУЛЬТУРА ПРОЦЕСĔСЕМ ТАТА ХАЛĂХСЕН ХУШШИНЧИ
ХУТШĂНУСЕМ : ИСТОРИПЕ СОЦИОЛОГИ ТĔПЧЕВĔ : МОНОГРАФИ / И. И. Бойко,
А. Д. Гаврилов, В. Г. Харитонова; ред. А. П. Долгова. Шупашкар: ЧПГĂИ, 2025. 296 с. . . 149

Персоналисем

Бойко И. И.
ЭТНОПОЛИТИКА ТАТА ЭТНОКУЛЬТУРА ПРОЦЕСĔСЕН ТĔПЧЕВÇИ
(В. В. Амелин 75 çул тултарнă май) 152

Лукина И. П.
СĂМАХА ЮРАТАКАН ВĔРЕНТӲÇĔ (Г. Е. Корнилов 90 çул тултарнă май) 154

Мясников Н. С., Михайлов Е. П., Березин А. Ю.
ЧĂВАШ ЕНРИ ЧУЛ ĔМĔРĔН ТĔПЧЕВÇИ (Н. С. Березина 55 çул тултарнă май) . . . 156

Ăслăлăх пурнăçĕ

Харитонова В. Г.
«ТĂВАН ÇĔР-ШЫВĂН АСЛĂ ВĂРÇИН ÇУЛĔСЕНЧИ ЭВАКУАЦИ:
ИСТОРИ, ÇЫНСЕН ШĂПИ, ЕВРАЗИ УÇЛĂХĔНЧЕ АСТĂВĂМА УПРАССИ»
ХАЛĂХСЕН ХУШШИНЧИ ĂСЛĂЛĂХ-ПРАКТИКА КОНФЕРЕНЦИЙĔ 159

СТАТЬЯСЕНЕ МĔНЛЕ ÇЫРМАЛЛА 162

УДК 94(470.4)''09/12''
ББК 63.3(2)41

Научная статья

ВОЛЖСКО-БУЛГАРСКИЕ ГОРОДА В X — XIII ВЕКАХ[1]

И. Зимони
Сегедский университет,
г. Сегед, Венгрия
zimonyi@hist.u-szeged.hu

Аннотация. Настоящая статья посвящена вопросу о существовании городов в Волжской Булгарии в X — XIII вв. В ней приводятся упоминания различных средневековых авторов и русских летописцев о таких булгарских городах, как Болгар, Сувар, Великий Город, Бряхимов, Торческ и Ошель. Проведен анализ различных версий, касающихся названий и месторасположения этих городов. Высказывается предположение о том, что возникновение и процветание этих городов тесным образом связаны с двумя факторами. Это — кардинальные изменения в международной торговле, при которых трансформировался маршрут торговых путей, и принятие булгарами ислама. Приводится возможная этимология названия города Биляр, которая, по мнению некоторых авторов, выводится из сочетания тюркских слов «ученый человек». В статье опровергается гипотеза, согласно которой название «Болгар» произошло из-за искаженного арабского произношения указанного сочетания. Отмечается, что преемственность таких городов, как Болгар и Казань, культивировалась специально при русском дворе XVI — XVII вв., с тем чтобы обосновать законность завоевания Казани. В качестве вывода отмечается, что до татарского нашествия Великий Город без сомнения был Биляром, а город Бряхимов можно отождествить с Болгаром, хотя предъявленные аргументы являются анахронизмом.

Ключевые слова: Волжская Булгария, русские летописи, арабские источники, волжско-булгарские города, торговые связи

Для цитирования: Зимони И. Волжско-булгарские города в X — XIII веках // Современная гуманитаристика. 2026. Т. 2. № 2. С. 10 — 20

© Зимони И., 2026

Scientific article

VOLGA-BULGARIAN CITIES IN THE 10TH — 13TH CENTURIES

I. Zimoni
Szeged University,
Szeged, Hungary
zimonyi@hist.u-szeged.hu

Abstract. This article is devoted to the question of the existence of cities in the Volga Bulgaria in the 10th — 13th centuries. It contains references by various medieval authors and Russian chroniclers to such Bulgarian cities as Bulgar, Suvar, Veliky Gorod, Bryakhimov, Torchesk and Oshel. The article analyzes various hypotheses concerning the names and locations of these cities. It is suggested that the emergence and prosperity of these cities are closely related

[1] Оригинал статьи: Zimonyi I. Volgai bulgár városok a 10 — 13 században // Középkori nomádok — korai magyarok. Budapest, 2012. P. 93 — 99. Перевод выполнен Ю. Дмитриевой.

to two factors: fundamental changes in international trade, which transformed trade routes, and the adoption of Islam by the Bulgars. A possible etymology of the name of the city of Bilar is proposed, which, according to some authors, is derived from a combination of the Turkic words “learned man”. The article refutes the hypothesis that the name “Bulgar” originated from a distorted Arabic pronunciation of this combination. It is noted that the continuity of cities such as Bulgar and Kazan was deliberately cultivated at the Russian court in the 16th — 17th centuries in order to justify the legitimacy of the conquest of Kazan. The article concludes that before the Tatar invasion, the Velikii Gorod was undoubtedly Bilyar, and the city of Bryakhimov can be identified with Bulgar, although the arguments presented are anachronistic.

Keywords: Volga Bulgaria, Russian chronicles, Arabic sources, Volga-Bulgarian cities, trade relations

For citation: Zimoni I. Volga-bulgarian cities in the 10th — 13th centuries // Modern humanities. 2026;2(2):10 — 20

Ăслăлăх статйи

АТĂЛÇИ ПĂЛХАР ХУЛИСЕМ X — XIII ĔМĔРСЕНЧЕ

И. Зимони
Сегед университечĕ,
Сегед хули, Венгри
zimonyi@hist.u-szeged.hu

Аннотаци. Статьяра X — XIII ĕмĕрсенчи Атăлçи Пăлхар хулисем çинчен сăмах пырать. Унта Пăлхар, Сăвар, Аслă Хула, Бряхимов, Торческ тата Ошель пăлхар хулисем пирки вăтам ĕмĕрсенчи авторсен ĕçĕсенче тата вырăс летописĕсенче çырса хăварнисене илсе кăтартнă. Ку хуласен ячĕсен пулăвĕпе тата вĕсем вырнаçнă тăрăхсене палăртассипе çыхăннă тĕрлĕ шухăша тишкернĕ. Асăннă хуласем пулса кайса аталаннин сăлтавне икĕ факторпа çыхăнтарнă. Вĕсенчен пĕри — халăхсен хушшинчи суту-илӳ йĕрки тата суту-илӳ çулĕсем улшăнни, тепри — пăлхарсем ислам тĕнне йышăнни. Хăш-пĕр автор сĕннĕ Пӳлер хули ячĕн этимологине (тĕрĕк чĕлхинчи «вĕреннĕ çын» пĕлтерĕшлĕ сăмах майлашăвĕнчен пулса кайнă тенине) çырса панă. Çак сăмах майлашăвне арабла пăсса каланипе «Пăлхар» ят пулса кайнă текен гипотезăна тиркенĕ. Хусанпа Пăлхар хулисен хушшинче историллĕ çыхăну пур текен шухăша Вырăс патшалăхĕн ертӳçисем Хусана çĕнсе илнине тӳрре кăларас тесе XVI — XVII ĕмĕрсенче ятарласа çирĕплетме тăрăшнине палăртнă. Пĕтĕмлетӳре иккĕленмесĕрех тутарсем тапăнса киличченхи тапхăрта палăрнă Аслă Хула тени Пӳлерпе тӳр килет тенĕ; ĕнентерме илсе кăтартнă аргументсем анахронизм пулсан та, Бряхимовпа Пăлхар пĕр хулах теме пулать тенĕ.

Тĕп сăмахсем: Атăлçи Пăлхар, вырăс летописĕсем, арабла çырнă çăлкуçсем, Атăлçи Пăлхар хулисем, суту-илӳ çыхăнăвĕсем

Цитатăлама: Зимони И. Атăлçи пăлхар хулисем X — XIII ĕмĕрсенче // Хальхи гуманитаристика. 2026. 2 т. 2 №. С. 10 — 20

Введение

Латинские, мусульманские и русские источники сохранили для нас названия нескольких волжско-булгарских городов. Из мусульманской географической литературы X — XIII вв. известны названия двух городов: Болгар и Сувар. Средневековые русские летописи сообщают о следующих городах: Великий Город, Бряхимов, Торческ и Ошель.

Венгерский монах Юлиан, навестивший этот край непосредственно перед татарским нашествием, не упомянул ни одного из вышеназванных булгарских городов, однако указал на наличие у булгар нескольких процветающих городов.

Материалы и методы

Целью настоящей работы является раскрытие причин формирования и процветания волжско-булгарской городской цивилизации, а также решение вопроса об идентификации и локализации волжско-булгарской столицы. Данные вопросы серьезно занимали русскую историографию XVI — XVII вв., так как силы, которые определяли политику при московском дворе, пытались создать идеологическую основу для завоевания Казанского ханства. Я. Б. Пеленский показал, как была создана теория булгаро-казанской непрерывности для того, чтобы обосновать право русского царя на трон Казанского ханства. Идеология была основана на том, что московские князья являются наследниками великих киевских князей, а казанские татары — это потомки волжских булгар. Так как киевские правители вели успешные походы против волжских булгар и даже временно завоевали часть их территории, завоевание Казанского ханства считалось лишь восстановлением их древнего права [29]. Помимо русской исторической традиции, опорой для современного татарского национального сознания является волжско-булгарское государство. Если оставить в стороне политические отношения, то с точки зрения культуры определяющим фактором здесь является ислам, тем более что в этих краях он укоренился благодаря волжским булгарам и до сих пор играет важную роль.

В исследовании использовался комплекс общенаучных и специальных исторических методов.

Результаты исследования и их обсуждение

О волжско-булгарских городах впервые между 930 и 950 гг. упомянул Истахри: «Город называется “Болгар”. Его жители мусульмане, и в нем имеется соборная мечеть. Недалеко от него есть другой город, который называется “Сувар”; и в нем тоже имеется соборная мечеть. Один из проповедников города сообщил о том, что число жителей двух городов составляет примерно десять тысяч человек; их здания построены из дерева, зимой они ютятся в них, а в летнее время живут разбросано, в юртах» [14, с. 361; 21, с. 31 — 32; 26, с. 163; 27, с. 34; 33, с. 396[2]; 34, с. 225]. Эта информация, несомненно, доказывает существование двух городов с соборными мечетями, которые были важными центрами религиозной жизни мусульман. И в то же время однозначно указывается на то, что население городов вело полукочевой образ жизни, так как в летнее время жители все еще выбирались из города в юрты. По словам Ибн Фадлана, в 922 г. двор булгарского правителя регулярно менял место проживания [32, с. 74].

В более ранней мусульманской литературе, т. е. у Джейхани и Ибн Фадлана, речь не идет о городах. Ибн Руста сообщает следующее: «Их земли состоят из зарослей и лиственных лесов / чернолесья; в них они проводят время» [20, с. 141; 36, с. 131], тогда как в параллельной части у Гардизи указано следующее: «Все их земли покрыты лесами, деревьями. И среди них кочуют они с одного места на другое» [24, с. 157]. Правда, есть ссылка и на постоянные жилища. Ибн Руста и Гардизи единогласно утверждают, что все они находятся в одном месте, что обычно трактуется как возможное указание на место торговли, расположенное вдоль Волги [36, с. 132 — 133]. Ибн Фадлан подтверждает эту гипотезу: «Место для торговли располагается около реки, там всегда многолюдно, и продают много ценных товаров» [32, с. 174]. Помимо рынка важным объектом на пути к оседло-

[2] Данное сообщение сохранилось с небольшими дополнениями.

сти служила воздвигнутая для мусульман мечеть. Относительно этого Ибн Руста сообщил следующую информацию: «На их постоях имеются мечети, школы, муэдзины и имамы» [36, с. 137]. Ибн Фадлан знал только об одной волжско-булгарской общности, которая известна нам под названием *Баранджар*, и только у них, по его словам, имеется мечеть: «Для них возвели из дерева мечеть, где они могут молиться» [32, с. 67 — 78]. Это означает, что поворот к формированию городов в Волжской Булгарии начался в 20-е гг. X в. К середине века построено уже два известных нам города, которые мусульманские авторы описывают не только как религиозные, культурные, но и как административные и торговые центры. Но с середины X в. булгарские монеты чеканились в городах Болгар и Сувар [30, с. 276].

С точки зрения возникновения и процветания городов решающим моментом стали два фактора, которые тесно связаны друг с другом.

К ним относятся те кардинальные изменения в международной торговле, которые происходили в конце IX в. Торговля, процветавшая ранее между основными территориями распространения ислама и Восточной Европой при посредничестве Хазарского каганата, попала в критическое положение. Внутри исламского мира новым центром торговли стала саманидская Трансоксания. Таким образом, перестроились и существовавшие торговые пути, основную артерию которых образовал путь, пересекающий Хорезм и Огузскую (казахскую) степь и ведущий в Волго-Камье. Этот путь обходил существовавшую ранее хазарскую территорию, расположенную в нижнем течении Волги. С начала X в. волжско-булгарская территория стала функционировать в качестве своеобразных торговых ворот между исламским миром и Восточной Европой [23; 28, с. 151 — 282]. Торговля предполагает не только обмен товарами, но и культурные контакты. И благодаря им булгарский правитель Алмыш принял ислам, что официально было закреплено в 922 г. отправкой к нему миссии от халифа. Ибн Фадлан был членом этой делегации, и в своем сообщении он упоминает о мотивах булгарского правителя: «Аль-Хасан ибн Йалтавар, царь славян, направил главе правоверных аль-Муктадиру письмо, в котором он просил прислать кого-нибудь, кто мог бы наставить его по вопросам религии, познакомил бы с законами ислама, построил бы мечеть и поставил для него трибуну, чтобы оттуда он мог бы от его имени воззвать к молитве в его стране, во всем его царстве» [32, с. 2]. Несомненно, процветание торговли и принятие ислама, вместе с которым пришла цивилизация, дали толчок развитию булгарских городов.

Споры вокруг географической локализации городов Сувар и Ошель в настоящий момент затихли. Упомянутый в мусульманских источниках г. Сувар в русских летописях не встречается. А. П. Смирнов отождествлял Сувар со следами поселения, находившегося на левом берегу р. Утки, южнее д. Кузнечихи. Это место в X — XIII вв. процветало [4, с. 230 — 265].

Ошель был самым значительным булгарским городом западнее Волги. Этот город в 1220 г. захватил и уничтожил владимиро-суздальский князь. Об этом в русских летописях сохранились подробные отчеты. В отношении его локализации можно говорить о двух населенных пунктах [4, с. 265 — 266[3]; 9, с. 90 — 91[4]]. Его отождествление с Великим Городом, упомянутым Юлианом, опроверг И. Фодор [17, с. 55 — 67].

[3] Кирельское или Янтиковское городище.

[4] Богдашкинское городище.

Локализацию Болгара и Великого Города во времена существования волжско-булгарского государства, т. е. в X — XIII вв., сначала связывали с существовавшим в то время городом Бряхимовым. Затем — с городом Болгар, впервые упомянутым в XIV в., или иногда с городом под названием Великий Болгар, который был известен по русским летописям, и, наконец, с существующими и поныне двумя селами — Болгары и Билярск. Традиционная гипотеза была разработана С. М. Шпилевским. По его мнению, столицей волжских булгар в X — XII вв. был город, расположенный рядом с селом Болгары. Однако Владимиро-суздальское княжество вступило в борьбу за торговую монополию в Среднем Поволжье и во второй половине XII в. осуществило несколько успешных военных походов против волжских булгар. Таким образом, столица на берегу Волги стала подвергаться серьезной опасности, поэтому впоследствии ее перенесли в город, находящийся поблизости от деревни Билярск [12, с. 124 — 126]. Урбоним Великий Город целых пять раз упомянут в русских летописях (в 1184, 1220, 1229, 1232 и 1236 гг.). Его отождествление со столичным городом, расположенным около Билярска, хорошо доказуемо [9, с. 93 — 94]. Великий Город, т. е. Билярск, вследствие татарского нашествия был полностью разрушен. Потом, во времена Золотой Орды, возродился и стал процветать г. Болгар (Болгары). Во время правления Бату он стал северной столицей и в течение XIII — XIV вв. оставался наиболее значительным городом Волго-Камья. Как уже было указано нами, само название Болгар впервые появилось в русских источниках только в XIV в., это подтверждается и археологическими раскопками. Данный период является временем расцвета города.

А. Х. Халиков — руководитель раскопок, проводившихся вблизи Билярска, поменял традиционные представления на основании новых археологических данных. В период X — XIII вв. г. Билер (Билярск) превышал территорию г. Болгар (Болгары) примерно в 25 раз. В радиусе пятидесяти километров вокруг Билярска было обнаружено около четырехсот волжско-булгарских поселений, что представляет собой четверть от всех археологических памятников. Грандиозные масштабы откопанного города можно сопоставить со столицами Караханидского ханства и Дунайско-болгарского царства [10, с. 83 — 89]. На основании этого он сделал вывод, что Билер мог быть столицей волжско-булгарского государства не только в XII — XIII вв., но и начиная с его основания, т. е. с X в.

Это стало причиной серьезного спора. А. П. Смирнов и Р. Г. Фахрутдинов оставались на позиции традиционных представлений о том, что г. Болгар отождествлялся с упомянутой в мусульманских источниках местностью под названием Болгар (Болгары), являвшейся столицей в X — XII вв. [5, с. 98 — 102; 7, с. 74 — 79; 8, с. 131 — 143; 9, с. 46 — 63, 93 — 98]. Однако А. Х. Халиков и Ф. Ш. Хузин привели новые аргументы [10, с. 83 — 99; 11, с. 6 — 42]. В центре внимания оказались толкования мусульманских источников. Так как в предании Джейхани и у Ибн Фадлана не упоминаются города, мы должны исходить из данных, сохраненных у Истахри в сочинении аль-Бахли, и из данных, приведенных выше. Однако здесь тоже не содержатся данные, на основе которых можно было бы решить данный вопрос. В то же время более поздние авторы, которые использовали это предание, аль-Мукаддаси и неизвестный автор работы Худуд ал-Алам локализуют Болгар на берегу Волги. К сожалению, достоверность этой информации, полученной из вторых рук, сомнительна [14, с. 321; 26, с. 162].

Абу Хамид аль-Гарнати в первый раз посетил волжских булгар в 1135 — 1136 гг., второе же его посещение относится к 1150 г. [1; 13]. Он дает следующее

описание города: «Болгар тоже огромный город, весь построенный из сосны, а городская стена — из дуба. <…> А смысл слова *булгар* — ученый человек» [1, с. 42, 44; 16, с. 9, 11]. К тому же в отношении предания, рассказывающего о принятии ислама, он сделал следующее примечание: «А ученый у них называется *билар*, поэтому назвали эту страну “Билар”, смысл этого — “ученый человек”, и арабизировали это, и стали говорить “Булгар”. Это прочитал я в “Истории Булгара”, переписанной булгарским кадием...» [1, с. 45; 16, с. 12; 19, с. 113 — 119]. Народная этимология объясняет это слово однозначно: в тюркских языках значением глагола *bil-* является ‘знать’. При прибавлении к нему суффикса *-r* получится слово, которое точно соответствует арабскому слову *ʿālim* ‘ученый’ из глагола ‘*alima* ‘знать’. Следовательно, сохранившееся в арабском тексте слово отражает тюркское *biler*. Другой термин, *Булгар*, естественно не является арабской формой слова, а скорее это — общетюркская форма этнонима *булгары*. В то же время первую форму этого слова можно дополнить еще несколькими вариантами. Во-первых, в «Венгерском Анониме» встречается этноним в виде *Bular* [31, с. 114 — 115]. А Плано Карпини и Бенедикт Поляк зафиксировали формы *Biller* [35, с. 73] и *Byler* [35, с. 98, 111, 138]. Л. Лигети выяснил, что эти варианты отражают среднечувашскую форму и в конечном итоге происходят от этнонима *Bulġār*, и предложил следующую реконструкцию: *Bulġar* > *Bular* > *Bïlar* > *Biler* [22, с. 280; 36, с. 37 — 38[5]]. Вероятнее всего, произошло объединение среднечувашского этнонима *Билер* с гомофонным тюркским словом *biler*, которое имеет значение ‘ученый’. Последний вариант сохранился в русском топониме *Билярск* с конечным суффиксом из русского языка.

Джувейни во время восточно-европейского похода монголов сообщает о взятии волжско-булгарской столицы: «Они <царевичи> сошлись все вместе в землях булгар. От множества их войск земля стонала и гудела и даже дикие звери столбенели от шума их полчищ. Прежде всего они захватили штурмом город Болгар, который на весь мир славился крепостью своих стен и обилием запасов; и как предостережение другим они убили жителей или увели их в плен» [15, с. 268 — 269]. В то же время об этом же событии русские летописи пишут, что названием захваченного города был *Великий Город*. Это указывает на то, что русское название столицы Билярска — Великий Город, а ее общетюркским названием было Болгар.

В итоге мы выяснили, что имелись этноним и название страны, которые на общетюркском языке звучали как *Булгар*, в то время как их среднечувашские формы выглядели как *Bular* и *Biler*. Но параллельно с ними существовали еще два города, которые, предположительно, назывались так же — *Булгар* и *Билер*. Со стороны это выглядит достаточно запутанно. Не случайно у мусульманских авторов были лишь смутные представления о расположении города, называемого *Булгар*. Вопрос усложняется еще и тем, что в Средние века постоянное перемещение двора считалось нормальным явлением. Это явление существовало не только у кочевников, но и в средневековой Европе, что общеизвестно. Вполне вероятно, что у волжско-булгарских правителей имелось несколько резиденций, и самыми важными из них, вероятно, были Болгары и Билярск.

Упоминание г. Бряхимова встречается в связи с походом русских, совершенном в 1164 г. Лаврентьевская летопись сообщает об этом следующее: «В том же

[5] Для получения дополнительной информации.

[1164] году пошел князь Андрей против булгар вместе со своим сыном Изяславом, братом Ярославом и муромским князем Гюргем. И помог им Бог и святая Богородица с булгарами, многих из которых изрубили, захватили их знамена… Булгарский князь с небольшой частью своей дружины едва добежал до Великого города. Когда князь Андрей возвращался после битвы с победой, он увидел изрубленных булгар-язычников, а свою дружину невредимой <…> и, уходя, они заняли славный город их Бряхимов, а три других их города сожгли» [2, с. 352 — 353]. Поздние версии описания данного похода дополнены небольшими подробностями. Например, «Русский хронограф», датируемый 1512 г., сообщает следующее: «Андрей [пошел] против булгар и взял с собой святой крест Христа и чудодейственную Владимирскую икону святой Богородицы, то, что он по обыкновению всегда делал, так как они защищали их от врагов. Помолившись этой иконе, русские повергли булгар. А их армия осталась невредимой. Они заняли четыре города, взяли расположенный на берегу Камы Бряхимов…» [3, с. 428; 25, с. 663; 29, с. 146 — 148[6]]. В данной версии отсутствует описание последствий первого боя, в том числе и указание об отступлении булгарского правителя в Великий Город, что означает, что Великий Город нельзя отождествлять с Бряхимовым. Согласно другому важному дополнению, Бряхимов был расположен на берегу Камы. И это исключает возможность отождествления этого города как с Билером, так и с Болгаром.

Это название города встречается еще и в произведении под названием «Казанская история», а именно в легенде, рассказывающей о происхождении Казанского ханства: «На берегу Камы стоял древний город, названный Бряхов. Оттуда пришел Царь, известный под именем Саин Болгарский… Этот царь построил на этой стороне город Казань, и ни один русский правитель не смог ничего возразить против этого <…> На берегу реки Камы находился один древний город, названный Бряхов Болгарский. Сегодня этот город опустел. Впервые его занял великий князь Андрей Юрьевич Владимирский. Он отдал его своему войску на растерзание и подчинил себе булгар. Народ, названный Балыматы, живет на расстоянии двадцати верст от этих булгар. Великий князь поработил эту [страну] вплоть до их земли. И Казань стала столицей вместо Бряхова…» [18, с. 51 — 54; 29, с. 119 — 120]. Временные периоды этой исторической легенды хорошо реконструируются. Самым ранним событием является поход Андрея против булгар в 1164 г., когда он взял Бряхимов. Бряхов, вероятно, искаженный вариант этого названия. По мнению С. М. Шпилевского, название Бряхимов могло представлять собой русский вариант мусульманского имени Ибрахим [12, с. 32]. На следующее событие может указывать имя Саин, потому что оно является посмертным именем Бату, основателя Золотой Орды. Во времена Золотой Орды центром Волго-Камья был Булгар. Возможно, русские летописцы отождествляли Бряхимов с процветающим Булгаром, что исторически недоказуемо. Позже это было дополнено вымыслом о преемственности между Болгарами и Казанью, историческая достоверность которого была поставлена под сомнение М. А. Усмановым, ведь Болгар был полностью разрушен в 1431 г., тогда как Казань упоминалась в русских источниках еще в 1393 г. [6, с. 120 — 121].

В XVI — XVII вв. традицию преемственности Болгара и Казани сознательно культивировали при русском дворе, чтобы можно было доказать, что Казань

[6] Параллельное описание.

является столицей Казанского ханства и правопреемником Болгара, который во времена Золотой Орды действительно был самым крупным центром Волго-Камского региона. Однако этот вымысел стали развивать дальше, отождествляя Болгар с Бряхимовым и перенося его в эпоху Волжской Булгарии, о чем не имеется никакой письменной и устной информации. Таким образом, автор «Казанской истории» произвольно связал название города *Бряхимов*, с которым связан поход Андрея, с названием *Булгар*, которое фигурирует в более поздней традиции.

Заключение

Возникновение волжско-булгарских городов стало возможным вследствие расцвета торговых связей в X в., благодаря которым в Волго-Камский регион был принесен ислам. Источники X — XIII вв. сохранили шесть названий: Болгар, Сувар, Великий Город, Бряхимов, Торческ и Ошель. Возникают трудности с идентификацией названия *Булгар*, поскольку эта форма является общепринятым тюркским названием страны, ее народа и двух городов. Начиная с XII в. также известны его соответствия в чувашском языке — *Bular ~ Biler*. В результате археологических раскопок был обнаружен один город вблизи с. Болгары и еще один крупный город у с. Билярск, существовавшие в X — XIII вв. Первый вариант названия сохранил в русском варианте общетюркскую форму, тогда как второй вариант отражает форму чувашского типа. На уровне наших современных знаний мы все равно не можем однозначно сказать, который из этих двух городов являлся столицей волжских булгар в X — XII вв. С середины XII в. и до татарского нашествия Великий Город без сомнения был Билером (Билярском). Предположительно, город под названием Бряхимов, или в другом варианте — Ибрахим, можно отождествить с Болгаром, однако этот аргумент кажется анахронизмом, так как Болгар стал очень важным городом и центром территории только в эпоху Золотой Орды, т. е. после падения Волжско-булгарского государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Большаков О. Г., Монгайт А. Л. Путешествие Абу Хамида Аль-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131 — 1153 гг.). Москва: Наука, 1971. 134 с.

2. Полное собрание русских летописей: Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по академическому списку. Т. I. Москва: Изд-во восточной литературы, 1962. 580 с.

3. Полное собрание русских летописей: Русский хронограф редакции 1512 года. Т. XXII. Ч. 1. Санкт-Петербург: Тип. М. А. Александрова, 1911. 580 с.

4. Смирнов А. П. Волжские булгары. Москва: Изд-во Государственного исторического музея, 1951. 277 с.

5. Смирнов А. П. О столице государства волжских булгар // Советская археология. 1971. № 1. С. 98 — 102.

6. Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII — XVIII вв.: «Сборник летописей», «Дафтар-и Чингиз-наме», «Таварих-и Булгария». Татарские шаджара. Казань: Изд-во Казанского государственного университета, 1972. 223 с.

7. Фахрутдинов Р. Г. Еще раз о столице домонгольской Булгарии // Советская археология. 1975. № 4. С. 74 — 79.

8. Фахрутдинов Р. Г. О столице домонгольской Булгарии // Советская археология. 1974. № 1. С. 131 — 143.

9. Фахрутдинов Р. Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. Москва: Наука, 1984. 216 с.

10. Халиков А. Х. О столице домонгольской Булгарии // Советская археология. 1973. № 1. С. 83 — 99.

11. Хузин Ф. Ш. О столице Волжской Булгарии домонгольского периода // Биляр — столица домонгольской Булгарии. Казань: ИЯЛИ, 1991. С. 6 — 42.

12. Шпилевский С. М. Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань: Университетская тип., 1877. X. 585. XVI с.

13. Abu-Hámid al-Garnáti utazása Kelet- és Közép-Euró- pában. 1131 — 1153. Közzétette O. G. Bolsakov és A. L. Mongajt. Budapest: Gondolat, 1985. 47 p.

14. al-Muqaddasī. Aḥsan al-taqāsīm fī maʿrifat al-aqālīm // Bibliotheca Geographorum Arabicorum. Vol. III. Leiden: Brill, 2014. 512 p.

15. Boyle J. A. The History of the World-Conqueror by ʿAta Malik Juvaini. Translated from the Text of Mirza Muhammad Qazvini. Manchester: Harvard University Press, 1958. 424 p.

16. Dubler C. E. Abū Hāmid el Granadino y su Relacion de viaje por tierras eurasiaticas. Madrid: Impr. y Editorial Maestre, 1953. 425 p.

17. Fodor I. Hol talált rá Julianus a keleti magyarokra? // A Nyíregyházi Jósa András Múzeum Évkönyve. 1982. P. 55 — 67.

18. Historie vom Zartum Kasan. (Kasaner Chronist.) Übersetzt, eingeleitet und erklärt von F. Kämpfer. Graz — Wien — Köln: Styria, 1969. 343 s.

19. Hrbek I. Eine Volksetimologie des Namens „Bulġar" // Charisteria Orientalia praecipue ad Persiam pertinantia. Ioanni Rypka hoc Volumen Sacrum. Praha, 1956. S. 113 — 119.

20. Kitâb Al-A'Lâk An-Nafîsa VII auctore Abû Alî Ahmed ibn Omar Ibn Rosteh et Kitâb Al-Boldân auctore Ahmed ibn Jakûb ibn Wadhih al-Kâtib Al-Jakûbi by Goeje, M. J. de (Michael Jan). Vol. VII. Lugdunum Batavorum: Brill, 1870. 394 p.

21. Kmoskó M. Mohamedán írók a steppe népeiről // Földrajzi irodalom I/2. Szerk. Zimonyi I. Magyar Őstörténeti Könyvtár 13. Budapest, 2000. P. 31 — 32.

22. Ligeti L. A. magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Árpád-korban. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986. 602 p.

23. Martin J. Treasure of the Land of Darkness. The fur trade and its significance for medieval Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 296 p.

24. Martinez A. P. Gardīzī's two Chapters on the Turks // AEMAe. Vol. 11 — 19. II2. 1982. P. 109 — 218.

25. Miller D. B. Legends of the Icon of Our Lady of Vladimir: A Study of the Development of Muscovite National Consciousness // Speculum XLIII. № 4. 1968. P. 657 — 670.

26. Minorsky V. Ḥudūd al-ʿĀlam. 'The Regions of the World.' A Persian Geography 372 A.H. 982 A.D. GMS XI. London: Messrs, Luzak & Co, 1937. 544 p.

27. Minorsky V. Sharaf al-Zamān Tāhir Marvazī on China, the Turks and India. London: The Royal Asiatic Society, 1942. 234 p.

28. Noonan T. S. Why dirhams first reached Russia: the role of Arab— Khazar relations in the development of the earliest Islamic trade with Eastern Europe: AEMAe. Vol. 4. 1984. P. 151 — 282.

29. Pelenski J. Russia and Kazan. Conquest and Imperial Ideology (1438 — 1560). The Hague, Paris: Mouton, 1974. 349 p.

30. Rispling G. («The Volga Bulgarian Imitative Coinage of al-Amir Yaltawar ('Barman') and Mikail b. Jafar», p. 275 — 282) traite des imitations, qui constituent 5 à 10 % du total des monnaies // Commentationes de Nummis Saeculorum IX — XI. Sigtuna Papers. Proceedings of the Sigtuna Symposium on Viking-Age Coinage 1 — 4 June 1989. Ed. K. Jonsson and B. Malmer. London, 1990. 339 p.

31. Scriptores Rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum. Edendo operi praefuit Emericus Szentpétery. Vol. I. Budapest: Magyar Történelmi Társulat, 1937. № 4. 681 p.

32. Togan Z. V. Ibn Fadlān's Reisebericht. Leipzig: Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, 1939. 371 s.

33. Viae et regna, descriptio ditionis moslemicae auctore Abu'l-Kasim Ibn Haukal by Ibn Haukal, Abu'l-Ksim, Muhammad; Goeje, M. J. de (Michael Jan). Vol. II. Lugdunum Batavorum: Brill, 1873. 436 p.

34. Viae Regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishák al-Fárisí al-Istahrí. // Bibliotheca Geographorum Arabicorum Vol. I. Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1870. 394 p.

35. Wyngaert A. Sinica Franciscana. Itinera et Relationes Fratrum Minorum saeculi XIII. et XIV. B. 1. Quaracchi — Firenze: Apud Collegium S. Bonaventurae, 1929. CXVIII — 637 p.

36. Zimonyi I. Origins of the Volga Bulghars. Studia Uralo-Altaica 32. Szeged, 1990. 211 p.

REFERENCES

1. Bolshakov O. G., Mongayt A. L. Abu Hamid Al-Gharnati's journey to Eastern and Central Europe (1131 — 1153). Moscow;1971:134. (In Russ.)

2. The Complete collection of Russian chronicles: The Laurentian Chronicle and the Suzdal Chronicle according to the academic list. T. I. Moscow;1962:580. (In Russ.)

3. The Complete Collection of Russian Chronicles: The Russian chronograph of the edition of 1512. Vol. XXII. Part 1. St. Petersburg;1911:580. (In Russ.)

4. Smirnov A. P. The Volga Bulgars. Moscow;1951:277. (In Russ.)
5. Smirnov A. P. About the capital of the state of the Volga Bulgars // Soviet Archeology. 1971; 1:98 — 102. (In Russ.)
6. Usmanov M. A. Tatar historical sources of the 17th — 18th centuries: “Collection of chronicles”, “Daftar-i Chingiz-nameh”, “Tavarikh-i Bulgaria”. Tatar Shajars. Kazan;1972:223. (In Russ.)
7. Fakhrutdinov R. G. Once again about the capital of pre-Mongol Bulgaria // Soviet archeology. 1975;4:74 — 79. (In Russ.)
8. Fakhrutdinov R. G. About the capital of pre-Mongol Bulgaria // Soviet archeology. 1974;1:131 — 143. (In Russ.)
9. Fakhrutdinov R. G. Essays on the history of Volga Bulgaria. Moscow;1984:216. (In Russ.)
10. Khalikov A. H. About the capital of pre-Mongol Bulgaria // Soviet archeology. 1973;1:83 — 99. (In Russ.)
11. Khuzin F. S. On the capital of the Volga Bulgaria of the pre-Mongol period // Bilyar — the capital of pre-Mongol Bulgaria. Kazan;1991:6 — 42. (In Russ.)
12. Shpilevsky S. M. Ancient cities and other Bulgarian-Tatar monuments in the Kazan province. Kazan;1877:XVI. (In Russ.)
13. Abu-Hámid al-Garnáti utazása Kelet- és Közép-Euró- pában. 1131— 1153. Közzétette O. G. Bolsakov és A. L. Mongajt. Budapest;1985:47. (In Hungarian)
14. al-Muqaddasī. Aḥsan al-taqāsīm fī maʿrifat al-aqālīm // Bibliotheca Geographorum Arabicorum. Vol. III. Leiden;2014:512. (In Arabian)
15. Boyle J. A. The History of the World-Conqueror by ʿAta Malik Juvaini. Translated from the Text of Mirza Muhammad Qazvini. Manchester;1958:424. (In English)
16. Dubler C. E. Abū Hāmid el Granadino y su Relacion de viaje por tierras eurasiaticas. Madrid;1953:425. (In Spanish)
17. Fodor I. Hol talált rá Julianus a keleti magyarokra? // A Nyíregyházi Jósa András Múzeum Évkönyve. 1982:55 — 67. (In Hungarian)
18. Historie vom Zartum Kasan. (Kasaner Chronist.) Übersetzt, eingeleitet und erklärt von F. Kämpfer. Graz — Wien — Köln;1969:343. (In German)
19. Hrbek I. Eine Volksetimologie des Namens „Bulġar” // Charisteria Orientalia praecipue ad Persiam pertinantia. Ioanni Rypka hoc Volumen Sacrum. Praha;1956:113 — 119. (In German)
20. Kitâb Al-A’Lâk An-Nafîsa VII auctore Abû Alî Ahmed ibn Omar Ibn Rosteh et Kitâb Al-Boldân auctore Ahmed ibn Jakûb ibn Wadhih al-Kâtib Al-Jakûbi by Goeje, M. J. de (Michael Jan). Vol. VII. Lugdunum Batavorum;1870:394. (In Arabian)
21. Kmoskó M. Mohamedán írók a steppe népeiről // Földrajzi irodalom I/2. Szerk. Zimonyi I. Magyar Őstörténeti Könyvtár 13. Budapest;2000:31 — 32. (In Hungarian)
22. Ligeti L. A. magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Árpád-korban. Budapest;1986:602. (In Hungarian)
23. Martin J. Treasure of the Land of Darkness. The fur trade and its significance for medieval Russia. Cambridge;1986:296. (In English)
24. Martinez A. P. Gardīzī’s two Chapters on the Turks // AEMAe. Vol. 11 — 19. II2;1982:109 — 218. (In English)
25. Miller D. B. Legends of the Icon of Our Lady of Vladimir: A Study of the Development of Muscovite National Consciousness // Speculum XLIII. 4;1968:657 — 670. (In English)
26. Minorsky V. Ḥudūd al-ʿĀlam. ’The Regions of the World.’ A Persian Geography 372 A.H. 982 A.D. GMS XI. London;1937:544. (In English)
27. Minorsky V. Sharaf al-Zamān Tāhir Marvazī on China, the Turks and India. London;1942:234. (In English)
28. Noonan T. S. Why dirhams first reached Russia: the role of Arab— Khazar relations in the development of the earliest Islamic trade with Eastern Europe: AEMAe. 4;1984:151 — 282. (In English)
29. Pelenski J. Russia and Kazan. Conquest and Imperial Ideology (1438 — 1560). The Hague, Paris;1974:349. (In English)
30. Rispling G. («The Volga Bulgarian Imitative Coinage of al-Amir Yaltawar (‘Barman’) and Mikail b. Jafar», p. 275 — 282) traite des imitations, qui constituent 5 à 10 % du total des monnaies // Commentationes de Nummis Saeculorum 9th — 11th. Sigtuna Papers. Proceedings of the Sigtuna Symposium on Viking-Age Coinage 1 — 4 June 1989. Ed. K. Jonsson and B. Malmer. London;1990:339. (In English)
31. Scriptores Rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum. Edendo operi praefuit Emericus Szentpétery. Vol. I. Budapest;1937:681. (In Latin)

32. Togan Z. V. Ibn Fadlān's Reisebericht. Leipzig;1939:371. (In German)
33. Viae et regna, descriptio ditionis moslemicae auctore Abu'l-Kasim Ibn Haukal by Ibn Haukal, Abu'l-Ksim, Muhammad; Goeje, M. J. de (Michael Jan). Vol. II. Lugdunum Batavorum;1873:436. (In Latin)
34. Viae Regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishák al-Fárisí al-Istahrí // Bibliotheca Geographorum Arabicorum Vol. I. Ed. M. J. de Goeje. 1870:394. (In Latin)
35. Wyngaert A. Sinica Franciscana. Itinera et Relationes Fratrum Minorum saeculi XIII. et XIV. B. 1. Quaracchi — Firenze: Apud Collegium S. Bonaventurae, 1929:CXVIII — 637. (In Latin)
36. Zimonyi I. Origins of the Volga Bulghars. Studia Uralo-Altaica 32. Szeged;1990:211. (In English)

Статья поступила в редакцию 20.09.2025;
одобрена после рецензирования 20.04.2026; принята к публикации 25.05.2026
Информация об авторе:
Иштван Зимони, профессор
кафедры средневековой истории Сегедского университета
(6722, Венгрия, г. Сегед, ул. Эдетем, д. 2),
доктор исторических наук,
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4644-2969, zimonyi@hist.u-szeged.hu
Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 20.09.2025;
approved after reviewing 20.04.2026; accepted for publication 25.05.2026
Information about the author:
István Zimony, Professor of the Department of Medieval History,
University of Szeged
(2, Egyetem u., Szeged, 6722, Hungary),
Doctor of Historical Sciences,
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4644-2969, zimonyi@hist.u-szeged.hu
Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакцие 20.09.2025 çитнĕ;
рецензиленĕ хыççăн 20.04.2026 ырланă; 25.05.2026 пичете йышăннă
Автор çинчен:
Иштван Зимони, Сегед университечĕн
вăтам ĕмĕрсен историйĕн кафедрин профессорĕ
(6722, Венгри, Сегед хули, Эдетем ур., 2-мĕш çурт),
истори ăслăлăхĕсен докторĕ,
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4644-2969, zimonyi@hist.u-szeged.hu
Пайталăх конфликчĕ: автор пайталăх конфликчĕ çуккине пĕлтерет.
Автор ал çырăвăн юлашки вариантне вуласа тухнă, ырланă.

Оригинал статьи опубликован в книге «Középkori Nomádok — Korai Magyarok. Budapest: Balassi Kiadó, 2012» на С. 93 — 99.

Перевод с венгерского языка Ю. Дмитриевой

УДК 94(470.344)”1921/1931”
ББК 63.3(2Рос.Чув)613

Обзорная статья

ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ МЕСТНОГО (ЧУВАШСКОГО) КРАЯ В 1921 — 1931 ГОДАХ

Е. П. Михайлов
Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары, Россия
mihaylov.evgeniy.1958@mail.ru

Аннотация. Общество изучения местного (Чувашского) края (ОИМК-ОИЧК) было первой научно-исследовательской общественной организацией в Чувашской автономной области — ЧАО (Чувашской АССР с 1925 г.). В 1920-х гг. с привлечением ученых Казани, Петрограда/Ленинграда, Москвы оно провело первые научные экспедиции, первые исследования по изучению местной природы, полезных ископаемых, археологических памятников, этнографии, языка и др. Достижения в этих областях уже нашли достаточно полное отражение в различных публикациях. В то же время Общество внесло большой вклад, до сих пор недооцененный, в деятельность по национально-культурному развитию, строительству ЧАО и Чувашской АССР, ее населения, а также и чувашской диаспоры. В статье рассматриваются важные моменты создания, функционирования Общества. Особый упор сделан на вкладе организации, ее руководства и активных членов в научное изучение чувашской национальной культуры в различных ее аспектах (устное народное творчество, прикладное, народное и профессиональное искусство, изобразительное искусство, народные песни и музыка, профессиональное музыкальное искусство, чувашская литература, чувашский театр, Чувашский центральный музей, местные музеи, чувашский алфавит, чувашская терминология, словари, охрана культурного национального наследия и т. д.). Организация и проведение в 1928 г. Всечувашского краеведческого съезда явилось этапным в деятельности Общества, но и стало поводом для критики его деятельности, обвинения в «националистическом уклоне» и гонений на его активных членов.

Ключевые слова: ОИМК-ОИЧК, краеведение, ЧАО, ЧАССР, национально-культурное строительство, чувашская народная культура, чувашская профессиональная культура

Для цитирования: Михайлов Е. П. Общество изучения местного (Чувашского) края в 1921 — 1931 годах // Современная гуманитаристика. 2026. Т. 2. № 2. С. 21 — 45

© Михайлов Е. П., 2026

Review

SOCIETY FOR THE STUDY OF THE LOCAL (CHUVASH) REGION IN 1921 — 1931

E. P. Mikhaylov
Chuvash State Institute of Humanities,
Cheboksary, Russia
mihaylov.evgeniy.1958@mail.ru

Abstract. The Society for the Study of the Local (Chuvash) Region (OIMK-OICHK) was the first public research organization in the Chuvash Autonomous Region — ChAO (the Chuvash ASSR since 1925). In the 1920s, with the involvement of scholars from Kazan, Petrograd/Leningrad, and Moscow, it conducted the first scientific expeditions and the first research into local nature, minerals, archaeological sites, ethnography, language, etc. Achievements in these

areas have already been extensively covered in various publications. At the same time, the Society made a great contribution, still underestimated, to the national and cultural development of the ChAO and the Chuvash ASSR, their populations, as well as to the Chuvash diaspora. The article discusses important aspects of the creation and functioning of the Society. Special emphasis is placed on the contribution of the organization, its leadership, and active members to the scientific study of Chuvash national culture in its various aspects (oral folk art, decorative and applied arts, folk art, and professional art, fine art, folk songs and music, professional musical arts, Chuvash literature, Chuvash theatre, Chuvash Central Museum, local museums, the Chuvash alphabet, Chuvash terminology, dictionaries, the protection of national cultural heritage, etc.). The organization and holding of the All-Chuvash Congress of Local Lore in 1928 was a milestone in the activities of the Society, but it also became grounds for accusations of "nationalist bias", criticism of the Society's activities, and persecution of its active members.

Keywords: OIMK-OICHK, local studies, ChAO, Chuvash ASSR, national and cultural development, Chuvash folk culture, Chuvash professional culture

For citation: Mikhaylov E. P. Society for the study of the local (Chuvash) region in 1921 — 1931 // Modern humanities. 2026;2(2):21 — 45

Тишкерӳ статйи

ТĂВАН ÇĔР-ШЫВА (ЧĂВАШ ÇĔР-ШЫВНЕ) ТĔПЧЕКЕН УШКĂН 1921 — 1931 ÇУЛСЕНЧЕ

Е. П. Михайлов
Чăваш патшалăх гуманитари ăслăлăхĕсен институчĕ,
Шупашкар хули, Раççей
mihaylov.evgeniy.1958@mail.ru

Аннотаци. Тăван çĕр-шыва (Чăваш çĕр-шывне) тĕпчекен ушкăн (ТÇТУ-ЧÇТУ) Чăваш автономи облаçĕнче (ЧАО, 1925 çултан — Чăваш АССР) обществăлла майпа йĕркеленсе ĕçленĕ пĕрремĕш ăслăлăх тĕпчев организацийĕ пулнă. 1920-мĕш çç. Хусан, Петроград/Ленинград, Мускав ученăйĕсемпе пĕрле Чăваш енре пĕрремĕш ăслăлăх экспедицийĕсем ирттернĕ, пирвайхи хут вырăнти çут çанталăка, çĕр айĕнчи пурлăха, археологи палăкĕсене тишкернĕ, этнографи, чĕлхе тĕпчевĕсем йĕркеленĕ тата ыт. те. Ку облаçсенчи çитĕнӳсем пирки пичетре тухнă тĕрлĕ ĕçре самай туллин çырса кăтартнă. Çав вăхăтрах Ушкăн ЧАО тата Чăваш АССР тытăмне йĕркелессине, автономи территорийĕнчи халăхăн, ун тулашĕнче пурăнакан чăвашсен, наци культурин аталанăвне хывнă пайтана хальччен те тивĕçлĕ хак паман. Статьяра Ушкăн ĕçĕ-хĕлĕпе çыхăннă чи пĕлтерĕшлĕ самантсене пăхса тухнă. Ушкăн, ун ертӳçисемпе хастар пайташĕсем чăваш наци культурин тĕрлĕ енне (халăх сăмахлăхĕ, йăлари япаласемпе çыхăннă ӳнер, халăх тата професси ӳнерĕ, сăнарлă ӳнерлĕх, халăх юрри-кĕвви, профессиллĕ кĕвĕ ӳнерĕ, чăваш литературри, чăваш театрĕ, Чăваш тĕп музейĕ, вырăнти музейсем, чăваш алфавичĕ, чăваш терминологийĕ, словарьсем, наци культурин эткерлĕхне упрасси тата ыт. те) ăслăлăх тĕлĕшĕнчен тĕпчени çинчен уйрăмах тĕплĕн çырнă. 1928 ç. Пĕтĕм чăваш краеведени съездне хатĕрлесе ирттерни Ушкăншăн пысăк пĕлтерĕшлĕ пулнă. Анчах та вăлах Ушкăна национализм еннелле сулăннинче айăпламалли сăлтав пулса тăрать. Съезд хыççăн Ушкăн ĕç-хĕлне сивлеме, ун чи хастар пайташĕсене хĕсĕрлеме тытăнаççĕ.

Тĕп сăмахсем: ТÇТУ-ЧÇТУ, краеведении, ЧАО, ЧАССР, наци культурин аталанăвĕ, чăваш халăх культури, профессиллĕ чăваш культури

Цитатăлама: Михайлов Е. П. Тăван çĕр-шыва (Чăваш çĕр-шывне) тĕпчекен ушкăн 1921 — 1931 çулсенче // Хальхи гуманитаристика. 2026. 2 т. 2 №. С. 21 — 45

Введение

Существовавшее в 1920 — 1931 гг. в Чебоксарах Общество изучения местного (с 1927 г. — Чувашского) края (далее ОИМК-ОИЧК и Общество) явилось первым общественным научно-просветительским объединением на территории Чувашской автономной области и Чувашской АССР. В статье акцент сделан на оценку места и роли Общества в национально-культурном строительстве ЧАО и ЧАССР в 1921 — 1931 гг., когда оно функционировало. Не рассматриваются научно-исследовательская деятельность, археологические, этнографические и другие исследования, вклад ОИМК-ОИЧК в хозяйственное строительство, изучение вопросов экономики и т. д.

Материалы и методы

Работа написана с позиций историзма, объективности, на основе комплексного исследования источников и литературы с применением фактологического и нарративного методов. В статье широко использованы документы Общества (многие из них впервые вводятся в оборот), хранящиеся в Государственном историческом архиве Чувашской Республики (ГИА ЧР)[1], личном фонде секретаря ОИЧК Н. Р. Романова Научного архива ЧГИГН (НА ЧГИГН)[2]; журналы и газеты рассматриваемого времени, научная и другая литература. Предметом изучения является деятельность ОИМК-ОИЧК по решению национальных, государственных вопросов и проблем, его роль в развитии национальной культуры. Эти стороны деятельности Общества практически не получили специального рассмотрения, но уже затрагивались, особенно в статьях Т. С. Сергеева и Е. В. Агаевой [36; 37][3]. Работа не претендует на полный охват источников и литературы, всеобъемлющее раскрытие темы.

Результаты исследования и их обсуждение

Оценка роли ОИМК-ОИЧК со временем менялась. В 1920-е — начале 1930-х гг. его авторитет среди населения, интеллигенции, государственных и правительственных структур Чувашии был высоким. Работа Общества широко отражалась в местной периодике. Достижения краеведов Чувашии освещались и в центральной печати[4]. В начале 1930-х гг. Общество получило ярлык «буржуазно-националистического», «националистического». Долгое время (конец 1930-х — 1950-е гг.) оно вообще не упоминалось, деятельность и заслуги игнорировались, замалчивались, его роль приписывалась другим учреждениям и организациям [2, с. 151; 35, с. 201 — 202]. Только с официальной реабилитацией руководителей и активных деятелей Общества его деятельность начинает получать освещение в научных и публицистических изданиях [9; 15; 41 и др.]. Интерес к Обществу возрос в 1990 — 2000-х гг. Оценен его вклад в научное

[1] ГИА ЧР. Ф. Р-333.

[2] НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н. Р. Романова. Ед. хр. 428. Инв. № 7668. Л. 180 — 195, 199 — 218, 292 — 293.

[3] Сергеев Т. С., Агаева Е. В. Общество изучения местного края в сохранении и развитии экономики и этнокультуры чувашей в 1920-е годы // Чувашский национальный музей: люди, события, факты: сборник статей. 2023. Вып. 18. С. 155 — 160.

[4] Белозеров А. Краеведная работа в ЧАССР в 1929/30 г. // Советское краеведение. 1930. № 6. С. 24 — 27; Краеведные учреждения СССР. Список обществ и кружков по изучению местного края, музеев и других краеведных организаций. Изд. 2-е. Ленинград: Изд-е ЦБК, 1927. С. 77 — 78; Озеров П. В. Краеведение в Чувашской АССР и Марийской автономной области (итоги обследования) // Советское краеведение. 1930. № 1 — 2. С. 77 — 82; Романов Н. Р. Курсы краеведения в Чувашии // Советское краеведение. 1930. № 11 — 12. С. 48.

археологическое, этнографическое, языковедческое и другое изучение республики, чувашской диаспоры. Разным сторонам деятельности организации посвящены работы Л. А. Ефимова, Т. С. Сергеева, Е. В. Агаевой, В. П. Станьяла, В. Г. Ткаченко, О. А. Требушковой и др. [5; 6; 36; 37; 40 и др.][5]. Роль ОИМК-ОИЧК, особенно в археологическом изучении Чувашии, рассматривалась Б. В. Каховским, Е. П. Михайловым [13; 27 — 29]. В. Н. Клементьев в работах по национально-государственному строительству 1920-х гг. использует отчеты и материалы ОИМК-ОИЧК [17]. Об активных членах ОИМК-ОИЧК М. П. Петрове (Тинехпи), Ф. П. Павлове, Д. П. Петрове (Юман), С. М. Максимове, Д. С. Эльмене, К. В. Элле, А. П. Прокопьеве (Милли), П. З. Львове, Н. П. Неверове, Н. И. Ашмарине и других, их деятельности писали В. Д. Димитриев, А. М. Симулин, Г. А. Алексеев, А. В. Изоркин, М. Г. Кондратьев, Е. П. Михайлов, М. И. Иванов, В. П. Никитин (Станьял), С. Г. Отрыванов, Э. Е. Лебедев и др. [3, с. 7, 29, 30, 33; 8, с. 160, 162 — 163, 192, 214; 19, с. 208 — 209, 232 — 233, 251, 252, 261, 266, 269, 308 — 310, 316, 317, 319, 391; 20, с. 91, 121, 136 — 138, 147, 243, 246, 255, 256, 260, 266, 268; 21, с. 123, 138 — 140, 252, 255, 260; 24, с. 181 — 184, 190, 194, 218; 30, с. 165; и др.][6]. До сих пор в историографии Чувашии нет обобщающей работы по истории Общества, основанной на широком круге источников (научные труды, архивные материалы, периодика, воспоминания, переписка и др.).

Первые годы после революций 1917 г. было временем, когда для народов, в том числе и чувашского, открылись новые возможности для развития. Образование в 1920 г. Чувашской автономной области (ЧАО) «сняло многие непреодолимые препятствия в культурном развитии» [21, с. 12]. Это был период,

---

[5] Ефимов Л. А. Краеведение в Чувашии: исторический опыт, проблемы и перспективы // Вестник Чувашской народной академии наук и искусств. 2016. № 2 (4). С. 8 — 16; Его же. «Золотое десятилетие» чувашского краеведения // Чувашский национальный музей: люди, события, факты: сборник статей. Вып. 14. Чебоксары: Чувашский национальный музей, 2019. С. 76 — 81; Сергеев Т. С. Общество изучения местного края (ОИМК) // Краткая чувашская энциклопедия (КЧЭ). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. С. 301; Его же. Общество изучения местного края (ОИМК) // Чувашская энциклопедия (ЧЭ). Т. 3 (М — Се). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. С. 295 — 296; Станьял В. П. Из истории чувашского краеведения // Золотые крылья краеведения: К 100-летию образования Общества изучения местного края и 30-летию Союза чувашских краеведов / сост.: Э. В. Никитина, Г. П. Соловьева, О. Н. Тимофеева. Чебоксары: Новое Время, 2022. С. 13 — 29 (Союз чувашских краеведов); Ткаченко В. Г. Краеведение // ЧЭ. Т. 2 (Ж — Л). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. С. 339 — 340; и др.

[6] Алексеев Г. А. Организатор медицинской службы. Лукьянов Иван Константинович (1889 — 1952) // Их имена останутся в истории. Вып. 1. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1993. С. 109 — 111; Димитриев В. Д. М. П. Петров (Тинехпи) — деятель просвещения и культуры, этнограф и историк: учебное пособие / науч. ред. А. В. Арсентьева. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. С. 14, 15; Изоркин А. В. Невостребованный талант. Петров-Юман Дмитрий Петрович (1885 — 1939) // Их имена останутся в истории: биографические очерки. Вып. 2. Чебоксары: ЧГИГН, 1994. С. 71 — 72; Исследователи этнографии и археологии Чувашии: биобиблиографический словарь / сост.: П. П. Фокин, Г. Б. Матвеев, Е. П. Михайлов и др.; науч. ред. П. П. Фокин, Г. Б. Матвеев. Чебоксары: ЧГИГН, 2004. С. 23, 113, 118, 128, 154, 170 — 171, 208, 213, 230, 254, 264, 266; Отрыванов С. Г. Приговорен на гибель [П. З. Львов]: документальная повесть. Чебоксары: [б. и.], 2013. С. 95 — 98, 162; Симулин А. М. Нереализованные замыслы. Элле Кузьма Васильевич (1896 — 1974) // Их имена останутся в истории: биографические очерки. Вып. 2. Чебоксары: ЧГИГН, 1994. С. 116; Станьял В. П. Алексей Милли шăпи. Пурнăçĕпе пултарулăхĕн тĕрленчĕкĕ (Участь Алексея Милли: Заметки о жизни и творчестве). Шупашкар (Чебоксары): [б. и.], 2004. С. 8, 10, 11, 21 (Библиотечка чувашской народной академии) и др.

когда создавались национальные структуры власти и органы образования, рождалась национальная наука. «Без преувеличения можно сказать, что для чувашского и других народов Поволжья в это время строилась новая, неизведанная доселе жизнь» [24, с. 7]. 1920-е гг., как характеризуют специалисты, это «золотое» время развития внутрироссийских национальных культур. В Чувашии также действовали постановления центральных и местных структур по ускоренному развитию национальной культуры и образования, шел процесс привлечения к управленческой работе чувашей («коренизация аппарата»), применение чувашского языка во всех сферах жизни [20, с. 106 — 107]. Р. Ю. Беляков 1920-е гг. называет периодом «романтического советского национализма» [1, с. 362]. Это период относительного плюрализма и свободы культурной жизни. Но в то же время проходил процесс «советизации» культурной жизни, переход от «плюралистического разномыслия» к «управляемой сверху» культуре. Он сопровождался строительством и созданием национальной по форме и социалистической по содержанию культуры. Краеведение же в Чувашии в 1920-е гг. приобрело статус «массового научно-культурного движения» [11, с. 124].

Как известно, с образованием Чувашской автономии (1920) сильно возрос интерес к национальной истории, археологии, этнографии и др., оно вызвало «огромный творческий энтузиазм во всем чувашском народе»[7]. В ЧАО в первые месяцы существования «научно-исследовательская работа велась плановыми и оперативными ее органами» [4, с. 3]. В феврале 1921 г. в Чебоксарах начинает работать Чувашский центральный музей (ЧЦМ). Именно в музее по инициативе местной чебоксарской интеллигенции, поддержанная руководством области, зародилась и получила развитие идея создания научного общества. Был разработан проект Устава этого общества, который был утвержден Чувашским облисполкомом 16 апреля 1921 г.[8] ОИМК было открыто «торжественным заседанием граждан» г. Чебоксары в помещении Государственного чувашского театра 17 апреля 1921 г.[9] На заседании выступили председатель Чувашского облисполкома Д. С. Эльмень (доклад «Краткий очерк истории чувашского народа»), затем заведующий ЧЦМ Н. П. Неверов и заведующий областным отделом народного образования (облоно) И. Н. Яштайкин[10]. Эльмень отметил и одну из главных задач Общества: «Знание национальности и ее истории необходимо для определения ее будущей истории»[11]. Национальный хор Ф. П. Павлова участвовал и выступил при открытии Общества [19, с. 225]. Вскоре началась запись о вступлении в ОИМК. 18 февраля 1922 г. был принят утвержденный Москвой Устав Общества и состоялись перевыборы членов его Совета[12]. Устав постоянно обсуждался и

---

[7] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 3. Л. 96 об.

[8] Там же. Д. 38. Л. 116.

[9] Две фотографии событий 17 апреля, хранившиеся без комментариев в личном фонде М. Г. Борисовой-Эльмень (супруги Д. С. Эльменя) в НА ЧГИГН (Отд. VIII. Ед. хр. 795), впервые были атрибутированы Е. П. Михайловым в 1990-х гг. и не раз публиковались [8, с. 162 — 163; 19, с. 208 — 209, 232 — 233; ЧЭ. Т. 2 (Ж — Л). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. С. 339 и др.].

[10] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 3. Л. 1 — 8; Сергеев Т. С., Агаева Е. В. Общество изучения местного края… С. 156.

[11] Там же. Л. 4.

[12] Отчет о деятельности Общества изучения местного края Чувашской Автономной Области за 1921 — 1923 годы. Издание Общества [ОИМК]. Чебоксары: Тип. Чувашгосиздата, 1924. С. 5, 12.

перерабатывался, сохранились его варианты разных лет[13]. Имеются сведения, что Устав был напечатан в Чувашгизе в 1926 г.[14] Общество находилось в ведении Чувашского облоно, затем Наркомпроса ЧАССР[15].

На первых порах (1921 — 1922) в протоколах заседаний Общество именовалось «Чебоксарским научным обществом при Центральном Чувашском областном музее» и «Обществом по изучению местного края» и др., затем в 1927 г. ОИМК переименовывается в ОИЧК (сокращенно «Чувашизуч»)[16], но в документах употреблялись оба названия. В 1930 — 1931 гг. встречается наименование ОИЧК — «Чувашская организация Общества краеведения»[17]. В его задачах значились «исследование и изучение края в его прошлом и настоящем», «изучение вопросов, связанных с культурным и хозяйственным строительством ЧАССР»[18]. 23 августа 1931 г. Общество организационным пленумом было реорганизовано в Центральное бюро краеведения (ЦБК) при Наркомпросе ЧАССР[19]. Фактически ОИМК-ОИЧК прекратило свое существование. Чувашское ЦБК в 1931 — 1933 гг. находилось как структурное подразделение при Чувашском комплексном НИИ[20], с октября 1933 г. — при ЧНИИ социалистического культурного строительства[21]. По оценке Т. С. Сергеева и Е. В. Агаевой, Чувашское ЦБК «показало свою несостоятельность» [37, с. 269]. В конце 1934 г. Чувашское ЦБК было реорганизовано в «Общество изучения Чувашской АССР»[22]. 1930-е гг. характеризовались заметным замедлением развития национального краеведения в Чувашии. Новый «всплеск» краеведения произошел в 1990-е гг. В современной Чувашской Республике и в районах компактного проживания чувашей за ее пределами развитие национального краеведения связано с деятельностью Союза чувашских краеведов и Чувашской национальной академии наук и искусств [12, с. 10].

Председателями ОИМК-ОИЧК в разные годы работали: Н. П. Неверов (1921), Д. П. Петров (Юман) (1922 — 1923), Г. М. Михайлов (1923 — 1924), И. К. Лукьянов (Лукоянов) (1924 — 1926), П. И. Иванов (1926 — 1929), С. М. Максимов (1929 — 1930), А. М. Кузнецов (1930 — 1931). Товарищами (заместителями) председателя выбирались Ф. П. Павлов, М. П. Петров, Ф. Т. Тимофеев, С. М. Максимов. До 1925 г. платного секретаря в Обществе не было (секретарскую работу вели Ф. Т. Тимофеев, Н. К. Кириллов-Патман, П. И. Иванов и др.). Штатными «техническими» секретарями были: К. В. Элле (1925 — 1929), Н. Р. Романов (1929 — 1931), А. И. Ильин (с июля 1931 г.). Состав исполнительных органов Общества (совета, правления, президиума совета) периодически обновлялся[23].

---

[13] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 13. Л. 42 — 43, 94, 112, 288 — 290 об., 292 — 295, 300; Д. 37. Л. 28; Д. 48. Л. 113.

[14] Там же. Д. 13. Л. 308; Д. 38. Л. 128а. Издание нами не найдено.

[15] Там же. Д. 38. Л. 30.

[16] Там же. Д. 13. Л. 292.

[17] Там же. Д. 48. Л. 109.

[18] Там же. Д. 38. Л. 30.

[19] Там же. Д. 6. Л. 44.

[20] Там же. Д. 32. Л. 37, 38 об., 39.

[21] Там же. Д. 6. Л. 72.

[22] Сергеев Т. С., Агаева Е. В. Общество изучения местного края… С. 160.

[23] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 3. Л. 23.

К началу 1923 г. в ОИМК состояло 49 членов и кандидатов, к началу 1924 г. числилось 60 членов[24]. К 1928 г. в ОИЧК было более 150 членов. Работали секции: культурно-историческая, естественно-историческая, общественно-экономическая с подсекцией обычного права чувашей[25]. Количество и названия секций постоянно менялись. К концу 1929 г. в нем насчитывался 191 член. Члены партии и комсомола составляли 22 % и 7 %, удельный вес женщин равнялся 6 %[26]. В 1930 г. в ОИЧК состоял 201 член, в районах работали 16 ячеек[27]. Нужно подчеркнуть, что ОИМК-ОИЧК действительно было национальным, чувашским. Это проявлялось как в тематике исследований, так и в составе самой организации. В 1928 г. из более 150 членов «местных» русских было 13 чел., из которых 6 работников наркомата земледелия ЧАССР, доктор медицины Е. Т. Севастьянов, преподаватели рабфака В. Е. Копец, Абалдуев и др.[28] К началу 1930 г. чуваши составляли 87 %, русские — 12 %[29]. Нет сведений, что в составе ОИЧК были представители проживавших на территории республики татарского и мордовского населения. В местах их проживания отсутствовали ячейки Общества. В документах за 1931 г. отмечено, что краеведение «особенно слабо развито в районах нацменьшинств (в Шихирдановском районе и др.), <…> среди них отсутствуют ячейки и кружки по изучению местного края»[30]. В отчете ОИЧК за 1927 г. отмечено, что в республике кружки краеведения есть при всех школах повышенного типа, «кроме школ с чисто русским составом учащихся, где отсутствует интерес к краеведческой работе вообще»[31]. Только к концу деятельности ОИЧК, в 1931 г., начинает работу краеведческая ячейка в Порецком педтехникуме[32].

С 1922 г. проводилось избрание почетных членов Общества. Ими стали просветитель И. Я. Яковлев, академик А. Е. Ферсман (1922)[33], тюрколог Н. И. Ашмарин и академик С. Ф. Ольденбург (1924)[34], академик Н. Я. Марр (1925) [24, с. 181][35], профессор В. В. Богданов (1927)[36]. Н. Я. Марр всячески поддерживал ОИМК-ОИЧК, издал в Обществе книгу «Чуваши — яфетиды на Волге» [26], принимал активное участие в снаряжении экспедиций ученых Ленинграда и Москвы в Чувашию, в 1926 г. просил Главнауку РСФСР оказать поддержку организации[37]. Летом 1925 г. Марр посетил Чебоксары, на сессии Чувашисполкома выступил с докладом «Чувашский язык как

---

[24] Отчет о деятельности Общества… за 1921 — 1923 годы… С. 23.

[25] Краеведные учреждения СССР… С. 77; Чĕнсе калани (Обращение) // Халăха вĕрентес ĕç (Народное просвещение). 1928. 1 №. С. 53. [подп..: *Чăваш çĕршывне пĕлме тăрăшакан Ушкăн (ОИЧК)*].

[26] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 48. Л. 34; Д. 50. Л. 11 — 12; Д. 54. Л. 8; НА ЧГИГН. Фонд Н. Р. Романова. Отд. I. Ед. хр. 428. Инв. № 7668. Л. 199.

[27] Романов [Н. Р.]. Чăваш çĕршывне тĕпчекен ушкăн (Общество изучения Чувашского края) // Сунтал (Наковальня). 1930. 7 — 8 №. С. 16.

[28] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 45. Л. 2 — 7.

[29] Там же. Д. 48. Л. 34; Д. 54. Л. 8; НА ЧГИГН. Фонд Н. Р. Романова. Отд. I. Ед. хр. 428. Л. 199.

[30] Там же. Д. 48. Л. 109.

[31] Там же. Д. 6. Л. 45.

[32] Копониров К. А. Краеведная работа в Порецком районе ЧАССР // Советское краеведение. 1932. № 8 — 9. С. 82 — 83.

[33] Отчет о деятельности Общества… за 1921 — 1923 годы… С. 12.

[34] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 3. Л. 59, 61; Отчеты о деятельности Общества изучения местного края Чувашской Автономной Социалистической Советской Республики за 1924 — 1926 годы / сост. К. В. Элле. Чебоксары: ОИМК, 1927. С. 3, 6.

[35] Отчеты о деятельности Общества… за 1924 — 1926 годы… С. 2.

[36] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 45. Л. 2, 57; Краеведные учреждения СССР… С. 176.

[37] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 13. Л. 123, 210.

наиболее в чистом виде сохранившийся шумерский диалект»[38]. 29 апреля 1923 г. постановлением общего собрания И. Я. Яковлев стал почетным председателем ОИМК[39].

Активные деятели ОИМК-ОИЧК (М. П. Петров, Ф. П. Павлов, С. М. Максимов, П. В. Озеров) были делегатами и выступающими на Всероссийских и Всесоюзных краеведческих сессиях, конференциях, съездах[40] [19, с. 309; 24, с. 163]. М. П. Петров являлся членом Центрального бюро краеведения (ЦБК) при АН СССР[41]. В 1924 г. постановлением 5-й сессии ЦБК Ф. П. Павлов был избран членом-корреспондентом ЦБК при Российской академии наук [19, с. 144, 308]. Членом ЦБК РСФСР являлся член ОИЧК П. В. Озеров[42]. Он в 1927 г. издал в Москве пособие для учителей «Краеведение и чувашская школа», а в 1934 г. передал в московский Музей народов СССР собранную им чувашскую этнографическую коллекцию [36, с. 23, 24]. 27 декабря 1929 г. П. В. Озеров на заседании национальной секции ЦБК (г. Москва) выступил с докладом о поездке в том году для обследования краеведческой работы в ЧАССР и Марийской автономной области[43], опубликовал статью[44]. В 1929 и 1930 гг. Ф. Т. Тимофеев участвовал на краевых краеведческих конференциях в Нижнем Новгороде[45].

Членами ОИМК-ОИЧК, участниками повседневной его работы являлись известные политические (партийные), государственные и хозяйственные деятели ЧАО/ЧАССР 1920 — 1930-х гг.: Д. С. Эльмень, С. А. Коричев, Д. П. Петров-Юман, А. Д. Краснов, А. Т. Ласточкин, П. З. Львов, А. М. Михайлов, А. Н. Никитин, А. Я. Яковлев, П. М. Михайлов, И. Н. Яштайкин, В. И. Токсин, Г. Г. Герасимов, Г. М. Михайлов, М. В. Шевле, М. С. Евграфов, Н. Л. Юшунев, М. С. Сергеев, В. В. Тюмеров, Г. И. Иванов, И. Ф. Риманов, С. Н. Колбасов, С. Г. Шумилов, М. А. Бочаров, С. П. Павлов, А. М. Кузнецов, П. И. Иванов, председатель правления Чувашского национального общества в 1917 г. А. В. Васильев, Г. С. Марсельский и др.[46] Правительство Чувашии уделяло постоянное внимание развитию краеведения. 20 мая 1929 г. на заседании СНК ЧАССР заслушивался доклад председателя ОИЧК С. М. Максимова и принято постановление «О мероприятиях по усилению краеведческой работы в Чувашской АССР»[47]. 18 мая 1931 г. СНК ЧАССР принял постановление «О мероприятиях по развитию краеведческого дела»[48].

Активными членами Общества были известные исследователи и педагоги Чувашии: М. П. Петров (Тинехпи), Ф. П. Павлов, С. М. Максимов, В. П. Воробьев, Т. П. Парамонов, Ф. Т. Тимофеев (Тимухха Хветĕрĕ), Т. М. Матвеев, С. П. Горский, Н. И. Ванеркке, Н. Я. Золотов, Е. З. Захаров-Маден, К. В. Элле, Н. Р. Романов-Опраньох, С. С. Кутяшов, П. В. Озеров, И. К. Илларионов, Л. К. Корнилов, Ф. С. Меценатов, А. С. Отачкин, В. И. Иварбеев, А. Т. Трофимов и др.

---

[38] Золотов Н. Я. Академик Н. Я. Марр о культурной работе. Несколько слов о Н. Я. Марр // Сунтал. 1926. 2 №. С. 19.

[39] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 3. Л. 55, 56 об.

[40] Там же. Д. 3. Л. 26 — 32 об., 34, 39; Д. 13. Л. 224; Д. 33. Л. 29, 61 — 62, 137 об. — 13; Димитриев В. Д. М. П. Петров (Тинехпи)… С. 14, 48.

[41] Димитриев В. Д. М. П. Петров (Тинехпи)… С. 14.

[42] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 45. Л. 240.

[43] Там же. Д. 37. Л. 159 — 160; Д. 54. Л. 11.

[44] Озеров П. В. Краеведение в Чувашской АССР… С. 77 — 82.

[45] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 38. Л. 59 — 59 об., 62.

[46] Там же. Д. 45. Л. 1 — 7, 57 — 64 об.

[47] Там же. Д. 32. Л. 1 — 2, 7 — 8; Д. 33. Л. 84 — 86, 119 — 119 об.

[48] Там же. Д. 32. Л. 12 — 13.

Перечислим наиболее известных членов Общества, живших в 1921 — 1931 гг. за пределами Чувашии: А. М. Селищев, К. В. Харлампович, Н. И. Ашмарин, В. Ф. Смолин, Б. Н. Вишневский, член ЦБК РСФСР М. К. Корбут, секретарь ЦБК М. Я. Феноменов, Б. М. Соколов, Ю. М. Соколов, сотрудник Музея антропологии и этнографии Г. И. Иванов, этнограф С. Н. Юренев (г. Тверь), Н. В. Никольский, Г. И. Комиссаров (Вандер), лингвисты В. Г. (Е.) Егоров (жил в г. Казани), В. М. Митрофанов, краевед П. А. Петров (Туринге) (г. Уфа), директор Ульяновского чувашского педтехникума О. А. Андреев, преподаватель Тетюшского педтехникума И. Н. Идобаев и др.

В Обществе состояли известные в то время или проявившие себя после 1920-х гг. личности: заведующий опытной сельскохозяйственной станцией в Чебоксарах П. П. Заев, врачи В. Ф. Анисов, Н. И. Степанов, И. В. Данилов, врач-писатель Н. Е. Евдокимов, учитель И. С. Баймеков, лесовод М. Я. Яковлев, селекционер А. С. Сергеев, организатор производства Ф. Е. Мигушов (Мигушев)[49] и др. В 1930 — 1931 гг. проходила перерегистрация членов организации. Перерегистрацию прошли только 33 % членов. Случаев исключения было два (С. Н. Юренев и Н. П. Петров)[50].

ОИМК-ОИЧК вело, прежде всего, активную научно-исследовательскую работу, помогало в подготовке и организации (иногда проводило самостоятельно) научных экспедиций (археологических, этнографических, лингвистической, педологической, ботанической, зоологической, геологической, гидрогеологической, почвенной и др.), проводившихся учеными Казани, Петрограда/Ленинграда, Москвы, а также местными силами[51] [9, с. 13 — 19]. Отметим, что Общество и ЧЦМ изучали и чувашей и вне Чувашской области и республики. На собраниях Общества заслушивались научные доклады и сообщения. В его научно-исследовательской деятельности участвовали известные ученые страны: языковеды А. М. Селищев, Н. Н. Поппе, Н. Я. Марр, археологи В. Ф. Смолин, П. П. Ефименко, этнографы Н. И. Гаген-Торн, А. А. Ходосов и др. Общество издавало свои «Труды» [10; 22; 23; 26; 31; 32; 34; 38][52], отчеты о своей деятельности[53]. К сожалению, из-за финансовых проблем не все подготовленные к печати рукописи и отчеты были изданы[54]. Работа С. М. Максимова «Песни верховых чуваш» была «в печати» еще в начале 1929 г. [20, с. 139 — 140][55], но издана лишь

---

[49] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 45. Л. 3 об., 4 об., 5 об., 6 об., 6а об.; ЧЭ. Т. 1 (А — Е). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. С. 110, 171, 481, 551; ЧЭ. Т. 2 (Ж — Л). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. С. 33; ЧЭ. Т. 3 (М — Се). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. С. 91, 660; ЧЭ. Т. 4 (Си — Я). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. С. 123, 722.

[50] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 48. Л. 53, 82, 83 об., 101; Д. 54. Л. 72.

[51] Там же. Д. 54. Л. 60; Сергеев Т. С., Агаева Е. В. Общество изучения местного края… С. 158.

[52] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 37. Л. 3 об., 135; Д. 38. Л. 77, 128а — 128б; Первый Всечувашский краеведческий съезд (15 — 21 июня 1928 г. в г. Чебоксарах ЧАССР): тезисы докладов и резолюции. Чебоксары: ОИЧК, 1929. 135 с.; Элле К. В. Чăваш çĕршывĕнчи ялсемпе вĕсен паллă вырăнсен ячĕсене пухасси («Халăха вĕрентес ĕç» 1 (13) нумĕрлĕ журналтан илсе уйрăм çапнă) [Собирание названий селений и их достопримечательностей Чувашского края]. Шупашкар, 1929. 8 с. (ОИЧК). В статьях Т. С. Сергеева и Е. В. Агаевой ошибочно перечислены и неизданные труды [36, с. 28].

[53] Отчет о деятельности Общества… за 1921 — 1923 годы…; Отчеты о деятельности Общества… за 1924 — 1926 годы…

[54] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 37. Л. 3 об.

[55] Там же. Л. 3 об., 30, 135.

в 1932 г.[56] Не увидели свет принятые к печати рукописи В. Ф. Смолина «В глубь веков Чувашского края», Н. В. Никольского «Чувашские народные сказки», А. А. Ходосова «Ткачество у чувашей» и многие другие[57]. Из-за материальных трудностей не удалось наладить издание своего сборника трудов и журнала (бюллетеня), хотя были намечены статьи для издания[58]. Активные члены и руководители Общества (И. К. Лукьянов, М. П. Петров, К. В. Элле, С. М. Максимов, Н. Р. Романов и др.) публиковали свои научные труды не только в рамках ОИМК-ОИЧК [25; 32; 33][59]. Содержание их книг рассматривалось и рецензировалось в рамках Общества. Например, к работе М. П. Петрова «Чăваш историйĕ çинчен» совет ОИЧК поместил обширное предисловие [33, I — II с.]. Члены Общества широко использовали местные газеты и журналы[60].

Этапным в деятельности Общества явилось проведение I Всечувашского краеведческого съезда в Чебоксарах 15 — 21 июня 1928 г., в котором участвовали 115 делегатов [36, с. 26], всего 167 чел.[61] ОИЧК явилось организатором мероприятия, в 1929 г. издало материалы съезда[62]. Съезд «продемонстрировал важную роль краеведения в развитии национальной культуры, приобщении населения к культурному строительству, к осознанию им своей этнической идентичности» [36, с. 26].

С самого начала деятельности Обществу пришлось рассматривать и помогать руководству области в решении различных вопросов. С мнением Общества, его руководства и членов считались, хотя окончательное решение всегда принималось в высших инстанциях. В ноябре 1921 г. на заседании ОИМК в присутствии председателя облисполкома С. А. Коричева обсуждался территориальный спор с Марийской автономной областью. Заседание постановило принять все меры для того, чтобы отстоять заволжские территории за Чувашией. Для «детальной научно обоснованной разработки вопроса» была избрана комиссия[63]. Какую роль сыграла эта комиссия в решении проблемы заволжских территорий, требует дополнительного изучения. Подробности рассмотрения и дальнейшие решения по данному вопросу подробно рассмотрены В. Н. Клементьевым, М. И. Ивановым

---

[56] Максимов С. М. Тури чăвашсен юррисем. Сăввисене вырăсла Н. Романовпа И. Семенов куçарнă [Песни верховых чувашей. Перевод стихов на русский язык Н. Романова и И. Семенова]. Шупашкар: Чăвашсен патшалăх изд-ви, 1932. 133 с.

[57] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 33. Л. 9, 11, 79 — 81, 136; Д. 54. Л. 11.

[58] Там же. Д. 33. Л. 1 об.; Д. 37. Л. 14; Д. 38. Л. 42 — 42 об.; Д. 48. Л. 61 — 62.

[59] Петров М. П. Чĕмпĕрти чăваш шкулĕпе Иван Яковлевич Яковлев çинчен кĕске каласа кăтартни. Чĕмпĕрти чăваш шкулĕ 60 çул, тата ăна пуçласа яракан И. Я. Яковлев 80 çул тултарнине асăнса кăларнă (Краткий очерк о Симбирской чувашской школе и И. Я. Яковлеве. Посвящается 60-летию Симбирской чувашской школы и 80-летию ее основателя И. Я. Яковлева). Шупашкар: Халăх çутĕç комиссариачĕ кăларнă, 1928. 96 с.

[60] Золотов Н. Я. Академик Н. Я. Марр… // Сунтал. 1926. 2 №. С. 19; Комиссаров Г. И. Вырăнти çĕршыва… // Халăха вĕрентес ĕç. 1928. 12 №. С. 57 — 60; Петров М. П. Чăваш халăхĕ — Пулхăр халăхĕ // Сунтал. 1925. 2 №. С. 25 — 29; Селищев А. М. Культурно-общественные взаимоотношения чуваш с соседними народами // Сунтал. 1927. 6 №. С. 23 — 24; Чăваш ялĕсем çĕршывĕнчи паллă вырăнсен ячĕсене пухасси (Собирание названий достопримечательностей вокруг чувашских селений) // Халăха вĕрентес ĕç. 1928. 1 №. С. 49 — 53 [подп.: *Тăван çĕршыва пĕлме тăрăшакан Ушкăн (ОИМК)*]; Çанталăка сăнасси (Ведение наблюдений за природой) // Халăха вĕрентес ĕç. 1929. 3 №. С. 55 — 60 [подп.: *Чăваш çĕршывне пĕлме тăрăшакан ушкăн (ОИЧК)*]; и др.

[61] Комиссаров Г. И. Вырăнти çĕршыва… // Халăха вĕрентес ĕç. 1928. 12 №. С. 57 — 60.

[62] Первый Всечувашский краеведческий съезд…

[63] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 3. Л. 20 — 23; Отчет о деятельности Общества… за 1921 — 1923 годы… С. 9 — 12.

и др. [8, с. 113 — 118; 16, с. 239 — 272]. Руководители Общества входили и работали в разных комиссиях и структурах правительства Чувашии. ОИМК-ОИЧК активно участвовало в выполнении решений правительства по коренизации аппарата и реализации чувашского языка[64].

Авторитет Общества и его членов при решении научных и культурных вопросов в 1920-е гг. был высоким. Например, после образования Чувашской АССР (1925) ОИМК участвовало при разработке герба и флага республики[65]. Официальное их утверждение состоялось 30 и 31 марта 1927 г. на II (VII) Всечувашском съезде Советов [18, с. 25].

Проблемой не только научного, но и национально-культурного значения явилась в 1920-е гг. разработка вопросов, связанных с происхождением чувашей. Члены Общества, руководители ЧАО Д. С. Эльмень, С. А. Коричев и др. придерживались болгаро-чувашской теории [23, с. 12][66]. Казанский археолог В. Ф. Смолин, активно сотрудничавший с ОИМК-ОИЧК с 1921 г., являлся ее приверженцем и «пропагандистом» [39, с. 4][67], несмотря на то, что это приносило ему «неприятности» в Казани[68]. «Прямыми потомками болгар» называл чувашей А. М. Селищев[69]. На заседании ОИМК в 1922 г., посвященном памяти Н. Ф. Катанова, подчеркивалась его роль в отстаивании теории о болгарском происхождении чувашского народа[70]. В 1922 г. М. П. Петров в докладе об арабизмах в чувашском языке (он их приводит более ста) заключает, что это «приводит к косвенному подтверждению положения, что чуваши суть потомки древних камско-волжских болгар»[71]. О важности темы свидетельствует и то, что 26 февраля 1925 г. его доклад «О происхождении чуваш» был заслушан на заседании II сессии Чувашского облисполкома V созыва[72]. По просьбе Общества Н. И. Ашмарин написал отзыв на работу М. П. Петрова [24, с. 182]. Книга М. П. Петрова «Происхождение чуваш» была издана в том же 1925 г. [32]. Все содержание докладов и книги М. П. Петрова направлено на доказательство, что «чистыми потомками булгар необходимо и должно считать одних чуваш» [32, с. 52]. С «победой» болгарской теории происхождения чувашей (не без участия членов Общества, прежде всего М. П. Петрова) начинается идеализация Волжской Болгарии (Булгарии) среди чувашской интеллигенции, затронувшая и часть руководителей республики. Обсуждался даже на правительственном уровне, особенно в 1925 г., вопрос о замене именования (переименовании) чувашей в булгар, а образованной в 1925 г. автономной республики в Булгарскую. М. Юрьев написал историческую драму «Чăвашсен-пăлхарсен юлашки кунĕсем» [«Последние дни Булгарского царства (государства)»] поставленную им в Чувашском театре в 1925 г. [15, с. 531 — 532; 19, с. 319][73]. Против таких переименований

---

[64] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 48. Л. 83 — 84.

[65] Там же. Д. 13. Л. 46; Отчеты о деятельности Общества… за 1924 — 1926 годы… С. 19.

[66] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

[67] Там же. Л. 10 об.

[68] Там же. Л. 91 об.

[69] Там же. Л. 12; Селищев А. М. Культурно-общественные взаимоотношения… // Сунтал. 1927. 6 №. С. 23 — 24.

[70] Отчет о деятельности Общества… за 1921 — 1923 годы… С. 14.

[71] Там же. С. 19.

[72] Отчеты о деятельности Общества… за 1924 — 1926 годы… С. 19 — 20.

[73] Данилов Д. Д. (при участии И. Д. Кузнецова, С. П. Петрова, И. Б. Люблина). Советская Чувашия. Национально-культурное строительство / отв. ред. М. Бочачер. Москва: Соцэкгиз, 1933. С. 139. (Коммунистическая Академия; Институт литературы и искусства: секция литературы СССР).

выступил ярый сторонник болгарской теории происхождения чувашей Н. И. Ашмарин [32, с. 60 — 61]. Вероятно, позиция авторитетного Н. И. Ашмарина сыграла свою роль. Вопрос о переименовании республики замяли, свернули, постановку М. Юрьева закрыли, самого обвинили в националистических ошибках. Тема требует специального, более глубокого изучения. Согласимся с М. Г. Кондратьевым: «Это был лишь один из симптомов нараставшего идеологического давления на культуру и науку, в начале следующего десятилетия приведшего к прямым репрессиям против ОИМК» [19, с. 319]. В то же время нельзя не отметить, что болгарская теория происхождения чувашей, «болгарская тематика» продолжали присутствовать в деятельности Общества (доклады М. П. Петрова, Н. Р. Романова и др.) вплоть до конца его существования.

Большое место в деятельности Общества с самого начала занимала научно-собирательская деятельность по выявлению, сбору, приобретению произведений чувашского народного творчества (легенды, предания, сказки, загадки, пословицы, народные приметы, песни и др.). Материал представляли и чуваши из-за пределов Чувашии[74]. Можно назвать и перечислить десятки собирателей чувашского фольклора, сотрудничавших с ОИМК-ОИЧК. Часть фольклорного материала поступала из редакций газет и журналов. В портфеле Общества накопился огромный материал, которым пользовались и продолжают пользоваться и последующие поколения исследователей. По словам Н. Р. Романова, в 1930 г. здесь хранилось фольклорного и песенного материала в объеме примерно печатных листов: 21 889 песен, 131 сказка, 943 загадки, множество пословиц, поговорок и др.[75] Общество разрабатывало инструкции и положения по сбору материала[76], велся учет сказителей[77]. В 1930 — 1931 гг. была «взята линия на сокращение сборов фольклорного материала»[78].

Большое значение имели в эти годы вопросы языкового строительства: нормализации, совершенствования литературного языка и упорядочение его терминологии, реализации чувашского языка. Общество и его члены внесли немалый вклад в терминотворческую, переводческую деятельность. В ОИМК в 1922, 1925 гг. были заслушаны доклады М. П. Петрова «О принципах установления терминологии на чувашском языке» [3, с. 28][79] и «Принципы переводческой работы» [3, с. 28; 17, с. 31][80]. Член Общества Н. Р. Романов в журнальной статье о новых словах в чувашском языке говорит о «полезности» введения интернациональных слов, но предупреждает, что обилие новых слов в литературный

---

[74] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 37. Л. 88, 103, 105 — 105 об., 107 — 108; Д. 38. Л. 1, 50, 67, 85 — 86, 97, 88, 100, 130.

[75] Там же. Д. 38. Л. 105; Романов [Н. Р.]. Чăваш çĕршывне тĕпчекен ушкăн (Общество изучения Чувашского края) // Сунтал. 1930. 7 — 8 №. С. 16.

[76] Элле К. В., Ялушкин К. Ф. Çут тĕнче çинчен çӳрекен тĕрлĕ юмах-халапсене çырса пырасси (Запись имеющих хождение разных разговоров о вселенной) // Халăха вĕрентес ĕç. 1928. 10 — 11 №. С. 69 — 73; Их же. Чăваш халăхĕн творчествине пухас ĕç (Дело собирания чувашского народного творчества) // Халăха вĕрентес ĕç. 1928. 9 №. С. 60 — 66.

[77] Элле К. В. Юмах-юрă ăстисене учета илесси (Учет искусных сказителей и песенников) // Халăха вĕрентес ĕç. 1929. 10 №. С. 34 — 35.

[78] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 54. Л. 77.

[79] Димитриев В. Д. М. П. Петров (Тинехпи)… С. 46; Отчет о деятельности Общества… за 1921 — 1923 годы… С. 19 — 20.

[80] Димитриев В. Д. М. П. Петров (Тинехпи)… С. 46 — 47; Отчеты о деятельности Общества… за 1924 — 1926 годы… С. 24 — 25.

язык может привести к разрыву его от языка чувашской крестьянской массы[81]. Представитель Общества работал в республиканской комиссии по упорядочению чувашского правописания[82]. Оно поддерживало огромную работу, проводимую Н. И. Ашмариным по исследованию чувашского языка [8, с. 192], сыграло немаловажную роль в подготовке и издании первых выпусков «Чувашско-русского словаря» Н. И. Ашмарина [24, с. 193 — 196]. В 1929 г. Общество рассматривало доклад Т. М. Матвеева о 1 — 4-м выпусках словаря[83]. В том же году ОИЧК предоставило материалы (экспонаты по чувашскому письму и алфавиту) для Всесоюзной выставки «Новая письменность народов СССР»[84]. С. П. Горский в 1931 г. в ОИЧК прочел доклад «Спорные вопросы чувашской орфографии»[85].

В 1920-е гг. среди чувашской интеллигенции шли бурные споры по поводу переделки, усовершенствования чувашского алфавита. 24 мая 1922 г. А. П. Прокопьев-Милли на заседании ОИМК прочитал доклад «О замене существующего чувашского алфавита латинским» [17, с. 17 — 18][86]. Он предложил образовать комиссию из специалистов для разработки нового чувашского алфавита на основе латинского и ввести его с осени 1922 г.[87] Доклад Милли был воспринят членами ОИМК неоднозначно, «особенно по противопоставлению в нем русской культуры западноевропейской, первой — как отсталой, тупой и жестокой, второй — как высокогуманной и свободной»[88]. Вероятно, эти напечатанные в отчетах Общества высказывания в 1937 г. подавались так, что ОИМК-ОИЧК обвинялось в «клевете» на русский народ, пропаганду ориентировки на запад [20, с. 243]. Заседание не приняло определенного решения по докладу Милли, постановило «признать желательным продолжение дискуссионного обсуждения этого вопроса на разного рода съездах, совещаниях, курсах и проч.»[89]. Однако это постановление не выполнялось[90]. Известно, что за латинизацию выступали Г. И. Комиссаров, М. В. Шевле, Н. Т. Васянка и др. Вопрос о латинизации алфавита обсуждался в Обществе и в последующем. В феврале 1931 г. постановлением секции языка и литературы Общества было поручено «изучить проблему латинизации чувашского алфавита»[91]. В 1931 г. планировалось заслушать доклад Ф. С. Меценатова «Латинизация чувашского алфавита»[92]. Интересно отметить, что в 1932 — 1933 гг., работая в Москве, А. П. Милли являлся инструктором комиссии ЦИК РСФСР по созданию нового алфавита[93]. В 1929 г. по его просьбе ОИЧК ходатайствовало

---

[81] Романов Н. Р. Чăваш чĕлхинчи çĕнĕ сăмахсем (Новые слова в чувашском языке) // Сунтал. 1926. 8 №. С. 5.

[82] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 38. Л. 14.

[83] Там же. Д. 37. Л. 151 — 153 об.; Д. 47. Л. 35; Д. 54. Л. 22.

[84] Там же. Д. 33. Л. 18 — 18 об., 76 — 76 об., 126 — 126 об.; Д. 37. Л. 96; Д. 38. Л. 56 — 57, 61, 69, 80; Д. 47. Л. 37.

[85] Там же. Д. 54. Л. 7.

[86] Там же. Д. 3. Л. 45 — 47 об.; Отчет о деятельности Общества… за 1921 — 1923 годы… С. 20 — 22.

[87] Отчет о деятельности Общества… за 1921 — 1923 годы… С. 21.

[88] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 3. Л. 39; Отчет о деятельности Общества… за 1921 — 1923 годы… С. 21.

[89] Отчет о деятельности Общества… за 1921 — 1923 годы… С. 21 — 22.

[90] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 3. Л. 92 об.

[91] Там же. Д. 48. Л. 23 об., 109 об.

[92] Там же. Л. 85 об.

[93] Станьял В. П. Алексей Милли шăпи (Участь Алексея Милли)… С. 11, 22.

перед ЦИК ЧАССР о предоставлении Милли персональной стипендии для завершения аспирантуры в НИИ народов Востока[94].

Возникшее при Чувашском центральном музее Общество всячески поддерживало и помогало ему[95], стремилось оживить музееведческую работу как в Чебоксарах, так и на местах. Член Общества А. П. Милли в 1923 г. организовал чувашский этнографический отдел на Всесоюзной сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке в Москве [19, с. 269]. На этой же выставке в течение полутора месяцев выступал с Национальным хором Ф. П. Павлов, он же по поручению ОИМК знакомился в Москве с материалами музеев, художественных галерей, библиотек, архивов [19, с. 310 — 311][96]. Директор ЧЦМ не раз отчитывался на мероприятиях ОИМК-ОИЧК о работе музея, его коллекциях по искусству чувашей[97]. М. П. Петров составил инструкцию по организации школьных музеев[98]. Он отмечал важность открытия районных и школьных музеев[99]. Местные отделения Общества прилагали усилия по созданию городских, сельских, школьных, районных музеев. На заседании совета Общества в 1931 г. рассматривался вопрос организации районных музеев, решили войти в СНК ЧАССР с ходатайством «о передаче ценных музейных вещей из раскулаченного имущества в раймузеи»[100]. Существовавшие в районах ячейки Общества организовывали на местах музеи. В 1930 г. «небольшие» музеи имелись в Канаше, Цивильске, Янтиково, Вурнарах, Каршлыхах[101]. Членами Общества были директора музея М. П. Петров (Тинехпи), Г. М. Матвеев, К. И. Михайлов, сотрудники А. В. Васильев, Г. Д. Данилов, А. А. Ермолаева, А. Ф. Клемянтенок, А. Н. Львова, Н. Г. Демидов[102]. Общество старалось принимать участие и в деле сохранения культурного наследия. В 1922 г. рассматривался вопрос об архивных ценностях области[103]. К ОИМК не раз обращался Чувашский Центральный архив за консультациями[104]. К. В. Элле представлял Общество в Архивном совете[105]. Вопрос об охране памятников «старины, искусства и быта» часто обсуждался в Обществе [19, с. 308][106]. Оно явилось одним из инициаторов создания и активных участников в делах Комитета по охране памятников. При его участии была разработана инструкция об учете и охране памятников, приступлено к регистрации и собиранию памятников, подлежащих охране. Представитель ОИЧК участвовал в работе Комитета по охране памятников природы, искусства и ста-

---

[94] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 37. Л. 91 — 92; Д. 38. Л. 73, 81.

[95] Отчет о деятельности Общества… за 1921 — 1923 годы… С. 22.

[96] Там же. С. 29.

[97] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 6. Л. 37; Д. 33. Л. 120 — 122.

[98] Петров М. П. Шкул музейĕсем, вĕсене мĕншĕн тумалла, тата епле организацилемелле (Школьные музеи, зачем их создавать и как организовать) // Халăха вĕрентес ĕç. 1929. 10 №. С. 12 — 13 (подп.: М. П.).

[99] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 33. Л. 2.

[100] Там же. Д. 48. Л. 83 об.

[101] НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н. Р. Романова. Ед. хр. 428. Л. 195; Романов [Н. Р.]. Чăваш çĕршывне тĕпчекен ушкăн (Общество изучения Чувашского края) // Сунтал. 1930. 7 — 8 №. С. 16.

[102] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 3. Л. 56 об.; Д. 38. Л. 118 — 119; Д. 45. Л. 28, 161, 162, 197, 241, 258; Д. 48. Л. 33 об., 89.

[103] Там же. Д. 3. Л. 35

[104] Там же. Д. 38. Л. 45.

[105] Там же. Л. 109.

[106] Там же. Д. 3. Л. 61 об., 62, 64; Д. 33. Л. 133; Д. 54. Л. 63; НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н. Р. Романова. Ед. хр. 428. Инв. № 7668. Л. 190.

рины (А. А. Ермолаева)[107]. Особое внимание уделялось «памятникам чувашской культуры»: надгробным камням с надписями, их изучению и охране[108]. Велика роль Общества в сохранении уникальных рукописных материалов, творений деятелей культуры и науки (Г. Т. Тимофеев, Д. Ф. Филимонов и др.) [19, с. 310; 24, с. 181][109]. В 1930 г. на общем собрании ОИЧК М. П. Петров и Н. Р. Романов информировали о поездке в районы республики для отбора музейных ценностей и материалов из «конфискованного в порядке раскулачивания имущества»[110]. Помимо ценностей из конфискованного имущества раскулаченных и арестованных Н. Р. Романов привез в Чувашский музей три надгробных арабографичных камня[111].

ОИМК-ОИЧК старалось всячески поддерживать коллектив артистов Чувашского театра. В 1923 г. на заседании Совета Общества с приглашением режиссера, члена ОИМК И. С. Максимова-Кошкинского обсуждался вопрос «об оживлении деятельности Чувашской национальной драматической труппы» [19, с. 286][112]. Проблемы развития театра в сельской местности (мало пьес, комедий, отсутствие оперет) обсуждались на I Всечувашском краеведческом съезде[113]. Примечательно, что в 1930 г. артист Чувашского драмтеатра В. М. Михайлов вступил в Общество[114]. Сотрудничал с организацией и артист Чувашского государственного театра (затем и драматург) Н. С. Айзман[115].

Огромны заслуги Общества в развитии чувашского музыкального искусства. Как отмечено выше, ОИМК-ОИЧК силами своих членов, а также с привлечением краеведов и сельского населения вело запись, сбор чувашского песенного и музыкального материала. Чувашские народные песни представляли в Общество Г. С. Сергеев, учителя М. Ф. Федоров (г. Ядрин), М. Е. Шашков (Вурнарский район), Н. И. Суворов (г. Чистополь), С. Н. Юренев (г. Тверь) и многие другие краеведы[116]. Н. Р. Романов опубликовал статью о «технике и формах чувашской народной песни»[117]. В развитии музыкальной деятельности Общества большую роль сыграли Ф. П. Павлов, С. М. Максимов, В. П. Воробьев, Т. П. Парамонов и др. Они работали как по сбору [20, с. 136][118], так и изучению чувашского народного музыкального творчества, не раз выступали с докладами на собраниях Общества [19, с. 261, 266, 316; 20, с. 138][119], вели пропаганду национального

---

[107] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 38. Л. 115, 119.

[108] Там же. Д. 3. Л. 63, 78 об., 96; Д. 13. Л. 271.

[109] Отчеты о деятельности Общества… за 1924 — 1926 годы… С. 32.

[110] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 39. Л. 16 — 19; Д. 54. Л. 27.

[111] Там же. Д. 50. Л. 29 — 30.

[112] Там же. Д. 3. Л. 56 — 56 об.; Отчет о деятельности Общества… за 1921 — 1923 годы… С. 24 — 25.

[113] Ялавин [С. В.]. Пьеса çыракансене астутарни (Напоминание пишущим пьесы) // Сунтал. 1928. 7 №. С. 24.

[114] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 45. Л. 23, 275.

[115] Там же. Д. 38. Л. 117.

[116] Там же. Д. 33. Л. 41 — 42, 142 — 145 об.; Д. 37. Л. 22, 117, 157, 162 — 162 об.; Д. 38. Л. 104, 120 — 121.

[117] Романов Н. Р. Халăх юррисен техникипе формисем (Техника и формы народных песен) // Сунтал. 1928. 7 №. С. 16 — 19; 8 №. С. 17 — 19; 9 №. С. 21 — 24.

[118] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 6. Л. 40, 42.

[119] Там же. Д. 33. Л. 38; Д. 47. Л. 36; Д. 48. Л. 155 — 155 об.; Д. 54. Л. 7, 7 об., 14, 22, 76; Отчет о деятельности Общества… за 1921 — 1923 годы… С. 33; Отчеты о деятельности Общества… за 1924 — 1926 годы… С. 30.

искусства[120]. В 1921 — 1925 гг. над этой тематикой работал композитор Ф. П. Павлов. Он издал в «Трудах» Общества книгу «Чуваши и их песенное и музыкальное творчество» [31]. С приходом С. М. Максимова в Общество (1926) начала работать специальная музыкальная подсекция[121]. На I Всечувашском краеведческом съезде С. М. Максимов сделал доклад о проблемах музыкального искусства[122]. Главным художественным принципом С. М. Максимова как композитора «было бережное отношение к самому духу народной культуры» [20, с. 154]. Максимов писал, что в Обществе он старался зафиксировать и сохранить от уничтожения народные песни, для использования их «как материала в работах композиторов» [20, с. 268]. Примечательно, что именно в музыкально-этнографическую секцию ОИЧК учитель Скачков сообщил о певце, знатоке чувашских песен Г. Ф. Федорове [20, с. 146; 21, с. 146][123]. Общество принимало записи чувашских песен от учащихся чебоксарских музыкальной школы и музыкально-театрального техникума [20, с. 138 — 139]. В июле 1929 г. С. М. Максимов информировал Общество о концертной поездке Чувашской капеллы в Москву и Нижний Новгород[124]. В 1930 г. Н. С. Айзман был командирован ОИЧК в районы республики «для собирания материалов по народной словесности и музыки, а также записывания народных танцев чуваш», выступил с докладом «О чувашских песнях и танцах»[125], исполнил несколько песен «из своего сборника» и продемонстрировал «некоторые характерные для чуваш танцы»[126].

В 1926, 1928 гг. Общество организовывало «Этнографические концерты» [20, с. 149][127]. При открытии Музыкального техникума в 1930 г. ОИЧК устроило музыкально-этнографическую выставку[128]. По приглашению музыкально-этнографической секции Общества студент Ленинградской консерватории В. К. Томилин в 1930 г. в Чебоксарах провел фонографическую запись около 100 чувашских песен, сделал доклад в Обществе[129]. В 1930 — 1931 гг. в ОИЧК записалось много учащихся музыкальной школы, музыкально-театрального техникума[130]. Знаменательно, что членами ОИЧК стали известные еще тогда и будущие заслуженные и известные деятели музыкального искусства Чувашии: преподаватели Чебоксарской музыкальной школы С. Ф. Иванов, Т. П. Парамонов, учащиеся

---

[120] Максимов С. М. Чăваш юрри (Чувашская песня) // Сунтал. 1927. 2 №. С. 17 — 19; Его же. Юрă ăсти Гаврил Федоров (Знаток песен Гаврил Федоров) // Сунтал. 1929. 4 №. С. 15 — 16; Его же. Чăваш юррине фонографпа çырчĕç (Чувашские песни записали фонографом) // Сунтал. 1930. 4 — 5 №. С. 25; Его же. Юрă-музăк ĕçĕ 10 çул хушшинче (Песенно-музыкальное дело за 10 лет) // Халăха вĕрентес ĕç. 1930. 6 №. С. 41 — 45; Павлов Ф. П. Картин выстăвкинче (На выставке картин) // Сунтал. 1927. 11 №. С. 19 — 20; Его же. Чăваш музăкĕ çинчен çырнă кĕнекесем (Книги о чувашской музыке) // Сунтал. 1928. 1 №. С. 25; 7 №. С. 22 — 23; Парамонов Т. П. Юрă кĕнекисем пирки (О песенниках) // Сунтал. 1929. 4 №. С. 16 — 18.

[121] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 38. Л. 132.

[122] Первый Всечувашский краеведческий съезд… С. 71 — 75, 98 — 100.

[123] Максимов С. М. Юрă-музăк ĕçĕ 10 çул хушшинче (Песенно-музыкальное дело за 10 лет)…

[124] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 33. Л. 38; Д. 54. Л. 16.

[125] Там же. Д. 33. Л. 66 — 70; Д. 47. Л. 35; Д. 48. Л. 48 об.; Д. 50. Л. 33 — 34.

[126] Там же. Д. 54. Л. 30 — 31.

[127] Там же. Д. 38. Л. 34.

[128] Там же. Д. 47. Л. 36.

[129] Там же. Д. 33. Л. 61 — 62; Д. 37. Л. 154; Д. 47. Л. 36; Д. 48. Л. 35, 48 об.; Д. 54. Л. 29; НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н. Р. Романова. Ед. хр. 428. Инв. № 7668. Л. 203, 216 — 217; Максимов С. М. Чăваш юррине фонографпа çырчĕç (Чувашские песни записали фонографом) // Сунтал. 1930. 4 — 5 №. С. 25.

[130] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 45. Л. 96 — 105, 119 — 139.

Чебоксарского музыкального (музыкально-театрального) техникума Ф. М. Лукин, Г. Я. Хирбю (Хирбиков), А. Г. Орлов (Шузьм)[131]. Авторитетом музыкальной секции Общества объясняется и то, что в 1929 г. в ОИЧК обратился марийский «национальный» гусляр и волынщик, член Марийского краеведческого общества Т. Е. Ефремов с вопросами по чувашской музыкальной этнографии[132].

В ОИМК-ОИЧК рассматривались и различные вопросы чувашского изобразительного искусства, живописи. Один из членов Общества с первых дней его основания художник М. С. Спиридонов написал ряд художественных работ. Ф. П. Павлов в отчете ОИМК за 1923 г. дал им свою оценку[133]. ОИМК предполагало открыть художественную выставку, которую готовил М. С. Спиридонов, в конце июня 1924 г.[134] Ф. П. Павловым дан и его комментарий к картинам М. С. Спиридонова[135]. В протоколе общего собрания художников Чебоксар с участием члена правления ОИМК Н. И. Ванеркке от 19 февраля 1926 г., где было организовано Чувашское отделение АХРР, записано, что отделение обращается с просьбой к ОИЧК принять его в число своих членов[136]. Активным членом ОИЧК был художник Ф. Л. Лаврентьев, являвшийся членом Чувашского филиала художников Революции[137]. Он же в 1929 г. получил от ОИЧК командировку для «зарисовки выдающихся явлений чувашской жизни»[138], опубликовал в журнале «Сунтал» статью о чувашских художниках, в которой напечатана репродукция его картины «На трибуне»[139]. В 1927 г. в Чебоксарах в ЧЦМ открылась первая выставка чувашских художников[140]. Ф. П. Павлов дал свою оценку живописным работам Ф. Л. Лаврентьева, М. С. Спиридонова («этнографический художник»), Г. Д. Данилова и др., скульптурам и архитектурному проекту Г. С. Спиридонова[141]. В Обществе состояли скульптор Г. С. Спиридонов, художник и фотомастер Ю. А. Зайцев[142]. Художник Г. Д. Данилов работал в Чувашском центральном музее, вел зарисовки при раскопках Абашевского курганного могильника в 1925 г.[143] Общество в 1928 — 1930 гг. предоставляло научные командировки по изучению «народного искусства», чувашского костюма, вышивки М. С. Спиридонову[144]. Спиридонов отчитывался о поездках в Обществе[145]. В 1930 г. в ОИЧК он сделал доклад «Применение национального искусства в производстве»[146].

Хотя вопросы чувашской литературы разрабатывалась в созданных в 1920-е гг. литературных объединениях и ассоциациях (ЧАПП и др.), ОИМК-ОИЧК не стояло

---

[131] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 38. Л. 3; Д. 45. Л. 68, 74, 87, 116, 132, 137.
[132] Там же. Д. 37. Л. 109 — 111.
[133] Отчет о деятельности Общества… за 1921 — 1923 годы… С. 26.
[134] Там же.
[135] Там же. С. 26 — 28; ГИА ЧР. Ф. 333. Оп. 1. Д. 13. Л. 49 об.
[136] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 13. Л. 106.
[137] Там же. Д. 45. Л. 83 — 84.
[138] Там же. Д. 38. Л. 40 — 41 об., 53, 55, 63, 70.
[139] Лаврентьев Ф. Л. Революципе искусствӑ (Революция и искусство) // Сунтал. 1929. 4 №. С. 18 — 19.
[140] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 6. Л. 42 об.
[141] Павлов Ф. П. Картин выстӑвкинче (На выставке картин) // Сунтал. 1927. 11 №. С. 19 — 20.
[142] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 45. Л. 6 об.
[143] Там же. Д. 3. Л. 241.
[144] Там же. Д. 33. Л. 66 — 70, 142 — 143; Д. 50. Л. 31 — 32; Д. 54. Л. 27 — 28; НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н. Р. Романова. Ед. хр. 428. Л. 180, 217 — 218.
[145] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 47. Л. 35.
[146] Там же. Д. 54. Л. 7.

в стороне от этого вида творческой деятельности, работая в тесном контакте с ЧАПП и активно используя для издания трудов его орган журнал «Сунтал». Членами Общества были писатели, поэты, журналисты Н. К. Кириллов (Патман), Д.П. Петров (Юман), Н. И. Полоруссов-Шелеби, И. Н. Юркин, Г. Т. Тимофеев, Н. Т. Васянка, И. И. Илларионов (Иван Мучи), С. М. Авксентьев (Лашман), А. И. Золотов, Н. Я. Золотов, В. И. Краснов-Асли, М. Д. Трубина (в сентябре 1930 г. вместе с мужем Д. Ф. Трубиным прошла учебу на краеведческо-музееведческих курсах в Чебоксарах, организованных ОИЧК), С. Ф. Фомин, С. П. Толмасов (Шăпчăк), Л. Я. Агаков, С. В. Яковлев-Ялавин, Н. Н. Пиктемир, В. О. Осипов, журналисты П. З. Львов, А. И. Иванов, Т. С. Семенов, А. Т. Быков, литературный критик Г. И. Кузнецов-Кели, литературовед Е. З. Захаров-Маден. Литераторы принимали активное участие в делах ОИМК-ОИЧК. В 1926 г. Н. И. Полоруссов-Шелеби выступил на его общем собрании с докладом «Чистай уесĕнчи чăваш çамрăкĕсен Çĕнĕ çул уявĕ» («Новогодний праздник чувашской молодежи Чистопольского уезда»)[147]. В 1930 г. на собрании членов секции языка и литературы ОИЧК был заслушан доклад Ф. С. Мецената «Дореволюционная художественная литература чуваш»[148]. В апреле 1931 г. на объединенном собрании членов ОИЧК и ЧАПП Н. Т. Васянка выступил с докладом «Вылазки агентов кулачества и национальной буржуазии в чувашской художественной литературе» с критикой П. П. Хузангая и др.[149] 10 сентября 1926 г. Общество заключило договор с П. П. Хузангаем на написание и издание исторической поэмы «из жизни булгар-чуваш» «Питтăпай» объемом 500 строк с представлением в ОИМК 1 января 1927 г.[150] ОИЧК в 1929 г. имело литературную комиссию. Из скудных средств этой комиссии выделялись средства, финансировались творческие поездки писателей [19, с. 310]. Литераторы нередко обращались за финансовой помощью в Общество. В 1929 г. А. И. Золотов съездил при содействии ОИЧК в командировку в Башкирию «для собирания сведений по гражданской войне»[151], в том же году член ЧАПП, учащийся Чувашского рабфака А. Х. Таньков-Семендей — для сбора материалов и написания поэмы о колхозе и Курмышском восстании 1918 г.[152] С просьбой о помощи обращались Н. Т. Васянка для собирания текстов чувашских народных песен, изучения на местах проблем языка, алфавита[153] [8, л. 13 — 15; 10, л. 25 — 26, 29], учащийся Чувашского рабфака К. Николаев для написания литературного произведения о колхозах[154] и др.

Интерес к чувашеведению, национальному краеведению среди населения требовали от ОИМК усиления культурно-просветительной деятельности и пропаганды идей краеведения. В газете «Канаш» и других областных и республиканских (ЧАССР) газетах и журналах «регулярно печатались материалы членов Общества изучения местного края, разрабатывающие и поднимающие важные вопросы его истории, хозяйственного и культурного строительства, приобщения чувашской интеллигенции к строительству новой жизни, новой культуры»

---

[147] Отчеты о деятельности Общества… за 1924 — 1926 годы… С. 30.
[148] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 48. Л. 14.
[149] Там же. Д. 48. Л. 108; Д. 50. Л. 219; Д. 54. Л. 75.
[150] Там же. Д. 13. Л. 286. Сведений о исполнении договора нами не найдено.
[151] Там же. Д. 38. Л. 60; Д. 48. Л. 35.
[152] Там же. Д. 38. Л. 39, 49; Д. 48. Л. 35.
[153] Там же. Д. 33. Л. 13 — 15; Д. 38. Л. 25 — 26, 29.
[154] Там же. Д. 38. Л. 19.

[8, с. 192][155]. Методы собирания и изучения материалов о крае также требовали освещения. ОИМК (ОИЧК) о своей научно-исследовательской деятельности, планах своих работ доводило до населения через газеты «Канаш», «Красная Чувашия», журналы «Сунтал», «Халăха вĕрентес ĕç», «Чувашское хозяйство» и др.[156] В них печатались вопросники и инструкции местным отделениям Общества и кружкам краеведения[157]. На эти статьи отвечали заметками о полезных ископаемых, историко-археологических достопримечательностях края и др.[158]

Уделяло Общество, хотя и на закате своего существования, изучению жизни чувашки-женщины. Сохранился протокол совещания 7 марта 1930 г. инициативной группы женщин-активисток по организации при ОИЧК «секции по изучению труда и быта чуваш-женщин»[159]. Организованная секция работала в контакте с комиссией улучшения труда и быта женщины при ЦИК ЧАССР и женотделом обкома партии[160].

Общество прилагало усилия по развитию краеведческого дела в республике и вовлечению новых членов[161]. В документах подчеркивалось, что в работу Общества «необходимо вовлечь всю культурную силу Края»[162]. Действительными членами Общества в 1929 г. являлись руководители Аликовского отделения ОИЧК К. К. Яркуни, автор учебника чувашского языка «Сукмак» для школ первой ступени[163], учителя-краеведы И. П. Петров (пос. Кугеси), Т. С. Малышев (с. Анат-Киняры) и др.[164] К августу 1931 г. в ЧАССР числилось 37 низовых краеведческих ячеек[165]. Ячейки занимались сбором фольклора (песни, сказки и др.), чувашского словарного материала, заполняли анкеты по изучению обычного права чувашей, по заданию Гидрологического института (г. Ленинград) собирали сведения о местных родниках, колодцах, вели наблюдения за режимом снежного покрова, зимних рек и весеннего половодья, делали зарисовки чувашской вышивки и др.[166] В ячейках и местных отделениях состояли известные в будущем чувашские деятели [36, с. 25]. Среди них выделим А. С. Вишнякова, ставшего главным редактором центрального журнала «Политическое самообразование» в 1961 — 1986 гг., который в 1928 г. вступил в ОИЧК, будучи студентом Канашского педтехникума и членом местного отделения ОИЧК[167]. Общество составляло различные инструкции краеведам по наблюдению за погодой, травами, деревья-

---

[155] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 6. Л. 44.

[156] Там же. Д. 38. Л. 13.

[157] Элле К.В. Чăвашсем хăçан мĕнле тумтирсем тăхăнса çӳрени çинчен тĕпчесси (Исследование повседневной одежды чувашей) // Халăха вĕрентес ĕç. 1929. 5 №. С. 47 — 52; Его же. Ялхуçалăхне сăнасси (Наблюдения за сельским хозяйством) // Халăха вĕрентес ĕç. 1929. 6 — 7 №. С. 53 — 56.

[158] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 3. Л. 105; Отчеты о деятельности Общества… за 1924 — 1926 годы… С. 31 — 32.

[159] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 47. Л. 37; Д. 50. Л. 11 — 14.

[160] НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н. Р. Романова. Ед. хр. 428. Инв. № 7668. Л. 200.

[161] Там же. Л. 201; ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 13. Л. 49 об.

[162] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 33. Л. 1 об.

[163] Там же. Д. 45. Л. 250; Д. 48. Л. 105.

[164] Там же. Д. 3. Л. 73; Д. 45. Л. 5 об., 250; Д. 48. Л. 105.

[165] Там же. Д. 54. Л. 3 об.

[166] Там же. Д. 13. Л. 2 — 10; Д. 37. Л. 124; Д. 38. Л. 101; НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н. Р. Романова. Ед. хр. 428. Инв. № 7668. Л. 192; Романов [Н. Р.]. Чăваш çĕршывне тĕпчекен ушкăн (Общество изучения Чувашского края) // Сунтал. 1930. 7 — 8 №. С. 16.

[167] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 45. Л. 41; ЧЭ. Т. 1 (А — Е). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. С. 322.

ми, животными, насекомыми)[168], вопросники и инструкции по изучению чувашской одежды, жилища, хозяйства на селе (землепользование в прошлом и настоящем и др.)[169], поиску полезных ископаемых с доставкой образцов в Общество, записи о восстаниях, революционных событиях на местах[170]. В сентябре 1930 г. ОИЧК вместе с ЧЦМ организовало курсы для подготовки краеведческих кадров и развития музейного дела[171], в августе 1931 г. месячные краеведческие курсы[172]. Роль ОИМК-ОИЧК в развитии массового краеведения в Чувашии требует специального рассмотрения.

Давая общую оценку деятельности ОИМК-ОИЧК в 1920-х гг., отметим, что оно как добровольная организация, объединяющая исследователей-ученых и краеведов, краеведческие кружки и ячейки, «оправдало себя полностью»[173].

С конца 1920-х гг. резко усиливается идеологизация науки, развитие «новой социалистической культуры», свертываются демократические процессы в общественной жизни, в сфере национальных отношений. Во всех сферах культуры и образования начинал довлеть классовый подход. В вину ОИЧК ставилось, что оно не вовлекает в свою работу широкие массы трудящихся, слабо изучает природные богатства и производительные силы [36, с. 28]. Критика деятельности Общества началась с публикации статей в республиканских газетах с изложением доклада секретаря обкома ВКП(б) С. П. Петрова в ноябре 1930 г. с его оценкой выступлений на I Всечувашском съезде краеведения в июне 1928 г.[174] Материалы съезда были изданием Общества [32]. 19 и 23 ноября 1930 г. уполномоченными (сотрудниками Чувашотдела ОГПУ было произведено изъятие 170 книг «Первый Всечувашский краеведческий съезд»[175]. 21 ноября того же года председатель ОИЧК А. М. Кузнецов на заседании совета Общества выступил с докладом «О буржуазно-националистических ошибках в работе Первого Всечувашского краеведческого съезда»[176]. Вслед за этим 29 ноября состоялось объединенное собрание ОИЧК, Чувашского комплексного НИИ и Чувашского пединститута, где нарком просвещения ЧАССР М. С. Сергеев сделал доклад «Буржуазно-демократические и националистическо-шовинистические уклоны в научно-краеведческой работе ЧАССР и задачи борьбы с ними»[177]. Шельмованию подверглись

---

[168] Элле К. В. Ялсен çĕршыв айĕнчи мулсене тĕпчесе пынă чух кăтартса пымалли сведенисем (Сведения, указываемые при исследовании сельских недр) // Халăха вĕрентес ĕç. 1929. 3 №. С. 54 — 55; Элле К. В., Ялушкин К. Ф. Çут тĕнче çинчен çӳрекен тĕрлĕ юмах-халапсене çырса пырасси (Запись имеющих хождение разных разговоров о вселенной) // Халăха вĕрентес ĕç. 1928. 10 — 11 №. С. 69 — 73.

[169] Элле К. В. Чăвашсем хăçан мĕнле тумтирсем тăхăнса çӳрени çинчен тĕпчесси (Исследование повседневной одежды чувашей) // Халăха вĕрентес ĕç. 1929. 5 №. С. 47 — 52; Его же. Ялхуçалăхне сăнасси (Наблюдения за сельским хозяйством) // Халăха вĕрентес ĕç. 1929. 6 — 7 №. С. 53 — 56.

[170] НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н. Р. Романова. Ед. хр. 428. Инв. № 7668. Л. 192 — 193; Элле К. В. Тăван çĕршывра пулса иртнĕ тĕрлĕ пăлхавсем, революцисем çинчен ыйтса çырса пырасси (Вопросник по происходившим в родном крае восстаниям, революциям) // Халăха вĕрентес ĕç. 1929. 6 — 7 №. С. 51 — 53

[171] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 47. Л. 2 — 9; Д. 48. Л. 121; Романов Н. Р. Краеведение ĕçне вăйлатмаллах (Усилить краеведческую работу) // Халăха вĕрентес ĕç. 1930. 9 — 10 №. С. 49 — 50 (подп.: *Н. Р.*); Его же. Курсы краеведения в Чувашии // Советское краеведение. 1930. № 11 — 12. С. 48.

[172] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 6. Л. 61; Д. 48. Л. 59; Д. 54. Л. 4 об., 71.

[173] Там же. Д. 54. Л. 64.

[174] Красная Чувашия. 1930. № 267. 18 ноября; Канаш (Совет). 1930. 221 №. Ноябрь, 19.

[175] ГИА ЧР. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 39. Л. 13 — 14.

[176] Там же. Д. 48. Л. 63 — 78; Д. 50. Л. 146 — 165.

[177] Там же. Д. 50. Л. 166 — 211; Д. 54. Л. 7, 75.

научные труды активных деятелей ОИЧК (Г. И. Комиссаров, Н. В. Никольский, М. П. Петров, Ф. Т. Тимофеев, П. И. Иванов и др.). Участники съезда были признаны «проводниками националистической, кулацкой точки зрения» [8, с. 214]. В 1930-е гг. организаторы Всечувашского краеведческого съезда названы «буржуазными националистами», а участие на съезде «прегрешением» [24, с. 218]. Даже сам съезд 1928 г. называли «Краеведческим националистическим съездом» [20, с. 253]. Уже в 1930-е гг. секретарь обкома ВКП(б) С. П. Петров заявил, что в словаре Н. И. Ашмарина «не только порнографии много, но там есть прямая контрреволюция» [7, с. 215]. Членам Общества предъявлялось обвинение и во «внедрении националистических идей в сознание масс» [20, с. 253]. «Национальное без достаточных на то оснований стало истолковываться как националистическое и противопоставляться интернациональному» [7, с. 162]. Следователи в 1937 — 1938 гг. твердили, что научная работа в Обществе была «ширмой», за которой скрывалась контрреволюционная работа [20, с. 266]. Репрессии 1937 — 1938 гг. коснулись десятки членов ОИМК-ОИЧК, ставших «буржуазными националистами», «идеологами национализма», «контрреволюционерами», «врагами народа»: М. П. Петров (Тинехпи), А. П. Прокопьев-Милли, С. М. Максимов, Г. И. Иванов, Ф. Т. Тимофеев, Т. М. Матвеев, М. С. Сергеев, А. И. Золотов, Н. Я. Золотов и др. Оставшиеся на свободе в эти годы вынуждены были каяться, например, Н. Р. Романов, что «не сумел распознать и разоблачить буржуазных националистов, орудовавших в этом обществе» (ОИЧК. – *Е. М.*) Он подвергался гонениям, исключению из профсоюза и т. д.[178] Прав В. Д. Димитриев, когда пишет относительно М. П. Петрова, а это касалось большинства репрессированных, «не было оснований национально-демократические взгляды М. П. Петрова квалифицировать как буржуазно-националистические»[179].

Заключение

Приведенные в статье фактические данные, материалы, их анализ свидетельствуют, что ОИМК-ОИЧК сыграло заметную роль в национально-культурном строительстве в Чувашии в 1920-е гг. Его деятельность способствовала развитию чувашской народной и профессиональной культуры. Рассматривая деятельность Общества, действительно, убеждаешься в правоте слов о «золотом краеведении» в изучении края в эти годы. В современной Чувашии развитие краеведения связано с деятельностью Союза чувашских краеведов и Чувашской национальной академии наук и искусств, которые свои истоки видят в Обществе изучения местного края, считают себя продолжателями дела «золотого десятилетия» 1920-х гг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Беляков Р. Ю. Эволюция языковой политики в многонациональном регионе (на материалах Республики Татарстан) // Славяно-тюркский мир: история и современность: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Чебоксары, 24 — 26 июня 2024 г.) / сост. и отв. ред.: Д. В. Егоров, Э. Е. Лебедев, И. И. Бойко. Чебоксары: ЧГИГН, 2024. С. 358 — 364.

2. Григорьев П. Г. Научно-исследовательская работа в Чувашии за 30 лет (краткий обзор) // Записки ЧНИИЯЛИ. Вып. V. Чебоксары, 1950. С. 147 — 199.

3. Димитриев В. Д. М. П. Петров: жизнь и научная деятельность // Историко-этнографические исследования в Чувашской ССР: сборник статей / ред. В. П. Иванов. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1990. С. 3 — 33.

[178] НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н. Р. Романова. Ед. хр. 428. Инв. № 7668. Л. 225.

[179] Димитриев В. Д. М. П. Петров (Тинехпи)… С. 31.

4. Ефимов И. Е. Научно-исследовательская работа в Чувашии / отв. ред.: И. Е. Ефимов, П. И. Захаров, А. Т. Титов, М. С. Сергеев. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1933. 76 с.

5. Ефимов Л. А. Основные этапы развития краеведения в Чувашии // Краеведение в Чувашии: исторический опыт, проблемы и перспективы: материалы региональной научно-практической конференции (Чебоксары, 8 октября 2013 г.) / науч. ред. Л. А. Ефимов. Чебоксары: ЧГПУ, 2014. С. 5 — 10.

6. Ефимов Л. А. Этапы эволюции краеведения в Чувашском Поволжье в конце XIX — начале XXI в. // Краеведение в Среднем Поволжье: опыт, проблемы, перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, 24 ноября 2023 г.) / отв. ред. и сост. А. Г. Берман, Л. А. Ефимов. Чебоксары: ЧГПУ, 2023. С. 10 — 22.

7. Иванов В. П., Клементьев В. Н. Образование Чувашской автономии: предпосылки, проекты, этапы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2010. 192 с.

8. Иванов М. И. Даниил Эльмень: острые грани судьбы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. 256 с.

9. Изоркин А. В., Горшков А. Е. Центр гуманитарных наук Чувашии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1980. 136 с.

10. Ирар-Ишакские фосфориты ЧАССР: отчеты по разведкам летом 1926 г. Чебоксары: Изд-е Чуваш. Общества изучения местного края, 1928. 108 с.

11. История Чувашии новейшего времени. Кн. 1. 1917 — 1945. Чебоксары: ЧГИГН, 2001. 263 с.

12. Касимов Е. В. Историческое краеведение в современной Чувашии: основные направления и характерные черты развития / науч. ред. В. Н. Клементьев. Чебоксары: ЧГИГН, 2026. 68 с.

13. Каховский Б. В. Деятельность Общества изучения местного края по организации исследования археологических памятников Чувашии (1921 — 1933 гг.) // Краеведение в Чувашии: исторический опыт, проблемы и перспективы: материалы региональной научно-практической конференции (Чебоксары, 8 октября 2013 г.) / науч. ред. Л. А. Ефимов. Чебоксары: ЧГПУ, 2014. С. 26 — 32.

14. Каховский Б. В. Развитие археологии в Советской Чувашии // Развитие общественных наук в Чувашии за годы Советской власти / ред. Н. Е. Егоров, В. А. Прохорова. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1980. С. 41 — 51. (Труды ЧНИИ; вып. 100).

15. Кириллова И. Ю. Чувашская драматургия в поисках «золотого века» национальной истории // Исторический опыт нациестроительства и развития национальной государственности чувашского народа: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, 16 октября 2020 г.) / сост. и отв. ред. Ю. В. Гусаров, В. Н. Клементьев. Чебоксары: ЧГИГН, 2020. С. 527 — 537.

16. Клементьев В. Н. История национальной государственности чувашского народа: в 2 кн. Кн. 2. Создание чувашской государственности. 1920 — 1925 / науч. ред. Ю. В. Гусаров. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. 384 с.

17. Клементьев В. Н. Национально-языковое строительство Чувашской автономии в контексте общественно-политической ситуации 1920 — 1930-х годов: социолингвистический аспект // Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа: сборник статей. Вып. 7 / сост. и науч. ред. В. В. Никифорова. Чебоксары: ЧГИГН, 2024. С. 15 — 54.

18. Клементьев В. Н. Чувашская автономия: генезис, становление, динамика развития // Исторический опыт нациестроительства и развития национальной государственности чувашского народа: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, 16 октября 2020 г.) / сост. и отв. ред. Ю. В. Гусаров, В. Н. Клементьев. Чебоксары: ЧГИГН, 2020. С. 7 — 46.

19. Кондратьев М. Г. «Гора золотая…». Федор Павлов и его время. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2016. 400 с.

20. Кондратьев М. Г. Степан Максимов: Время. Творчество. Масштаб личности. Чебоксары: Фонд историко-культурологических исследований им. К. В. Иванова, 2002. 336 с.

21. Кондратьев М. Г. Степан Максимов: Музыкант-просветитель. Чебоксары: Чуваш кн. изд-во, 2010. 320 с.

22. Корбут М. К. Василий Константинович Магницкий и его труды. 1839 — 1901 гг. С портретом В. К. Магницкого и приложением двух ненапечатанных его работ и очерка проф. Н. В. Никольского. Чебоксары: Изд-е ОИЧК, 1929. 97 с.

23. Коричев С. А. Заметки к вопросу по истории мелких национальностей Поволжья и Приуралья // Труды Общества изучения местного края Чувашской Автономной области. Чебоксары: Изд-е Общества, 1924. 31 с.

24. Лебедев Э. Е., Родионов В. Г., Семенова И. П., Касимов Е. В. Н. И. Ашмарин — корифей чувашской филологии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2020. 272 с.

25. Лукьянов И. К. Трахома в Волжско-Камском крае (Очерки и материалы). Чебоксары: Изд-е Чуваш. областного отдела здравоохранения, 1925. 136 с.

26. Марр Н. Я. Чуваши — яфетиды на Волге / Издание Чувашского Центрального Музея (ЧЦМ) и ОИМК. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1926. 75 с.

27. Михайлов Е. П. Из истории археолого-краеведческого изучения Чувашии в 1920 — начале 1930-х годов (по архивным материалам) // Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа: сборник статей. Вып. 4 / сост. и науч. ред. Д. В. Егоров. Чебоксары: ЧГИГН, 2019. С. 59 — 71.

28. Михайлов Е. П. Малоизвестные страницы истории, археологии, этнографии, краеведения, музейного дела в Чувашии 1920-х — начала 1930-х гг. (по архивным материалам) // Вестник Чувашской национальной академии наук и искусств. 2021. № 1 — 2 (11 — 12). С. 110 — 138.

29. Михайлов Е. П., Кузьминых С. В. В. Ф. Смолин и Абашево (К истории археологического изучения Чувашии) // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: материалы Международной научной конференции (Чебоксары, 26 — 30 мая 2003 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 12 — 34.

30. Михайлов Е. П., Обакова Л. А. Н. П. Неверов — один из основателей и первый руководитель Чувашского национального музея // Политические преследования и репрессии 1920 — начала 1950-х годов в судьбах интеллигенции Чувашии: материалы Межрегиональной конференции (Чебоксары, 21 марта 2014 г.) / сост. и отв. ред. Ю. В. Гусаров. Чебоксары: ЧГИГН, 2014. С. 160 — 166.

31. Павлов Ф. П. Чуваши и их песенное и музыкальное творчество: музыкально-этнографические очерки. Чебоксары: ОИМК, 1926. 65 с.

32. Петров М. П. О происхождении чуваш. Доклад, читанный 26 февраля 1925 г. на заседании II сессии Облисполкома V созыва и 15 марта т. г. на заседании Общества изучения местного края Чуваш. Авт. области. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1925. 62 с.

33. Петров М. П. [Тинехпи Петĕр Михалки]. Чăваш историйĕ çинчен. Кĕскен каласа кăтартни. Малтанхи пайĕ. Тĕп историйĕн йĕрĕсем. Шупашкар: Чăваш кĕнеки уйрăмĕ, 1928. 121 с.

34. Поппе Н. Н. Чуваши и их соседи. Чебоксары: ОИМК, 1927. 31 с.

35. Романов Н. Р. Этнография и археология в Чувашской АССР // Записки ЧНИИЯЛИ. Чебоксары, 1950. Вып. V. С. 200 — 222.

36. Сергеев Т. С., Агаева Е. В. Краеведческие организации в изучении и сохранении родного языка и этнокультуры чувашей в 1920 годы // Этническая культура. Чебоксары, 2023. Т. 5. № 2. С. 22 — 29.

37. Сергеев Т. С., Агаева Е. В. Краеведческие организации в сохранении и развитии экономики и этнокультуры чувашей в годы предвоенных пятилеток (1928 — 1941 гг.) // Краеведение в Среднем Поволжье: опыт, проблемы, перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, 24 ноября 2023 г.) / отв. ред. и сост. А. Г. Берман, Л. А. Ефимов. Чебоксары: ЧГПУ, 2023. С. 263 — 272.

38. Смолин В. Ф. Абашевский могильник в Чувашской Республике (Очерк археологических раскопок в 1925 году). Чебоксары: Изд-е ОИЧК, 1929. 56 с.

39. Смолин В. Ф. К вопросу о происхождении народности камско-волжских болгар (Разбор главнейших теорий). Казань: Казанское подотделение Чуваш. отделения гос. изд-ва, 1921. 56 с.

40. Требушкова О. А. Общества изучения местного края и развитие массового краеведческого движения в 1920 — 30 годы (на примере Марийской и Чувашской автономий) // Марийский археографический вестник. 1992. № 2. С. 41 — 47.

41. Фокин П. П. Этнография в Чувашской АССР // Развитие общественных наук в Чувашии за годы Советской власти / ред. Н. Е. Егоров, В. А. Прохорова. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1980. С. 52 — 61. (Труды ЧНИИ; вып. 100).

REFERENCES

1. Belyakov R. Y. The evolution of language policy in a multinational region (based on the materials of the Republic of Tatarstan) // The Slavic-Turkic world: history and modernity: proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation. Cheboksary;2024:358 — 364. (In Russ.)

2. Grigoriev P. G. Scientific research work in Chuvashia for 30 years (a brief overview) // Notes of the CHNII YALI. Issue V. Cheboksary;1950:147 — 199. (In Russ.)

3. Dimitriev V. D. M. P. Petrov: life and scientific activity // Historical and ethnographic research in the Chuvash SSR. collection of articles by the CHNII YALIE. Cheboksary;1990:3 — 33. (In Russ.)

4. Efimov I. E. Scientific research in Chuvashia. Cheboksary;1933:76. (In Russ.)

5. Efimov L. A. The main stages of the development of local history in Chuvashia // Local history in Chuvashia: historical experience, problems and prospects. Materials of the regional scientific and practical conference on October 8, 2013. Cheboksary;2014:5 — 10. (In Russ.)

6. Efimov L. A. The stages of the evolution of local history in the Chuvash Volga region at the end of the 19th — beginning of the 21th century // Local history in the Middle Volga region: experience,

problems, prospects. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference on November 24, 2023, Cheboksary. Cheboksary;2023:10 — 22. (In Russ.)

7. Ivanov V. P., Klementyev V. N. The formation of the Chuvash autonomy: prerequisites, projects, stages. Cheboksary;2010:192. (In Russ.)

8. Ivanov M. I. Daniil Elmen: the sharp edges of fate. Cheboksary;2009:256. (In Russ.)

9. Izorkin A. V., Gorshkov A. E. Center for Humanities of Chuvashia. Cheboksary;1980:136. (In Russ.)

10. Irar-Ishak phosphorites of the CHASSR. Exploration reports in the summer of 1926. Cheboksary;1928:108. (In Russ.)

11. The history of modern Chuvashia. Books 1. 1917 — 1945. Cheboksary;2001:263. (In Russ.)

12. Kasimov E. V. Historical local lore in modern Chuvashia: main directions and characteristic features of development. Cheboksary;2026:68. (In Russ.)

13. Kakhovsky B. V. The activities of the Society for the Study of the local region in organizing the study of archaeological sites of Chuvashia (1921 — 1933) // Local history in Chuvashia: historical experience, problems and prospects. Materials of the regional scientific and practical conference on October 8, 2013. Cheboksary;2014:26 — 32. (In Russ.)

14. Kakhovsky B. V. The development of archeology in Soviet Chuvashia // Proceedings of the CHNII YALIE. Issue 100: The development of social sciences in Chuvashia during the years of Soviet power. Cheboksary;1980:41 — 51. (In Russ.)

15. Kirillova I. Yu. Chuvash drama in search of the "golden age" of national history // Historical experience of nation-building and development of national statehood of the Chuvash people: Materials of the All-Russian scientific and practical conference. Cheboksary;2020:527 — 537. (In Russ.)

16. Klementyev V. N. The history of the national statehood of the Chuvash people. In two books. Book 2. The creation of the Chuvash statehood. 1920 — 1925. Cheboksary;2018:384. (In Russ.)

17. Klementyev V. N. National-linguistic construction of the Chuvash autonomy in the context of the socio-political situation of the 1920s — 1930s: sociolinguistic aspect // Current issues of the history and culture of the Chuvash people: collection of articles. Issue 7. Cheboksary;2024:15 — 54. (In Russ.)

18. Klementyev V. N. Chuvash autonomy: genesis, formation, dynamics of development // The historical experience of nation-building and the development of national statehood of the Chuvash people: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Cheboksary;2020:7 — 46. (In Russ.)

19. Kondratiev M. G. "Golden Mountain...". Fyodor Pavlov and his time. Cheboksary;2016:400. (In Russ.)

20. Kondratiev M. G. Stepan Maksimov: Time. Creation. The scale of the personality. Cheboksary;2002:336. (In Russ.)

21. Kondratiev M. G. Stepan Maksimov: Musician and educator. Cheboksary;2010:320. (In Russ.)

22. Korbut M. K. Vasily Konstantinovich Magnitsky and his works. 1839 — 1901 With a portrait of V. K. Magnitsky and an appendix of two unpublished works by him and an essay by Professor N. V. Nikolsky. Cheboksary;1929:97. (In Russ.)

23. Korichev S. A. Notes on the history of small nationalities of the Volga region and the Urals / Proceedings of the Society for the Study of the local Territory of the Chuvash Autonomous Republic. Regions. Cheboksary;1924:31. (In Russ.)

24. Lebedev E. E., Rodionov V. G., Semenova I. P., Kasimov E. V. N. I. Ashmarin is a leading figure of Chuvash philology. Cheboksary;2020:272. (In Russ.)

25. Lukyanov I. K. Trachoma in the Volga-Kama region (Essays and materials). Cheboksary;1925:136. (In Russ.)

26. Marr N. Ya. Chuvash Japhetids on the Volga. The publication of the Chuvash Central Museum (CHCM) and the OIMK. Cheboksary;1926:75. (In Russ.)

27. Mikhailov E. P. From the history of the archaeological and local history study of Chuvashia in the 1920s — early 1930s (based on archival materials) // Actual issues of the history and culture of the Chuvash people: a collection of articles. Issue 4. Cheboksary;2019:59 — 71. (In Russ.)

28. Mikhailov E. P. Little-known pages of history, archeology, ethnography, local history, museum business in Chuvashia in the 1920s — early 1930s (based on archival materials) // Bulletin of the Chuvash National Academy of Sciences and Arts. Cheboksary;2021:110 — 138. (In Russ.)

29. Mikhailov E. P., Kuzminykh S. V. V. F. Smolin and Abashevo (On the history of the archaeological study of Chuvashia) // Abashevskaya cultural and historical community: origins, development, heritage. Materials of the international scientific conference. Cheboksary;2003:12 — 34. (In Russ.)

30. Mikhailov E. P., Obakova L. A. N. P. Neverov — one of the founders and the first head of the Chuvash National Museum // Political persecution and repression of the 1920s and early 1950s in the fate of

the intelligentsia of Chuvashia: Proceedings of the interregional conference. Cheboksary;2014:160 — 166. (In Russ.)

31. Pavlov F. P. The Chuvash and their song and musical creativity. Musical and ethnographic essays. Cheboksary;1926:65. (In Russ.)

32. Petrov M. P. On the origin of the Chuvash. A report read on February 26, 1925 at a meeting of the II session of the Regional Executive Committee of the V convocation and on March 15 of this year at a meeting of the Society for the Study of the local region of Chuvash administrative regions. Cheboksary;1925:62. (In Russ.)

33. Petrov M. P. [Tinehpi Peter Mikhalki]. Your stories are full. Kōsken kalasa kōtartni. Malthankhi Pay. There are so many stories. Shupashkar;1928:121. (In Chuvash)

34. Poppe N. N. Chuvash people and their neighbors. Cheboksary;1927:31. (In Russ.)

35. Romanov N. R. Ethnography and archeology in the Chuvash ASSR // Notes of the Chuvash Research Institute. Issue V. Cheboksary;1950:200 — 222. (In Russ.)

36. Sergeev T. S., Agaeva E. V. Local history organizations in the study and preservation of the native language and ethnoculture of the Chuvash in the 1920s // Ethnic culture. Cheboksary;2023:22 — 29. (In Russ.)

37. Sergeev T. S., Agaeva E. V. Local history organizations in the preservation and development of the economy and ethnoculture of the Chuvash during the pre-war five-year plans (1928 — 1941) // Local history in the Middle Volga region: experience, problems, prospects. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Cheboksary;2023:263 — 272. (In Russ.)

38. Smolin V. F. Abashevsky burial ground in the Chuvash Republic (An essay on archaeological excavations in 1925). Cheboksary;1929:56. (In Russ.)

39. Smolin V. F. On the question of the origin of the Kama-Volga Bulgarians (Analysis of the main theories). Kazan;1921:56. (In Russ.)

40. Trebushkova O. A. Societies for the study of the local region and the development of the mass local history movement in the 1920s and 30s (on the example of the Mari and Chuvash autonomies) // Mari Archeographic Bulletin. 1992;2:41 — 47. (In Russ.)

41. Fokin P. P. Ethnography in the Chuvash ASSR // Proceedings of the CHNII YALIE. Issue 100: Development of social sciences in Chuvashia during the years of Soviet power. Cheboksary;1980:52 — 61. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 02.03.2026;
одобрена после рецензирования 20.04.2026; принята к публикации 25.05.2026
Информация об авторе:
Михайлов Евгений Петрович, старший научный сотрудник
Чувашского государственного института гуманитарных наук
(428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1),
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7865-5715, mihaylov.evgeniy.1958@mail.ru
Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 02.03.2026;
approved after reviewing 20.04.2026; accepted for publication 25.05.2026
Information about the author:
Evgeny P. Mikhaylov, senior researcher, Chuvash State Institute of Humanities
(29/1, Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia),
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7865-5715, mihaylov.evgeniy.1958@mail.ru
Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакцие 02.03.2026 çитнĕ;
рецензиленĕ хыççăн 20.04.2026 ырланă; 25.05.2026 пичете йышăннă
Автор çинчен:
Михайлов Евгений Петрович, Чăваш патшалăх гуманитари
ăслăлăхĕсен институчĕн ăслăлăх аслă ĕçтешĕ
(428015, Раççей, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.),
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7865-5715, mihaylov.evgeniy.1958@mail.ru
Пайталăх конфликчĕ: автор пайталăх конфликчĕ çуккине пĕлтерет.
Автор ал çырăвăн юлашки вариантне вуласа тухнă, ырланă.

УДК 94(470)''10/12''
ББК 63.3(2) 412-992

Научная статья

ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОШЛОМ КИПЧАКОВ И ИХ РАССЕЛЕНИИ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ И ЮЖНОРУССКИХ СТЕПЯХ

С. М. Сеидова
Азербайджанский государственный педагогический университет,
г. Баку, Азербайджан
seyidovasevinj7@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы исторического прошлого кипчаков и их расселения в Азербайджане и в южнорусских степях. Предпринимается попытка анализа роли кипчаков в политической и этнокультурной истории евразийского степного мира Средневековья. Источниковая база исследования состоит из письменных, археологических и историографических материалов, отражающих различные аспекты истории кипчакского мира в IX — XIII вв. Исследование основывается на принципах историзма, проведено с помощью историко-генетического и историко-сравнительного методов. В ходе работы установлено, что кочевые тюркские племена кипчаки сыграли важную роль в истории степей Евразии, оказав заметное влияние на формирование и развитие многих государств Восточной Европы и северо-западных районов Азии. В средневековых источниках арабского, персидского и грузинского происхождения они известны под именем «кипчаки», в русских летописях их называли половцами, а в византийских и венгерских хрониках того же времени — куманами или кунами. История кипчаков занимает особое место в русской, советской и мировой историографии. Несмотря на обширное исследование этой темы, влияние кипчаков на историю Евразии оценивается учеными по-разному и продолжает вызывать научные дискуссии.

Ключевые слова: кипчаки, южнорусские степи, расселение, Азербайджан, этногенез, историография

Для цитирования: Сеидова С. М. Об историческом прошлом кипчаков и их расселении в Азербайджане и южнорусских степях // Современная гуманитаристика. 2026. Т. 2. № 2. С. 46 — 55

© Сеидова С. М., 2026

Scientific article

ON THE HISTORICAL PAST OF THE KIPCHAKS AND THEIR SETTLEMENT IN AZERBAIJAN AND THE SOUTHERN RUSSIAN STEPPES

S. M. Seyidova
Azerbaijan State Pedagogical University,
Baku, Azerbaijan
seyidovasevinj7@gmail.com

Abstract. The article examines the historical past of the Kipchaks and their settlement in Azerbaijan and the southern Russian steppes. An attempt is made to analyze the role of the Kipchaks in the political and ethnocultural history of the Eurasian steppe world of the Middle Ages. The source base of the study consists of written, archaeological, and historiographical materials reflecting various aspects of the history of the Kipchak world in the 9th — 13th centuries. The study is based on the principles of historicism and employs historical-genetic and historical-comparative methods. The study showed that the nomadic Turkic tribes of the Kipchaks played an important role in the history of the Eurasian steppes, having a significant impact on the formation and development of many states in Eastern Europe and northwestern

Asia. In medieval sources of Arab, Persian, and Georgian origin, they are known as “Kipchaks”, in Russian chronicles they were called Polovtsians, and in Byzantine and Hungarian chronicles of the same time — Cumans or Kuns. The history of the Kipchaks occupies a special place in Russian, Soviet, and world historiography. Despite extensive research on this topic, the influence of the Kipchaks on the history of Eurasia is interpreted differently by scholars and continues to provoke scholarly debate.

Keywords: Kipchaks, southern Russian steppes, settlement, Azerbaijan, ethnogenesis, historiography

For citation: Seyidova S. M. On the historical past of the Kipchaks and their settlement in Azerbaijan and the southern Russian steppes // Modern humanities. 2026;2(2):46 — 55

Ăслăлăх статйи

КИПЧАКСЕН ИСТОРИЙЁПЕ ВЁСЕМ АЗЕРБАЙДЖАНА ТАТА КĂНТĂРТИ ВЫРĂС ÇЕÇЕН ХИРЁСЕНЕ КУÇСА ЛАРНИ ÇИНЧЕН

С. М. Сеидова
Азербайджан патшалăх педагогика университечĕ,
Баку хули, Азербайджан
seyidovasevinj7@gmail.com

Аннотаци. Статьяра кипчаксен историйёпе вёсем Азербайджана тата кăнтăрти вырăс çеçен хирёсене куçса ларнипе çыхăннă ыйтусене пăхса тухнă. Вёсем Вăтам ёмёрсенчи Еврази çеçен хирён политикăпа этнокультура пурнăçёнче мёнле вырăн йышăннине тишкерме палăртнă. Çăлкуçсен шутёнче — кипчаксен IX — XIII ёмёрсенчи историйён тёрлё аспекчёсене уçса паракан çырулăх палăкёсем, археологи тата историографи материалёсем. Тишкерёве историзм принципне тёпе хурса ирттернё, вăл историллё генетика тата историллё танлаштару меслечёсем çинче никёсленет. Кипчаксем — куçса çӳрекен тёрёк йăхёсем пулнă. Тёпчев ирттернё май вёсем Еврази çеçен хирён историйёнче пысăк вырăн йышăннине, Хёвелтухăç Европăри тата Азин çурçёр-анăç районёнчи патшалăхсен аталанăвне самай витём кӳнине тупса палăртнă. Вăтам ёмёрсенчи çырулăх палăкёсенче вёсем тёрлё ятпа сыхланса юлнă: араб, перс, грузи çăлкуçёсенче — кипчак, вырăс летописçёсенче — половец, Византипе Венгри хроникисенче — куман е кун. Вырăс, совет тата тёнче историографийёнче кипчаксен историйё паллă вырăн йышăнса тăрать. Çапах та, ку темăна анлăн тишкернё пулин те, тёпчевçёсен ёçёсенче Европа историне кипчаксем кӳнё витёме тёрлёрен хакланине, ку ыйтупа ăслăлăх тавлашăвёсем хальччен те вёçленменнине палăртма тивет.

Тĕп сăмахсем: кипчаксем, кăнтăр вырăс çеçен хирёсем, куçса ларни, Азербайджан, этногенез, историографи

Цитатăлама: Сеидова С. М. Кипчаксен историйёпе вёсем Азербайджана тата кăнтăрти вырăс çеçен хирёсене куçса ларни çинчен // Хальхи гуманитаристика. 2026. 2 т. 2 №. С. 46 — 55

Введение

Кипчаки — одна из наиболее значимых тюркских кочевых общностей, занимающих особое место в историческом развитии евразийских народов. Целью данного исследования является анализ роли кипчаков в политической и этнокультурной истории евразийского степного мира Средневековья. В IX — X вв. кипчакские племена начали активное продвижение на запад, в результате чего ими были освоены обширные территории: от Алтая и Иртыша до Причерноморья.

Эти процессы привели к формированию мощного военно-политического объединения, известного в древнерусских и восточных письменных источниках как половцы, а в западноевропейской традиции — как куманы.

Кочевой образ жизни, высокая мобильность и развитая военная организация позволили кипчакам занять видную позицию в системе международных отношений средневековой Евразии. Они активно взаимодействовали с Древней Русью, Византийской империей, государствами мусульманского Востока, прежде всего Хорезмом, а также с народами Кавказа. Эти взаимосвязи способствовали интенсивным политическому, экономическому и культурному обменам, оказывавшим влияние на динамику региональных и межрегиональных процессов.

Актуальность изучения истории кипчаков обусловлена необходимостью более глубокого осмысления роли кочевых обществ в формировании политической и этнокультурной структуры средневековой Евразии. Несмотря на значительное количество исследований, посвященных этой проблеме, ряд вопросов, связанных с внутренней организацией кипчакского союза, механизмами этнической консолидации и характером их взаимодействия с оседлыми цивилизациями, остается дискуссионным. В условиях современного развития исторической науки обращение к прошлому кипчаков приобретает особую научную значимость.

Материалы и методы

Источниковую базу исследования составляют письменные, археологические и историографические материалы, отражающие различные аспекты истории кипчакского мира в IX — XIII вв. В качестве письменных источников использованы китайские и другие восточные хроники, историко-географические сочинения арабо-персидских авторов (ал-Масуди, ал-Истахри, ал-Идриси, Ибн ал-Асир, Джувейни, Рашид-ад-дин, Ибн Батута), а также западноевропейские источники, содержащие сведения о куманах.

Методология проведенной работы основывается на принципах историзма и научной объективности. В исследовании применяются историко-генетический и историко-сравнительный методы, позволяющие проследить процессы формирования кипчакского союза и выявить общие и специфические черты его развития в различных регионах. Используется также системный подход, рассматривающий кипчакский мир как сложное многоуровневое образование, функционировавшее в контексте межцивилизационных взаимодействий.

Дополнительно привлекаются элементы историко-типологического и этноисторического анализа, что способствует более полному осмыслению этнополитических и культурных процессов в кочевой среде. Комплексное использование различных групп источников и методов позволяет обеспечить целостность и достоверность полученных выводов.

Результаты исследования и их обсуждение

Кочевые племена тюркского происхождения, известные как кипчаки, оставили глубокий след в истории степных регионов Евразии, оказав серьезное влияние на развитие восточноевропейских государств. Кипчаки участвовали в этногенезе большинства нынешних тюркских народов, также включая азербайджанских тюрков.

Слово «кипчак» впервые упоминается в труде китайского историка Сыма Цянья «Исторические записки». В этом труде он упоминает названия пяти племен, входивших в состав азиатских хуннов: Хун-юй, Сюйшэ, Динлинь, Цэгун и Сайли (Синьли) (III в. до н. э. — эпоха хуннского правителя Модэ). Племя куэйшэ, за-

воеванное Модэ, проживало в северо-западной части Алтая. Термин «куэйшэ», или «сюйшэ», впервые упомянутый в 201 г. до н. э., принимается тюркологами как первое название кипчаков в письменных источниках [15, с. 199 — 216]. Согласно многим историческим источникам, кипчаки в древности поселились в долине Чжэлян. Название этой долины совпадало с названием р. Чилан, что означает «Змеиная река» и «Змеиная гора». С этими топонимами Г. Е. Грумм-Гржимайло связывал название города Змеиногорск [3, с. 59]. В III — II вв. до н. э. кипчаки проживали в северо-западных районах Алтая. По мнению Н. А. Аристова, в I в. до н. э. и I в. н. э. отдельные группы кипчаков могли переселиться из верховьев Иртыша и из районов западнее Тарбагатая [1, с. 283 — 290, 309, 312 — 313]. С III в. до н. э. кипчаки, как и другие алтайские племена, входили в состав гуннов. Со II по IV в. н. э. кипчаки находились под политическим господством сяньбийских племен, а с конца IV по первую половину VI в. — под политическим господством монголоязычных племен жужань [12, с. 19]. Жужани постоянно притесняли тюркские племена, именно поэтому в 552 г. тюркские племена объединились и положили конец Жужанскому правлению. Главой нового государства — Тюркского каганата — стал Тумынь (Бумын), который принял титул Ильхана, а в 555 г. тюрки окончательно уничтожили государство Жужань. Позже этот титул был заменен титулом кагана. В этот каганат вошли многие саяно-алтайские племена. Как жители Алтая, кипчаки также входили в состав Тюркского каганата, но не имели никакой власти в нем. По этой причине в древних источниках до середины VII в. о них не было никаких сведений [12, с. 17 — 19].

Кипчаки также упоминаются в надгробных надписях, датированных 759 — 760 гг., найденных Густавом Рамстедтом в 1909 г. у р. Селенги на юге Центральной Монголии. В литературе этот эпитафический памятник получил название «Селегинский камень». Эта надпись представляет собой текст с надгробия, принадлежавшего одному из основателей Уйгурского каганата Элетмиш Бильге кагану (747 — 759 гг.) [18, с. 134]. На северной стороне камня в четвертой строке высечены следующие слова: «Когда тюркские кипчаки правили нами пятьдесят лет...» [18, с. 145].

Известный арабский географ Ибн Хордадбех (IX в.) [«Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» (Книга путей и стран)] был первым исследователем, назвавшим кипчаков тюркским племенем. Он представил кипчаков как самостоятельное племя, проживавшее на территории современного Казахстана [5, с. 64 — 65, 184 — 185].

К ранним письменным источникам, оставившим нам сведения о кипчаках, относятся арабские и персидские, дающие информативные сведения об истории возникновения тюркского этноса, в том числе и кипчаков. Среди таких изысканий особое место занимают работы арабских и персидских географов IX — XIII вв. О кипчаках писали такие авторы, как арабские географы ал-Масуди (X в.), ал-Истахри (X в.) [«Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» (Книга путей и стран)].

В труде Гардизи (XI в.) «Зейн ал-Ахбар» (Украшение известий) рассказывается легенда о расселении кипчаков. Махмуд ал-Кашгари (XI в.) в своем произведении «Диван лугат ат-турк» (Свод тюркских слов) разделил тюркские народы на 2 ветви — северную и южную. Кипчаков он причислил к северной группе [9, с. 69]. В работах средневековых летописцев, таких как Ибн ал-Асир, Джувейни, Рашид-ад-дин, Ибн Батута, также есть сведения о кипчаках.

Стоит отметить имена таких ученых, как Г. Е. Грумм-Гржимайло, В. В. Бартольда, В. Ф. Минорского, Н. Бичурина, С. Г. Кляшторного, Л. Н. Гумилева,

М. И. Артамонова, Н. Ф. Котляра, С. А. Плетневу, Н. Е. Кузембаева, А. Н. Юзеева, А. Н. Гаркавца, В. В. Петрухина, Н. А. Аристова, Г. Гейбуллаева, З. Папаскири, М. Д. Лордкипанидзе, И. А. Джавахишвили, Ф. М. Кырзыоглу, Фуад Кёпрюлю, Зеки Велиди Тогана и др., которые посвятили свои труды истории кипчаков.

Известный востоковед В. В. Радлов в работе «Опыт словаря тюркских наречий» объяснил значения термина «кипчак».

1. Значение слова «кипчак» — неясно; так как оно всегда употребляется вместе с прилагательными «кобы» — «пустой». Возможно, значение этих слов одинаково.

2. Кипчак — пустое дерево; в те времена пустое дерево называли «чыпчак».

3. Кипчак — гневный, сумасшедший человек [11, с. 844].

О. Сулейменов выдвинул такую гипотезу, что этноним «кипчак» образовался от слов «ики пчак» (эки пшак), т. е. два ножа. Он предполагает, что две горизонтальные линии тамги у кипчаков когда-то назывались «ики пчак» (эки пшак), а позже это слово в процессе слияния превратилось в «кипчак» [18, с. 146].

Определенная часть кипчаков во второй половине VI в. переселилась с Алтая на Орхон, возможно, они обосновались в верховьях Селенги в Западной Монголии, вплоть до берегов р. Орхон. Здесь кипчаки играли большую роль в политической жизни Восточно-тюркского каганата. Эта группа кипчаков правила уйгурами, проживавшими в Туве и Монголии в течение 50 лет (с конца VII до первой четверти VIII в.). Каган Западно-тюркского каганата Дулу, воюя с Восточно-тюркским каганатом, двинулся на северо-восток и в 641 г. покорил многие племена вместе с кипчаками. Покоренные Дулу кипчаки все еще продолжали жить на Алтае. В конце VII — начале VIII в. кипчаки мигрировали на запад и заняли земли на левом берегу Иртыша. Таким образом, в VI — VII вв. кипчаки начали покидать места своего первоначального расселения. Часть из них переселилась на Орхон, а другая — на левый берег Иртыша.

Движущиеся на запад кипчаки в VII — VIII вв. заняли левый берег Иртыша, бассейны рек Ишим и Тобол. В этот период они стали очень сильны. В VIII в. кипчаки объединились с Хазарским каганатом и двинулись на Кавказ. В 722 — 723 гг., находясь на территории Аррана (Азербайджан), кипчаки вместе с хазарами воевали против арабов. Также в 762 — 764 гг. в Грузии они вели борьбу против арабов вместе с другими тюркскими племенами и местным населением [17, с. 123 — 124].

В середине VIII в. племена кимаков начали набирать силу. Они боролись за объединение ослабленных племен под своей властью. Кимаки также подчинили своему влиянию кипчаков. Племена кимаков делились на семь племен: Ими, Имак, Татар, Баяндур, Кипчак, Ланиказ, Аджлад.

В начальный период этой политической истории кипчаки действовали совместно с кимаками при захвате новых пастбищ. Сами кипчаки сложились как этнос в Центральном и Восточном Казахстане в VIII в. В конце X в. политическая ситуация изменилась, власть перешла к кипчакам. Они смогли обрести политическую независимость. Теперь кипчаки получили возможность кочевать самостоятельно. В X — XI вв. они стали настолько сильны, что даже подчинили себе кимаков. Во время движения кипчаков на запад под их влияние попали некоторые племена: огузы, печенеги, канглы и др. В XI в. кипчаки продвинулись к северо-восточным границам Хорезма.

В начале XI в., после утраты Кимакским каганатом самостоятельной политической роли, кипчаки заняли ведущие военную и политическую позиции в реги-

оне, населенном ранее кимаками. Усиление кипчакской знати сопровождалось их активной экспансией преимущественно в южном и западном направлениях — к границам с государствами Средней Азии и юго-восточной Европы. Обширная территория, охватывавшая земли от Иртыша до Днестра, получила впоследствии название Дешт-и-Кипчак. Политический подъем кипчаков относится к первому десятилетию XII — XIII вв. Их главные политические цели были направлены на южнорусские степи и степи вокруг Черного моря. Кипчаки правили огромными территориями и участвовали во многих исторических событиях. Однако они не смогли создать единое государство.

Определенная часть кипчаков также проживала на Северном Кавказе в XI — XIII вв. Она прибыла сюда примерно в 60 — 70-х гг. XI в.

Существует множество источников о расселении тюркских племен в Азербайджане и в Передней Азии в целом в XIV — XV вв. Наиболее точно это показал автор произведения «Книга познания мира» Иоанн де Галонифонтибус (1404) во время своего путешествия на Кавказ [6]. В главе под названием «Таты и готы. Великая Татария: Кумания, Хазария и другие. Народы Кавказа» он писал о составе, вероисповедании и распространении тюркского языка среди кавказских народов: «В этой стране много христиан, а именно: греки, зики, готы, таты, воляки, русские, черкесы, леки, йассы, аланы, авары, казикумухи и почти все они говорят на татарском языке». Термин «татарский язык» означал тюркский язык.

Воляки (по-немецки «валаны», по-латыни «команы», по-русски «половцы», настоящее их название — «кипчаки») жили на Северном Кавказе [6].

В начале XI — XIII вв. на территории Азербайджана также проживали отдельные группы кипчаков. Сначала их привезли сюда в качестве рабов и пленников. О присутствии кипчаков в Азербайджане свидетельствует существование села Кипчак в Гахском районе, которое связывают с названием этих племен и перевала Кипчак в Кельбаджарском районе [2, с. 41 — 45]. З. М. Буниятов считал, что кипчаки вторглись в Албанию еще в VII в. [14, с. 123 — 124].

В грузинских источниках также сообщается о кипчаках в Закавказье начиная с 456 — 510 гг., однако массовое переселение имело место в связи событиями XII в. В 1118 — 1120 гг. Давид IV Строитель переселил в Грузию 225 тыс. северокавказских кипчаков во главе с их вождем ханом Атраком, женился на его дочери и с помощью кипчаков создал сильную армию. Далее Георгий III (1151 — 1184) переселил в Грузию около 10 тыс. кипчаков [6, с. 236 — 237].

С кипчаками связывают некоторые топонимы на территории Азербайджана, такие как Казах, Казахлу, Казахлар. Г. А. Гейбуллаев считал, что кипчакское происхождение казахов подтверждается также ойконимом «Каймаклы» (Казахский р-н), который отражает этноним «каймак / кимак» [2, с. 41 — 46]. В Кахском районе есть множество кипчакских этнонимов. Одним из них был «тертер». По Г. А. Гейбуллаеву, этот этноним в Азербайджане возник до появления кипчаков в южнорусских степях, что наводит на мысль о пребывании части их среди гуннов [2, с. 41 — 45]. Также в топонимике Азербайджана можно встретить «Туг» (Карабах) и «Тугчай» (Апшеронский р-н).

Топонимы «уран», «анджа», или «инджи», «джужан», «урус», или «арус», «куч», «дурт», или «турут», «кул», «катан» (котан), «караберк» оставили след в топонимии Азербайджана. Г. Гейбуллаев считал, что проникновение кипчаков в Азербайджан имело место в разные исторические периоды, примерно в VII —

XII вв. Поэтому кипчаки сыграли определенную роль в этническом процессе, который привел к формированию азербайджанского народа [2, с. 41 — 45].

Многие слова в азербайджанском языке также происходят от тюрко-кипчакских слов. Учитывая это, лингвист М. Ш. Ширалиев пишет: «Как известно, начиная с V века в северной части Азербайджана были представлены отдельные тюркские языки кипчакского типа, сыгравшие важную роль в формировании азербайджанского общенародного языка. В северной и отчасти восточной группе диалектов и говоров азербайджанского языка до сих пор отчетливо проявляются кипчакские особенности. Задача азербайджанских диалектологов — выявить сохранившиеся в фонетике, лексике и грамматике азербайджанского языка кипчакские элементы» [13, с. 6].

Особое место занимает в истории кипчаков расселение их в южнорусских степях. Достигнув берегов Волги, кипчаки контролировали волжский торговый путь. Они могли останавливать торговые караваны и даже взимать налоги. Все это побуждало их завоевывать обширные степи, расположенные на севере и северо-востоке Каспийского моря, на юго-восточных склонах Уральских гор, в низовьях рек Ишим и Тобол. Обширные пастбища, простирающиеся от Волги до Дуная, с древнейших времен привлекали восточных кочевников.

В середине XI в. кипчаки, обосновавшиеся в бассейнах Волги и Дона, двинулись на запад в приднепровские степи. Здесь жили торки (тюрки-огузы, кочевавшие в южнорусских степях, между Доном и Днепром), бывшие врагами кипчаков. Торки оказали кипчакам сильное сопротивление.

Продвижение торков в приднепровские степи не отвечало интересам Киевского государства. В 1060 г. против них выступили князья Изяслав, Святослав, Всеволод и Всеслав. Под натиском русского войска торки были вынуждены покинуть приднепровские степи и выйти на северные границы Византийской империи [7, с. 27, 214]. Однако определенная часть торков осталась под властью кипчаков в районе р. Днепр.

На смену торкам пришли другие кочевники — кипчаки. К концу XI в. они заняли обширные территории южнорусских степей вплоть до Днестра. На Северном Кавказе было много пастбищ для круглогодичного разведения скота. Чтобы завоевать эти земли, кипчакские аристократы в середине XI в. усилили свои походы на запад. Но самое главное — кипчаки стремились завоевать донские и причерноморские степи. Завоевание этих территорий давало кипчакам контроль над водными торговыми путями (Волга — Дон — Днепр) и путь к Черному морю, а оттуда в Византию. Поскольку Византия была занята внутренними войнами, Византийская империя не могла помешать кипчакам продвигаться на запад в это время. Кроме того, византийцы были обеспокоены передвижениями сельджуков в Малой Азии. В 1061 г. кипчаки впервые столкнулись с русскими войсками в южнорусских степях, преследуя огузов. Уже в 1068 г. кипчакское войско под предводительством Шарукана разгромило отряды русских князей Изяслава, Всеволода и Святослава. Чтобы восстановить отношения с кипчаками, русские в 1068 г. женили сына князя Ярослава Мудрого Всеволода I (1030 — 1093) на дочери Шарукана (которая в крещении получила имя Анна). Этот брак положил начало династическому союзу между кипчаками и русскими. Расселение кипчаков в южнорусских степях началось с нижнего Дона, Донецка и Приазовья. В Приазовье кипчаки объединились с остатками племенных союзов печенегов и огузов. Уже в XI в. шари — сари — кипчаки объединили вокруг себя печенежские, огузские,

булгарские и аланские племена. Таким образом, в Европе возник новый крупный племенной союз под названием «половцы».

«Половец» происходит от древнерусского слова «полова», что означает «солома», «светло-желтый». Именно так кипчаков называли в Древней Руси. Откуда у кипчаков появилось прозвище «желтые»? Многие исследователи считают, что половцы были светловолосыми, голубоглазыми и произошли от динлинов, живших в Южной Сибири в I тыс. до н. э. Согласно китайским рукописям, они были светловолосыми. И среди кипчаков были такие. Однако их основная масса (с монголоидной примесью) была темноволосой и кареглазой. Поэтому то, что кипчаков называли желтыми, имело символический характер [10, с. 31, 35]. На основании многочисленных исследований ученые пришли к выводу, что антропологический облик кипчаков формировался на протяжении длительного времени в регионах Южной Сибири, Алтая, Казахстана и в южнорусских степях как результат смешения древнего европеоидного населения с монголоидными компонентами центральноазиатского происхождения.

Государство кипчаков, возникшее в южнорусских степях и названное персидскими авторами Дешт-и-Кипчаком (Кипчакская степь), включало в себя территорию Великой Степи от низовий Дуная до Иртыша и озера Балхаш. Оно также охватывало земли от Нижней Сырдарьи и Крыма до Булгарии. На юге его границы доходили до р. Талас, а на севере — до лесов Западной Сибири. В конце XI — XII вв. кипчаки-половцы заняли территории, расположенные вокруг Черного моря и на берегах Азовского моря [8, с. 28, 123]. Они также переселились в степи Предкавказья и Нижнего Поволжья и реки Джаик.

Группа кипчаков проживала вблизи нижней Волги. О ее присутствии в южнорусских степях свидетельствуют также многочисленные курганы, найденные археологами на территориях от Днестра до Волги.

Тюркологи обнаружили большое количество тюркских слов в древнерусском языке. Славянские и тюркские народы находились в тесном контакте на протяжении многих столетий, и, несомненно, эти два языка были переплетены. В половецких семьях проживало много людей, владеющих обоими языками.

На протяжении этого длительного периода история от Святополка до Мономаха, положение того или иного князя зависело не только от его военного и политического таланта, но, может быть, в еще большей степени от умения найти общий язык с жителями степи. Поэтому известно немало случаев браков между представителями княжеских родов русских и тюрок, длительные периоды мира и совместные походы. «Половецкие красавицы были матерями многих русских князей, в том числе Александра Невского», — отмечает Л. Н. Гумилев [4, с. 473].

Кипчакский язык к этому времени становится международным. В середине XII в. в степях появилось много русских деревень. Конечно, люди, живущие в этих деревнях, также могли говорить на двух языках. Контакты с развитыми феодальными государствами, окружавшими половецкие степи (Дешт-и-Кипчак), привели к переходу кипчаков к классовому обществу. Во второй половине XII в. в степях уже кочевали орды во главе с феодалами. Все они были заинтересованы во всесторонних отношениях с соседними странами, в основном с русскими княжествами.

Заключение

В ходе анализа этнической истории кипчаков мы пришли к выводу, что они связаны с различными племенами. Кипчаки имели связи с тюркскими племена-

ми кимаков, канглы, огузов и т. д. Тюркские племена кипчаков также активно участвовали в формировании ряда народов. Среди многочисленных тюркских этносов, на становление которых повлияли кипчаки, можно назвать казахов, киргизов, каракалпаков, туркмен, татар, башкир, алтайцев, а также народы Северного Кавказа (ногайцев, карачаевцев, балкарцев). Кипчакские этнические элементы также вошли в состав турок-османов, азербайджанцев, венгров и других народов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей, и сведения об их принадлежности // Живая старина. 1896. Вып. III — IV. С. 277 — 456.

2. Гейбуллаев Г. А. Топонимия Азербайджана: историко-этнографическое исследование. Баку: Элм, 1986. 198 с.

3. Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край: исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Ленинград: Комитет Монгольской Народной Республики, 1926. 896 с.

4. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. Москва: Мысль, 1989. 764 с.

5. Ибн Хордадбех. Книга пути и стран / перевод с арабского, комментарии, исследование, указатели и карты Н. Велихановой. Баку: Элм, 1986. 428 с.

6. Иоанн де Галонифонтибус. Книга познания мира // Apsnyteka: [сайт]. URL: http://apsnyteka.org/809galonifontibus_ioann_de_kniga_poznaniya_mira.html (дата обращения: 30.06.2025).

7. Комнина А. Алексиада. Москва: Наука, 1965. 688 с.

8. Кудряшов К. В. Половецкая степь: очерки исторической географии. Москва: Гос. изд-во географической литературы, 1948. 170 с.

9. Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 1288 с.

10. Плетнева С. А. Половцы. Москва: Наука, 1990. 208 с.

11. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. II. Ч. 1. Санкт-Петербург: Тип. Императ. АН, 1899. 1052 с.

12. Цянь Сыма. Исторические записки // library.lgaki.info: [сайт]. URL: http://library.lgaki.info:404/2019 20% (дата обращения: 30.06.2025).

13. Ширалиев М. Ш. Об актуальных задачах азербайджанского языкознания // Советская Тюркология. 1975. № 3. С. 3 — 6.

14. Bünyadov Z. Azərbaycan VII — IX əsrlərdə. Bakı: Şərq-Qərb, 2007. 424 p.

15. Rəcəbov Ə., Məmmədov Y. Orxan-Yenisey abidələri. Bakı: Yazıçı, 1993. 400 p.

16. Seyidova S. M. Türk xalqlarının etnogenizi (Orta Asiya, Qazaxıstan, Volqaboyu, Uralyanı və Sibirdə yaşayan türk xalqları). Bakı: Adiloğlu, 2002. 137 p.

17. Seyidova S. M. Qafqaz xalqları tarixi. Ali məktəblər üçün dərs vəsaiti. Bakı: ADPU-nun mətbəəsi, 2022. 457 p.

18. Süleymenov O. Az — ya. Bakı: Şərq-Qərb. 2007. 274 p.

REFERENCES

1. Aristov N. A. Notes on the ethnic composition of the Turkic tribes and nationalities, and information about their affiliation // Living Antiquity. 1896;III — IV:277 — 456. (In Russ.)

2. Geybullaev G. A. Toponymy of Azerbaijan. (historical and ethnographic research). Baku;1986:198. (In Russ.)

3. Grumm-Grzhimailo G. E. Western Mongolia and the Urianhai region: a historical sketch of these countries in connection with the history of Central Asia. Leningrad;1926:896. (In Russ.)

4. Gumilev L. N. Ancient Russia and the Great Steppe. Moscow;1989:764. (In Russ.)

5. Ibn Khordadbeh. The book of Paths and countries. Baku;1986:428. (In Russ.)

6. John de Galonifontibus. The Book of knowledge of the World // Apsnyteka: [website]. URL: http://apsnyteka.org/809galonifontibus_ioann_de_kniga_poznaniya_mira.html (reference date: 30.06.2025). (In Russ.)

7. Komnina A. Alexiada. Moscow;1965:688. (In Russ.)

8. Kudryashov K. V. Polovtsian steppe: essays on historical geography. Moscow;1948:170. (In Russ.)

9. Mahmud al-Kashgari. Divan Lugat at-Turk. Almaty;2005:1288. (In Russ.)

10. Pletneva S. A. Polovtsy. Moscow;1990:208. (In Russ.)

11. Radlov V. V. The experience of the dictionary of Turkic dialects. Vol. II. Part 1. St. Petersburg;1899:1052. (In Russ.)
12. Qian Sima. Historical notes // library.lgaki.info : [website]. URL: http://library.lgaki.info:404/2019 20% (reference date: 30.06.2025). (In Russ.)
13. Shiraliev M. Sh. On the urgent tasks of Azerbaijani linguistics // Soviet Turkology. 1975;3:3 — 6. (In Russ.)
14. Bünyadov Z. Azərbaycan 7th — 9th əsrlərdə. Bakı;2007:424. (In Azerbaijanian)
15. Rəcəbov Ə., Məmmədov Y. Orxan-Yenisey abidələri. Bakı;1993:400. (In Azerbaijanian)
16. Seyidova S. M. Türk xalqlarının etnogenizi (Orta Asiya, Qazaxıstan, Volqaboyu, Uralyanı və Sibirdə yaşayan türk xalqları). Bakı;2002:137. (In Azerbaijanian)
17. Seyidova S. M. Qafqaz xalqları tarixi. Ali məktəblər üçün dərs vəsaiti. Bakı;2022:457. (In Azerbaijanian)
18. Süleymenov O. Az — ya. Bakı;2007:274. (In Azerbaijanian)

Статья поступила в редакцию 20.09.2025;
одобрена после рецензирования 20.04.2026; принята к публикации 25.05.2026
Информация об авторе:
Сеидова Севиндж Мамед, профессор
Азербайджанского государственного педагогического университета
(1000, Азербайджан, г. Баку, ул. Узеира Гаджибекова, д. 34),
доктор исторических наук,
ORCID: https://orcid.org/0009-0003-8839-3506, seyidovasevinj7@gmail.com
Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 20.09.2025;
approved after reviewing 20.04.2026; accepted for publication 25.05.2026
Information about the author:
Sevinj M. Seyidova, Professor, Azerbaijan State Pedagogical University
(34, Uzeyir Hajibeyov str., Baku, 1000, Azerbaijan),
Doctor of Historical Sciences,
ORCID: https://orcid.org/0009-0003-8839-3506, seyidovasevinj7@gmail.com
Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакцие 20.09.2025 çитнĕ;
рецензиленĕ хыççăн 20.04.2026 ырланă; 25.05.2026 пичете йышăннă
Автор çинчен:
Сеидова Севиндж Мамед,
Азербайджан патшалăх педагогика
университечĕн профессорĕ
(1000, Азербайджан, Баку хули, Узеир Гаджибеков ур., д. 34-мĕш çурт),
истори ăслăлăхĕсен докторĕ,
ORCID: https://orcid.org/0009-0003-8839-3506, seyidovasevinj7@gmail.com
Пайталăх конфликчĕ: автор пайталăх конфликчĕ çуккине пĕлтерет.
Автор ал çырăвăн юлашки вариантне вуласа тухнă, ырланă.

УДК 394(470.344)”18/20”
ББК 63.52(2Рос.Чув)

Научная статья

ФУНКЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ЧУВАШСКОЙ СЕМЬИ: ТРАДИЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ

Е. В. Сергеева
Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары, Россия
evgenjaserg@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается трансформация функций чувашской семьи с XIX в. по настоящее время. Особое внимание уделяется полной семье. Несмотря на разнообразие этнографических трудов советского периода на эту тему, проблематика современной чувашской семьи недостаточно разработана, отсутствует материал и о ее актуальных функциях. Исследование строится на базе источников о функциях семьи советского периода и включает анализ динамики семьи, социализации детей, этнопедагогики, трансформации родственных связей, брачных обрядов, повседневной жизни, трудовой деятельности, досуга и традиций молодой семьи, а также этнодемографического развития чувашей. Чувашская семья традиционно имела патриархальный уклад. В XX в. изменились репродуктивная и экономическая функции, а материальные трудности повлияли на снижение рождаемости. Современная социализация детей включает передачу традиционных качеств (трудолюбие, послушание) и образование. Гендерные роли стираются, лидерство меняется, а часть функций переходит к другим институтам, что приводит людей к одиночеству. Семья сохраняет устойчивость благодаря эмоционально-психологической поддержке, стремлению к счастью, воспитанию детей и их защите от внешних угроз. Современная чувашская семья — сложный феномен, подверженный влиянию множества факторов. Изменения в семейной структуре и функциях влияют на социально-экономическое и культурное развитие чувашского этноса.

Ключевые слова: чуваши, чувашская семья, функции семьи, традиции

Для цитирования: Сергеева Е. В. Функции современной чувашской семьи: традиции и трансформации // Современная гуманитаристика. 2026. Т. 2. № 2. С. 56 — 71

© Сергеева Е. В., 2026

Scientific article

THE FUNCTIONS OF THE MODERN CHUVASH FAMILY: TRADITIONS AND TRANSFORMATIONS

E. V. Sergeeva
Chuvash State Institute of Humanities,
Cheboksary, Russia
evgenjaserg@yandex.ru

Abstract. The article examines the transformation of the functions of the Chuvash family from the 19th century to the present. Special attention is paid to the two-parent family. Despite the variety of ethnographic works on the Chuvash family during the Soviet period, the contemporary Chuvash family remains unsufficiently studied. There is also little research on the current functions of the Chuvash family. The research is based on sources concerning family functions of the Soviet period and includes an analysis of family dynamics, child socialization, ethnopedagogy, changes in kinship relations, marriage rituals, daily life, work, leisure and traditions of a young family, as well as the ethnodemographic development of the Chuvash people. The Chuvash family traditionally had a patriarchal structure. In the 20th century, reproductive

and economic functions changed, and financial difficulties contributed to declining birth rates. Modern socialization of children includes the transfer of traditional qualities (diligence, obedience) and education. Gender roles are becoming less distinct, leadership is changing, and some functions are being transferred to other institutions, which contributes social isolation. The family remains stable due to emotional and psychological support, the pursuit of happiness, the upbringing of children, and their protection from external threats. The modern Chuvash family is a complex phenomenon influenced by many factors. Changes in family structure and functions affect the socio-economic and cultural development of the Chuvash people.

Keywords: Chuvash, Chuvash family, family functions, traditions

For citation: Sergeeva E. V. The functions of the modern Chuvash family: traditions and transformations // Modern humanities. 2026;2(2):56 — 71

Ăслăлăх статйи

ХАЛЬХИ ЧĂВАШ ÇЕМЙИН ФУНКЦИЙĔСЕМ: ЙĂЛАНА КĔНĔ ЙĔРКЕСЕМ ТАТА УЛШĂНУСЕМ

Е. В. Сергеева
Чăваш патшалăх гуманитари ăслăлăхĕсен институчĕ,
Шупашкар хули, Раççей
evgenjaserg@yandex.ru

Аннотаци. Статьяра чăваш çемйин функцийĕсем XIX ĕмĕртен пуçласа хальхи вăхăтчен улшăнса пынине пăхса тухнă. Ытларах тулли çемьесене тимлĕх уйăрнă. Совет тапхăрĕнчи чăваш çемйи çинчен çырнă тĕрлĕ йышши этнографи ĕçĕ нумай, хальхи чăваш çемйине вара çителĕклĕ тĕпченĕ теме çук-ха. Чăваш çемйин паянхи актуаллă функцийĕсем çинчен калакан материал та çук. Тĕпчев совет тапхăрĕнчи чăваш çемйин функцийĕсем çинчен калакан çăлкуçсем çинче никĕсленет. Статьяра çемьери улшăнусен динамикине, ачасене обществăра пурăнма вĕрентнине, халăх педагогикине тишкернĕ, тăванлăх çыхăнăвĕсем, мăшăрлану йăли-йĕрки, кулленхи пурнăçпа ĕç йĕрки, çамрăк çемьери йăлана кĕнĕ йĕркесемпе пушă вăхăта ирттересси епле улшăннине, чăвашсен этнодемографи аталанăвне тишкернĕ. Чăваш çемйи авалтан патриархаллă йĕрке тытса пурăннă. XX ĕмĕрте унăн йăха тăсас тата пурлăхпа çыхăннă функцийĕсем улшăннă, пурлăх çителĕксĕр пулнипе ача çуратасси чакнă. Хальхи вăхăтра ачасене обществăра пурăнма вĕрентни йăлана кĕнĕ пахалăхсене (ĕçе юратни, аслисене итлени) хăнăхтарнипе тата пĕлӳ илме пулăшнипе палăрса тăрать. Арçынпа хĕрарăмăн çемьери вырăнĕ пĕрпекленсе пырать, çемье пуçĕ улшăннине курма пулать. Çемьен хăш-пĕр функцийĕсем обществăн урăх институчĕсене куçаççĕ, çавна пула пĕччен çынсен шучĕ ӳсет. Çемье çирĕплĕхĕ кăмăл-туйăм тата психологи тĕлĕшĕнчен тĕрев пуррипе, телейлĕ пулма, ачасене çитĕнтерес тата инкек-синкекрен хăтарма тăрăшнипе çыхăннă. Хальхи чăваш çемйи — нумай фактор витĕмĕнчен килекен кăткăс пулăм. Çемье тытăмĕнчи тата функцийĕсенчи улшăнусем чăваш этносĕн социаллă пурнăçĕпе экономикин тата культурин аталанăвне витĕм кӳреççĕ.

Тĕп сăмахсем: чăвашсем, чăваш çемйи, çемье функцийĕсем, йăлана кĕнĕ йĕркесем

Цитатăлама: Сергеева Е. В. Хальхи чăваш çемйин функцийĕсем: йăлана кĕнĕ йĕркесем тата улшăнусем // Хальхи гуманитаристика. 2026. 2 т. 2 №. С. 56 — 71

Введение

В гуманитарных науках феномен семьи неизменно вызывает повышенный интерес исследователей. Многообразие определений семьи, предлагаемых в рамках различных дисциплинарных подходов, подчеркивает сложность и многогранность данного социального института. Ни одно из существующих определений

не обладает достаточной полнотой для исчерпывающего раскрытия сущности семьи, что обусловлено ее динамической природой и функциональной вариативностью в различных социокультурных контекстах. Немаловажным является и изучение функций семьи — это определенные сферы жизнедеятельности, направленные на удовлетворение потребностей членов семьи.

Придерживаясь суждений советских и современных этнографов [4, с. 84 — 85; 18, с. 4], а также определений, данных в словарях[1], отметим, что семья — это социальная группа, члены которой состоят в браке и связаны родственными отношениями, общностью быта, ответственностью друг за друга и социальной необходимостью.

Цель статьи заключается в анализе традиционных функций семьи и рассмотрении их трансформаций. Хронологические рамки работы охватывают период с XIX в. по настоящее время. Нужно сразу оговориться, что в данной работе в большинстве случаев рассматриваются функции полной семьи, так как в неполной некоторые из них выполняются в иной форме, другие вовсе невыполнимы (например, репродуктивная) из-за отсутствия второго родителя. Исследователи также выделяют рекреативную (восстановление физических, психических и эмоциональных сил, поддержание здоровья, организация отдыха и досуга), эмоционально-психологическую (эмоциональный комфорт, психологическая поддержка, чувство безопасности и комфорта), социально-статусную (социальный статус членов семьи в обществе), сексуальную (сексуальное поведение), гедонистическую (удовлетворение потребности в физическом и психическом комфорте членов семьи), фелицитологическую (создание условий для счастья, гармонии и взаимопонимания каждого члена семьи), экзистенциальную (эмоционально-духовная защита членов семьи, защищенность, безопасность и ценность бытия) функции. Ввиду недостатка данных для их детального исследования, мы сосредоточились на изучении репродуктивной, воспитательной, хозяйственной и эмоциональной функций.

Актуальность изучения современной чувашской семьи обусловлена несколькими факторами. Во-первых, необходимо понять, как сохраняются традиционные ценности и нормы в условиях модернизации общества. Во-вторых, важно выявить особенности адаптации чувашской семьи к новым социально-экономическим реалиям. В-третьих, следует разработать научно обоснованные рекомендации для социальной политики, направленной на поддержку семьи и повышение рождаемости. Современная чувашская семья сталкивается с рядом вызовов, характерным для общероссийской и мировой тенденций. Это и рост числа разводов, и увеличение возраста вступления в брак, и распространение неформальных союзов, и изменение ролей супругов в семье. В работе предпринята попытка выявить всевозможные функции семьи, традиционные и современные, показать их сохранность и трансформацию.

В этнографической науке практически отсутствуют труды, касающиеся изучения функций современной чувашской семьи в указанных хронологических рамках, что создает значительный пробел в понимании динамично развивающегося социального института. Традиционные исследования, затрагивающие этно-

[1] Толковый словарь русского языка: официальный сайт. URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=28436 (дата обращения: 09.07.2025). Аналогичны определения понятия «семья» и в других энциклопедических, академических и толковых словарях.

графические аспекты и исторические особенности брака и семейных отношений, безусловно, ценны, однако не охватывают трансформации, происходящие под влиянием глобализации, урбанизации и социально-экономических изменений.

Материалы и методы

В процессе написания данной работы в качестве методологической основы были использованы фундаментальные теоретические исследования, посвященные анализу функций семьи. Эти изыскания, созданные в советский период, сохраняют свою научную значимость и актуальность в контексте современных исследований данной проблематики. Многие этнографы обращаются к их трудам и используют в написании работ [2; 3; 5; 10; 11; 23].

Следует отметить исследования предшественников, которые активно изучали семью и семейные традиции. Труды П. П. Фокина[2], В. П. Иванова[3], Н. П. Денисовой[4] и др.[5] были написаны в 70 — 80-х гг. XX в. и характеризовали семью с конца XIX в. по досоветский период.

К числу первых работ по данной теме относится труд «Семья у чувашей» В. П. Иванова и П. П. Фокина. В этом исследовании авторы анализируют социальные, этнические, демографические и бытовые аспекты функционирования семей среди чувашей в период с 1960-х по 1980-е гг. [18].

В статьях и монографиях Л. П. Шабалиной нашли многочисленные подтверждения мысли о динамических свойствах семьи, изменчивости ее быта, структуры, выполняемых функций народов Среднего Поволжья и конкретно Симбирского Поволжья, в том числе и чувашей [19; 37 — 40]. В сборнике конференции

---

[2] Фокин П. П. Брачная обрядность чувашей Самарской Луки (По материалам комплексной экспедиции ЧНИИ 1971 г.) // История и культура Чувашской АССР: сборник статей. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1972. Вып. 2. С. 344 — 356; Его же. Изучение семьи и брака чувашей (К историографии вопроса) // История и культура Чувашской АССР: сборник статей. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1972. Вып. 2. С. 205 — 227; Его же. Брак и семья чувашей Саратовского Правобережья // История и культура Чувашской АССР: сборник статей. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1975. Вып. 4. С. 295 — 315; Его же. Семья в современной чувашской деревне // История и этнография Чувашской АССР. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1976. С. 105 — 144. (Труды ЧНИИ; вып. 69); Его же. Чувашская сельская семья в конце XIX в. — 1980-е гг.: опыт историко-этнографического исследования: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. Чебоксары, 2002. 22 с. и др.

[3] Иванов В. П. О некоторых этнографических аспектах изучения современной городской семьи Чувашской АССР // Современные этнические процессы в Чувашской АССР. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1979. С. 29 — 43. (Труды ЧНИИ; вып. 94); Его же. Современная чувашская городская семья: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.07 / Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Москва, 1981. 22 с.; Его же. К вопросу об устойчивости некоторых религиозных обрядов в семейном быту горожан // Новые исследования по археологии и этнографии Чувашии: сборник статей. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1983. С. 121 — 153; Его же. Влияние миграции из села на демографические и этнические характеристики чувашских городских семей // Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в условиях развитого социализма: сборник статей. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1982. С. 100 — 124.

[4] Денисова Н. П. Семья в обычном праве чувашей // Вопросы материальной и духовной культуры чувашского народа: сборник статей. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1986. С. 112 — 143; Ее же. Чувашская крестьянская семья в первой половине XIX в. // Традиционное хозяйство и культура чувашей: сборник статей. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1988. С. 84 — 98.

[5] Жидкова С. К. Этнические установки сельских чувашей по поводу межнациональных браков // Статистико-этнографические исследования в Чувашской АССР: сборник статей. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1984. С. 137 — 141; Иванов Л. А. Современный быт и культура сельского чувашского населения: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.07 / Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Москва, 1970. 30 с.; Комарова Г. А. Об отношении современных чувашей к межнациональным бракам (По данным службы брачных объявлений Чебоксар) // Вопросы истории и этнографии города: сборник статей. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1988. С. 87 — 94.

«Современная семья и ее проблемы» в тезисной форме опубликованы выступления участников по актуальным вопросам семьи, касающихся правовых, психологических, педагогических и медицинских аспектов семейной жизни[6].

Статьи О. В. Егоровой [13; 15; 16] раскрывают социализирующую функцию чувашской семьи до начала XX в.[7] В работах Н. С. Волкович [6; 7], И. Г. Петрова [24], Е. В. Сергеевой [28][8] анализируются внутрисемейные отношения, брачная обрядность, косвенно касаясь репродуктивной функции. Труды В. П. Иванова [17] и Л. М. Пучковой (совм. с Е. М. Пучковой, О. Г. Васильевой) посвящены этнодемографической ситуации в Чувашии на рубеже XX — XXI вв. [25]. Работы Э. В. Сокольниковой[9], Р. Ф. Яковлевой [43; 44], К. В. Пушкиной [26][10] совместно с Н. В. Николаевой [27] посвящены исследованию воспитательной функции детей в семье и учебных заведениях с педагогической точки зрения, в них рассматривается роль родителей в формировании личности детей и т. д. Психология супружества изучена в статьях Л. А. Нижегородовой, Н. Н. Посысоева, Л. Б. Шнейдер[11]. Обзор функций семьи в социологии представлен в работах М. Н. Красновой [21][12], Е. Г. Шубниковой [41]. Как показал анализ, функции современной чувашской семьи рассматриваются с различных сторон, но пока не существует целостных исследований, посвященных этой проблеме с точки зрения этнографии.

Результаты исследования и их обсуждение

При изучении модели организации семейных отношений необходимо четко понимать разницу между понятиями «традиционная семья» и «современная семья». Традиционная семья в своей классической форме являет собой структуру, веками формировавшую социальные устои, где роли четко распределены: мужчина — кормилец и защитник, женщина — хранительница очага и воспита-

---

[6] Современная семья и ее проблемы: тезисы докладов и сообщений республиканской научно-практической конференции. Чебоксары: ЧГИГН, 1994. 208 с.

[7] Егорова О. В. Социализация девочек в чувашской деревне в середине XIX — начале XX вв. // Вопросы археологии и этнографии Чувашии: материалы чтений, посвященных памяти В. Ф. Каховского. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2000. С. 105 — 111; Ее же. Религиозно-нравственный аспект социализации детей в чувашской общине // Региональные особенности аграрных отношений в России: история и современность: Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная Году земледельца в Чувашской Республике / отв. ред. В. Г. Харитонова. Чебоксары: ЧКИРУК, ЧГИГН, 2010. Ч. 1. С. 245 — 254.

[8] Сергеева Е. В. Будни деревенского сообщества: среднее поколение // Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа: сборник статей / сост. и науч. ред. В. В. Никифорова. Чебоксары: ЧГИГН, 2022. Вып. 6. С. 85 — 112; Ее же. «Анормальная» категория людей традиционной чувашской общины // Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа: сборник статей / сост. и науч. ред. В. В. Никифорова. Чебоксары: ЧГИГН, 2024. Вып. 7. С. 97 — 113.

[9] Сокольникова Э. И. Этнопедагогика чувашской семьи: история, теория, практика (XIX — XX вв.): автореф. … дис. доктора пед. наук: 13.00.01 / Моск. гос. открытый пед. ун-т. Чебоксары, 1998. 44 с.

[10] Пушкина К. В. Этнопедагогический аспект гармонизации межличностных отношений супругов в современной молодой чувашской семье: дис. … канд. пед. наук: 13.00.01 / ЧГПУ. Чебоксары, 2000. 217 с.

[11] Нижегородова Л. А. Психология супружества: теория и практика: учебно-методическое пособие. Челябинск: РЕКПОЛ, 2009. С. 19; Посысоев Н. Н. Основы психологии семьи и семейного консультирования: учебное пособие. Москва: Владос-Пресс, 2004. 328 с.; Шнейдер Л. Б. Психология семейных отношений: курс лекций. Москва: ЭКСМО-ПРЕСС, 2000. 408 с.

[12] Краснова М. Н. Досуг молодой семьи (по результатам исследований в Чувашской Республике) // Сборник трудов молодых ученых Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2001. С. 152 — 157.

тельница детей. Эта модель подразумевает строгую иерархию, почитание старших и приоритет коллективных интересов над индивидуальными. Культурные и религиозные традиции играют в ней определяющую роль, создавая систему ценностей и норм поведения. В отличие от нее, современная семья представляет собой более гибкую и динамичную структуру, подверженную влиянию социокультурных изменений и индивидуальных предпочтений. Размываются гендерные роли, возрастает значение партнерских отношений и расширяется спектр возможных форм: семьи с одним родителем, пары, не желающие иметь детей, и др. Основной акцент в современной семье делается на личностном росте, самореализации и удовлетворении индивидуальных потребностей каждого члена. Современная семья адаптируется к вызовам нового времени, сохраняя при этом свою основную функцию — создание безопасного и поддерживающего пространства для развития и воспитания детей, основанного на любви, уважении и взаимопонимании [12][13].

Основные современные формы брака, наряду с юридически оформленным браком, включают в себя церковный (венчание), гражданский (сожительство, представляет собой совместное проживание и ведение хозяйства без официальной регистрации отношений), гостевой (предполагает раздельное проживание супругов при сохранении брачных отношений), фиктивный (официальная регистрация без наличия цели создать семью) и др.

Советские исследователи А. Г. Харчев и М. С. Мацковский [35, с. 35] в своей работе выделили шесть, на их взгляд, основных функций семьи, которые непосредственно связаны с жизнью и деятельностью: 1) воспроизводство непосредственной жизни; 2) хозяйственно-экономическая; 3) рекреативная (поддержание здоровья, организация досуга и отдыха); 4) коммуникативная; 5) воспитательная; 6) регулятивная. Похожую классификацию с некоторыми различиями дают и другие исследователи [2; 3; 5; 10; 23; 30][14].

В этнологии чаще всего выделяют четыре наиболее важные функции семьи: репродуктивную, воспитательную (социализация), хозяйственную, эмоциональную (регулирование сексуальных отношений). Кроме того, семья выполняет эмоциональную и психологическую функции, обеспечивая поддержку, заботу и защиту своих членов. Наконец, она реализует интегративную функцию, способствуя консолидации и укреплению социальной сплоченности. Это проявляется в формировании чувства принадлежности к определенной этнической группе, укреплении социальной идентичности и поддержании культурных традиций [10, с. 24 — 25].

В XIX в. одной из ключевых задач брака и единственным обоснованием сексуальных отношений было рождение и воспитание детей. Одной из главных функций семьи была и остается репродуктивная. Многодетность была характерной чертой крестьянской чувашской семьи. С раннего возраста дети включались в трудовую деятельность, компенсируя затраты на их воспитание. С возрастом количество детей увеличивалось, что приводило к росту числа работников в семье и, соответственно, повышению уровня благосостояния. В по-

[13] Матвеев Г. Б., Фокин П. П. Семья // Чувашская энциклопедия: в 4 т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. Т. 3: М — Се. С. 657 — 658.

[14] Нижегородова Л. А. Психология супружества: теория и практика. С. 19; Посысоев Н. Н. Основы психологии семьи и семейного консультирования; Шнейдер Л. Б. Психология семейных отношений.

жилом возрасте родители могли рассчитывать на поддержку своих детей, что являлось важным фактором социальной стабильности и экономического обеспечения в старости.

Статистические наблюдения за период с конца XIX по начало XXI в. убедительно показывают, что практически на всем протяжении веков население Чувашии устойчиво увеличивалось, т. е. рождаемость была стабильной, не считая военного времени и катаклизмов.

Важнейшим решением, влиявшим на уровень рождаемости во второй половине 1930-х гг., являлось постановление ЦИК СССР № 65 и СНК СССР № 1134 от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» [36, с. 143].

В годы войны демографическая ситуация в Чувашской АССР характеризовалась отрицательными тенденциями, в том числе и снижением уровня рождаемости почти в два раза. Если в 1940 г. родилось 38 996 младенцев, то уже к концу войны их число составило 13 290 детей [31, с. 85]. В 1989 г. был пик роста чувашского населения (в СССР 1959 г. — 1469,8 тыс., в 1970 г. — 1694,4 тыс., 1979 г. — 1751,4 тыс., 1989 г. — 1842,3 тыс.). С этого времени среди городских чувашей стали распространяться национально-смешанные браки, дети от которых в большинстве случаев принимали русскую национальность, что привело к уменьшению численности народа [17, с. 49 — 50].

На современном этапе уровень рождаемости формируется под влиянием комплекса экономических, социальных и нравственных факторов, таких как социально-экономический кризис, который оказывает существенное влияние на изменение репродуктивного поведения основной части населения; снижение уровня жизни большей части населения республики в годы экономического кризиса; политическая нестабильность; ухудшение брачно-семейных отношений. Например, в Чувашской Республике рождаемость увеличивалась с 2000 до 2015 г., с 2016 г. наблюдается снижение. На 1 января 2018 г. рождаемость составила 13,1 тыс. чел., что больше данного показателя 2000 г. на 0,7 тыс. чел. и меньше показателя 2017 г. на 0,8 тыс. чел. [25, с. 84]. На современном этапе также идет снижение рождаемости: по сравнению с 2019 г. (11 624 родившихся) в 2023 г. эта цифра снизилась и составила 9491 младенцев [32, с. 29].

Снижение рождаемости в Чувашии связано с изменениями в семье. В городах она утратила хозяйственное значение, и вклад детей в семейный бюджет стал менее значимым. Воспитание детей требует больших затрат, особенно на платное образование, что делает их содержание экономически невыгодным. Тем не менее репродуктивная функция семьи — основополагающая, определяющая будущее общества и обеспечивающая его воспроизводство. Эта функция является ключевой для сохранения и развития этноса, нации и человечества в целом. Стоит также подчеркнуть, что в наши дни благодаря современным методам репродуктивной медицины, таким как экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО), многие пары могут осуществить свою мечту о родительстве.

Следующей важной функцией семьи является первичная социализация детей, в процессе которой они усваивают нормы и ценности общества, где проживают. Этот процесс представляет собой сложную и многогранную проблему.

В чувашской общине социализация детей делилась на два этапа: протосоциализацию (до 3 лет) и социализацию (от 3 до 7 — 8 лет). Основное внимание уделялось физическому развитию на первом этапе. Родители, семья и община играли ключевую роль в социализации. К младенцам относились снисходительно, избегая наказаний. Важную роль играла детская субкультура через право, фольклор и игры. С раннего возраста начиналась гендерная социализация: девочек готовили к домашним обязанностям, мальчиков — к внесемейной деятельности. В бедных семьях дети нанимались на работу к зажиточным крестьянам. Двуязычие помогало интегрироваться в полиэтническую среду. Религиозно-нравственное воспитание прививало уважение к традициям и нормам поведения[15]. Родители несли ответственность за проступки детей перед общиной [13; 15].

С появлением дошкольных учреждений дети получали новые знания и формировали иную картину мира. В Чувашии первые ясли-сады появились в 1883 г. В 1901 г. в с. Исмелеи Чебоксарского уезда под руководством врача Д. А. Кушникова открыли ясли-приют, где кормили детей за небольшую плату. Однако работа сталкивалась с нехваткой игрушек и непониманием родителей. Более успешным был приют-ясли в с. Алексеевское Чебоксарского уезда (1905), где детям устраивали прогулки и читали сказки. После Октябрьской революции дошкольное образование стало бесплатным и общедоступным [16].

Послевоенное время дошкольные учреждения восстанавливались. В 1970 — 1980-е гг. система дошкольного образования в Чувашии достигла своего расцвета. Детские сады стали неотъемлемой частью социальной инфраструктуры, обеспечивая уход и воспитание детей, позволяя родителям полноценно участвовать в трудовой деятельности. С начала 1990-х гг. в связи с экономическими и политическими изменениями система дошкольного образования столкнулась с рядом проблем. Сокращение финансирования, закрытие ряда учреждений, отток квалифицированных кадров — все это негативно сказалось на качестве и доступности дошкольного образования. Однако, несмотря на трудности, система выстояла и постепенно начала восстанавливаться. В период с 2000 по 2025 г. в Чувашии наблюдается тенденция к модернизации системы дошкольного образования: детсады становятся не только местом присмотра и ухода за детьми, но и центрами развития и социализации[16].

В этнографическом контексте чувашская семья играет ключевую роль в социализации, передавая знания, навыки, этническую идентичность и уважение к традициям через обряды, язык, искусство, предания и семейные истории. Однако влияние цифровой среды создает риски дезинформации, требуя от семьи обучения детей критическому мышлению и ответственному использованию технологий. Изменение гендерных ролей, включая участие женщин в труде и стремление к равенству, также влияет на социализацию, требуя воспитания детей в духе равноправия и сотрудничества.

Можно констатировать, что следующая функция является логическим продолжением предыдущей — это формирование этнокультурных традиций у подрастающего поколения, приобщение детей к народной культуре. В этом первоо-

[15] Егорова О. В. Социализация девочек в чувашской деревне в середине XIX — начале XX вв. С. 105 — 111; Ее же. Религиозно-нравственный аспект социализации детей в чувашской общине. С. 245 — 254.

[16] Ефимов Л. А. Школьное образование в Чувашии в 1920 — 2000 гг.: автореф. дис. … доктора ист. наук: 07.00.02 / Морд. гос. ун-т им. Н. П. Огарева. Саранск, 2004. 43 с.

чередную роль играет семья. Формирование этнокультурных традиций у детей начинается дома. Родители передают детям свои привычки, отношение к жизни и навыки ремесел, таких как ткачество или резьба по дереву. Это развивает творческие способности детей и укрепляет связь с культурой предков. Дети также узнают о чувашской культуре через сказки, фольклор, музыкальные инструменты и национальные костюмы. Некоторые современные чувашские семьи празднуют *Сурхури*, *Çăварни*, *Акатуй*. Дети участвуют в них, знакомятся с народной культурой. Но в современных чувашских семьях существует риск утраты традиционных культурных ценностей. В настоящее время в некоторых семьях, где оба родителя чуваши, дети не понимают родного языка и не умеют говорить на нем. Язык является одной из основ для сохранения культуры [1]. В селах с полиэтническим населением вероятность исчезновения родного языка увеличивается. Так, в д. Тренькино проживают чуваши, марийцы, татары, русские. Вместе с тем в школе каждый год проводится День чувашского языка[17].

Одним из способов приобщения детей к народной культуре является программа популяризации культурных мероприятий среди молодежи «Пушкинская карта». По ней в Чебоксарах можно посетить множество культурных мест. Среди них отметим Чувашский национальный музей и Музей чувашской вышивки, позволяющие прикоснуться к древней чувашской культуре. Здесь проводятся мастер-классы по вышивке и изготовлению чувашских украшений, фотосессии в национальных костюмах и др. Также по «Пушкинской карте» можно посетить всевозможные театры, где показывают постановки чувашских сказок [33].

Приобщение детей к народной культуре происходит и в деревнях. Во время экспедиции в чувашские деревни Звениговского муниципального района Республики Марий Эл исследователи стали свидетелями интересного события. В д. Чуваш-Отары местные жители продемонстрировали реконструкцию чувашских обрядов (хождение молодушки за водой *шыв çулĕ уçни*, обряд вызывания дождя *çумăр чӳк*), в которых активно участвовали дети[18]. В сельских школах еще заметны попытки передать детям знания о народной культуре. Например, в Ильинской СОШ (д. Тренькино Моргаушского муниципального образования Чувашской Республики) регулярно проводятся занятия, где учителя рассказывают ученикам о чувашском народе и традиционных праздниках. Также вместе с детьми они принимают участие в различных фестивалях с реконструкцией какого-либо обряда[19].

В век информационных технологий подрастающее поколение проводит много времени в интернете. На различных платформах можно увидеть видеоролики о традиционной чувашской культуре. В распространении этой информации большую роль играют блогеры, рассказывающие о чувашской культуре, пробуждающие неподдельный интерес к самобытному наследию народа: от древних обрядов и народных песен до традиционной вышивки и национальной кухни на чувашском языке. Таковыми можно назвать Константина Доброхотова[20], Элтияра

[17] Полевые материалы автора (ПМА), 2023. Чувашская Республика, Моргаушский муниципальный округ, д. Тренькино.

[18] ПМА, 2022. Республика Марий Эл, Звениговский муниципальный район, д. Чуваш-Отары.

[19] ПМА, 2023. Чувашская Республика, Моргаушский муниципальный округ, д. Тренькино.

[20] Чăваш ТВ: блог. URL: https://vk.com/chavashtv?ysclid=mfzennddta135963388 (дата обращения: 25.09.2025).

Александрова[21] и др. Отличительной чертой чувашской блогосферы выступает чувашский язык, который используется сетевыми авторами для демонстрации этнокультурной идентичности [8; 9; 42].

Хозяйственная функция чувашской семьи, будучи неотъемлемой частью традиционного уклада, определяла не только материальное благосостояние, но и социальную структуру общества. Чувашская семья была основной экономической единицей, где каждый вносил свой вклад. Чуваши традиционно занимались земледелием, животноводством и ремеслами. Женщины занимались прополкой, сбором урожая и ткачеством, мужчины — пахотой, животноводством и изготовлением утвари. Приготовление пищи было женской обязанностью. Кухня включала зерновые, картофель, мясо и молочные продукты [28]. С течением времени хозяйственно-бытовая функция чувашской семьи претерпевала изменения под влиянием внешних факторов[22].

В 1920-е гг. чувашское крестьянство пережило радикальные перемены из-за политики государства. Политика «военного коммунизма» сменилась НЭПом, затем к концу десятилетия началась коллективизация, коренным образом изменившая уклад жизни чувашской деревни. Несмотря на разрушение традиционных форм земледелия, семья продолжала заниматься огородничеством и животноводством для личного потребления. В 1960 — 1980-е гг. с развитием промышленности и урбанизацией начался отток населения из деревень. Молодежь уезжала в города, на селе оставались в основном люди средней и старшей возрастной групп. В постсоветский период сельское хозяйство переживало кризис, но часть крестьян адаптировалась и создала фермерские хозяйства, производящие продукцию для собственного потребления и дохода [34].

Если в прошлом чувашская семья обеспечивала сама себя продуктами питания, одеждой и другими необходимыми предметами быта, то в настоящее время люди предпочитают приобретать товары и услуги на рынке, а не производить их самостоятельно. Это связано с ростом доходов, доступностью товаров и услуг, а также с изменением образа жизни и ценностных ориентаций. Однако элементы традиционного хозяйствования сохраняются в сельских районах, где многие семьи продолжают заниматься земледелием, животноводством и пчеловодством. Но даже в этих случаях хозяйственная деятельность семьи все больше ориентируется на получение прибыли и участие в рыночных отношениях [32, с. 205].

Нужно также отметить, что в настоящее время хозяйственная функция объединилась с экономической — стала хозяйственно-экономической. Сегодня четкое разделение труда по половому и возрастному признакам становится менее жестким, и все больше членов семьи, включая женщин и детей, участвуют в хозяйственной деятельности. Влияние оказывает и миграция, когда члены семьи работают за пределами Чувашии, пересылая деньги домой. Это меняет структуру доходов и потребительские привычки семьи. В последние десятилетия наблюдается тенденция к увеличению экономической самостоятельности женщин в чувашских семьях. Получение образования и профессиональная занятость позволяют женщинам вносить существенный вклад в семейный бюджет и активно участвовать в принятии экономических решений. Таким образом, изучение этой

[21] Чăваш халăхĕ çинчен = Блог о чувашской культуре. URL: https://vk.com/alexei_alexandrov (дата обращения: 25.09.2025).

[22] Сергеева Е. В. Будни деревенского сообщества: среднее поколение. С. 93 — 103.

функции позволяет лучше понять особенности социально-экономического развития чувашской семьи и ее перспективы в этой сфере.

В традиционном чувашском обществе брак выполнял функцию регулирования сексуальности. В XIX — начале XX в. добрачные сексуальные отношения осуждались. Потеря девственности и внебрачная беременность считались тяжким грехом. Уличенные молодые люди подвергались общественному порицанию: парень терял право на женитьбу, а девушка становилась изгоем. Забеременевшая или родившая девушка испытывала позор, осуждение и тяжелую работу. Однако в некоторых селениях такие связи могли быть терпимыми, а родившая девушка ценилась за способность к продолжению рода [24, с. 144 — 145][23].

На рубеже XIX — XX вв. внебрачные дети составляли мизерный процент от рожденных. Так, по данным Чебоксарского уезда за 1885 г., в 20 приходах было 2928 рождений, в том числе законнорожденных — 2881, незаконнорожденных — 46. Число незаконнорожденных составляло 1,2 % всех рождений [14, с. 48]. В 1990-х — первой половине 2000-х гг. в Чувашии наблюдался рост доли внебрачных рождений. За период с 1990 по 2005 г. их доля увеличилась с 10,8 % до 25,7 %; в городской местности — с 11,7 % до 27,4 %, в сельской — с 9,4 % до 23,0 %. Со второй половины 2000-х гг. доля внебрачных рождений в республике стала снижаться, составив 20,1 % в 2013 (в городской местности — 19,3 %, в сельской — 21,3 %), 19,7 % в 2021 г. (соответственно 18,6 % и 22,3 %)[24]. В последние годы наблюдается повышение рождаемости внебрачных детей в городе (в 2023 г. составило 19,4 %) [32, с. 30].

Функции современной чувашской семьи изменились. Помимо традиционных, появились новые: рекреативная (отдых и забота о здоровье), эмоционально-психологическая (поддержка и любовь), социально-статусная (принадлежность к обществу), сексуально-гедонистическая (удовлетворение потребностей), фелицитологическая (счастье и гармония), экзистенциальная (помощь в трудных ситуациях), экономическая (материальное благополучие) и функция безопасности (защита от угроз).

Если раньше рекреативная функция чувашей проявлялась в совместном проведении досуга, участии в народных праздниках и обрядах, передаче культурного наследия из поколения в поколение, то сейчас это посещение различных концертов, кино- и кукольных театров, гастрольных цирковых представлений, зоопарков, аквапарков, ресторанов и кафе, совместный отпуск. Встречи в кафе и ресторанах создали серьезную угрозу такой форме семейного досуга, как хождение в гости и прием гостей в своем доме[25].

Кроме того, в Чувашии появляются досуговые центры не только для детей, молодежи и средней возрастной группы, но и для старшего поколения. Так, в августе 2021 г. в Чебоксарах открылся «Мой социальный центр», где людям пожилого возраста доступны многие виды деятельности. Например, можно заняться лечебной физкультурой, гимнастикой и танцами. Здесь предусмотрены места для психологической разгрузки, настольных игр, творческих занятий, а также медиапространство для освоения навыков пользования компьютером[26].

---

[23] Сергеева Е. В. «Анормальная» категория людей традиционной чувашской общины. С. 104.

[24] Архипов Ю. Р. Внебрачная рождаемость // Чувашская энциклопедия. Т. 1. С. 325.

[25] Краснова М. Н. Досуг молодой семьи (по результатам исследований в Чувашской Республике). С. 152 — 157.

[26] «Мой социальный центр» предлагает старшему поколению новый уровень досуга // Советская Чувашия: [сайт]. URL: http://sovch.chuvashia.com/?p=240312 (дата обращения: 20.05.2025).

Заключение

Функции чувашской семьи изменились во второй половине XIX — первой четверти XXI в. В XX в. разделились репродуктивная и сексуальная функции, снизился уровень рождаемости из-за экономических проблем. Современная семья акцентирует внимание на образовании детей и таких качествах, как трудолюбие и уважение к старшим. Наблюдается стирание гендерных ролей, в результате чего меняется лидерство в семье. Дети рано начинают работать и покидают семью, ослабляя родительский контроль. Часть семейных функций берут на себя другие институты, что приводит к одиночеству. Коллективизация сократила хозяйственную функцию сельской семьи, но в последние годы она снова важна для материального благополучия. Эмоционально-психологическая функция обеспечивает комфорт и поддержку, а фелицитологическая — стремление к счастью. Экзистенциальная функция гарантирует выживание и развитие, а функция безопасности защищает от угроз. Все эти функции поддерживают устойчивость чувашской семьи на современном этапе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алос-и-Фонт Э. Исследование языковой ситуации в Чувашской Республике. Чебоксары: ЧГИГН, 2015. 321 с.

2. Антонов А. И. Социология семьи. Москва: МГУ, 1996. 304 с.

3. Антонов А. И. Микросоциология семьи. Москва: ИНФРА, 2005. 368 с.

4. Бромлей Ю. В., Кашуба М. С. Брак и семья у народов Югославии: Опыт историко-этнографического исследования. Москва: Наука, 1982. 237 с.

5. Васильева Э. К. Семья и ее функции (демографо-статистический анализ). Москва: Статистика, 1975. 181 с.

6. Волкович Н. С. Трансформация предсвадебных обрядов перехода невесты-чувашки в чужой род. Санкт-Петербург: Лема, 2024. 270 с.

7. Волкович Н. С. Трансформация родственных связей в чувашской семье // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 160. № 3. С. 676 — 687.

8. Гаврилов А. Д. Чувашские этноблогеры как субъекты медиасреды: языковые практики самопрезентации // Язык и слово: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, 23 ноября 2023 г.). Чебоксары: ЧГУ им. И. Н. Ульянова, 2023. С. 153 — 157.

9. Гаврилов А. Д. Чувашский этноблогинг как коммуникативный феномен: билингвальный и транскультурный аспекты // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 3. С. 588 — 600.

10. Ганцкая О. А. Семья: структура, функции, типы // Этнографическое обозрение. 1984. № 6. С. 16 — 28.

11. Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. Санкт-Петербург: Петрополис, 1998. 272 с.

12. Гурджиян М. В. Кризис семьи в современной России и пути его преодоления // Общество: философия, история, культура. 2017. № 1. С. 59 — 62.

13. Егорова О. В. Гендерная социализация детей в традиционной чувашской семье // Социальная педагогика: проблемы социализации детства: материалы международной научно-практической конференции. Саратов: Наука, 2007. С. 100 — 108.

14. Егорова О. В. Внебрачный ребенок в чувашской общине: морально-нравственный аспект // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4 — 1 (60). С. 46 — 49.

15. Егорова О. В. Образ бабушки в традиционной культуре чувашей // Женская гендерная история Отечества X — XXI вв.: новые проблемы и перспективы: материалы международной практической конференции / отв. ред. Н. Л. Пушкарева. Москва: ИЭА РАН, 2009. С. 16 — 17.

16. Егорова О. В. Организация дошкольного образования в Чувашии // Вестник чувашского университета. 2013. № 4. С. 10—13.

17. Иванов В. П. Этнодемографическое развитие чувашского народа в XX — начале XXI века: особенности и проблемы // Исторический опыт нациестроительства и развития национальной государственности чувашского народа: материалы Всероссийской научно-практической конференции / сост. и отв. ред. Ю. В. Гусаров, В. Н. Клементьев. Чебоксары: ЧГИГН, 2020. С. 47— 56.

18. Иванов В. П., Фокин П. П. Семья у чувашей. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1991. 100 с.

19. Идиатуллов А. К. Шабалина Любовь Петровна — основоположник этнографической школы в Ульяновской области // Университетское гуманитарное образование в России: к 70-летию со дня рождения профессора А. В. Арсентьевой: материалы Международной научно-практической конференции / редкол. О. Н. Широков и др. Чебоксары: Среда, 2024. С. 103 — 107.

20. Коршунова Н. М. Роль традиционных ценностей в современной чувашской семье // Языки, культуры, этносы. Формирование языковой картины мира: филологический и методический аспекты: сборник научных статей по материалам XVI Международной научно-практической конференции / под ред. Е. В. Романовой. Йошкар-Ола: Марийск. гос. ун-т, 2025. С. 255 — 258.

21. Краснова М. Н. Молодая семья в Чувашской Республике в условиях модернизации // Проблемы модернизации России: история и современность: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. А. П. Карпов. Чебоксары: Изд-во ЧГУ, 2011. С. 102 — 107.

22. Мастер-классы // Чувашский национальный музей: [сайт]. URL: https://chnmuseum.ru/events-category/master-classes/ (дата обращения: 25.09.2025).

23. Мацковский М. С. Социология семьи: проблемные теории, методология и методика. Москва: Наука, 1989. 116 с.

24. Петров И. Г. Брачная ночь и оповещение о невинности невесты в свадебной обрядности чувашей // Чувашский гуманитарный вестник. 2016. № 11. С. 143 — 158.

25. Пучкова Л. М., Пучкова Е. М., Васильева О. Г. Современная демографическая ситуация в Чувашии: социально-экономический аспект // Вестник Российского университета кооперации. 2019. № 4 (38). С. 82 — 86.

26. Пушкина К. В. Чувашские пословицы и поговорки — этнопедагогическое средство приобщения к традиционным семейным ценностям // Развитие образования. 2023. Т. 6. № 4. С. 43 — 52.

27. Пушкина К. В., Николаева Н. В. Традиции воспитания в современной чувашской семье // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 55 (6). С. 161 — 168.

28. Сергеева Е. В. Трудовые будни чувашской женщины // Семейное, женское, повседневное в историко-антропологическом измерении: материалы XVI Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН / отв. ред. Н. Л. Пушкарева; сост. А. И. Громова, А. В. Жидченко: в 2 ч. Ч. 1. Москва: ИЭА РАН, 2023. С. 406 — 408.

29. Социокультурная эволюция регионов России: Чувашская Республика / под ред. И. И. Бойко, В. Г. Харитоновой. Чебоксары: ЧГИГН, 2015. 242 с.

30. Социология семьи / под ред. А. И. Антонова. Москва: Инфра-М, 2005. 640 с.

31. Статистика Чувашии в годы Великой Отечественной войны // Чувашстат: [сайт]. URL: https://21.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Статистика%20Чувашии%20в%20годы%20ВОВ.pdf (дата обращения: 12.05.2025).

32. Статистический ежегодник Чувашской Республики // Чувашстат: [сайт]. URL: https://21.rosstat.gov.ru/official_publications (дата обращения: 12.05.2025).

33. Учреждения культуры России — Участники программы Пушкинская карта // Пушкинская карта: [сайт]. URL: https://пушка.рф/institutes-catalog/chuvashskaya-respublika-cheboksary (дата обращения: 25.09.2025).

34. Харитонова В. Г. Крестьянство Чувашии: хозяйство, социальное развитие и повседневный быт (1946 — 1990 гг.). Чебоксары: ЧГИГН, 2017. 282 с.

35. Харчев А. Г., Мацковский М. С. Современная семья и ее проблемы. Москва: Финансы и статистика, 1978. 224 с.

36. Чернышева Н. В. Демографическая ситуация в Чувашской АССР в предвоенные годы (1939 — 1940) // Вестник Чувашского университета. 2022. № 2. С. 141 — 150.

37. Шабалина Л. П. Структура и быт семьи народов Среднего Поволжья. Ульяновск: УлГПУ, 1997. 191 с.

38. Шабалина Л. П. Динамика межнациональных браков и семей в Ульяновском Поволжье // Вестник Ульяновского государственного педагогического университета. 2008. Вып. 4. С. 104 — 107.

39. Шабалина Л. П. Семья Симбирского Поволжья конца XIX — начала XX вв. Ульяновск: УлГПУ, 2001. 115 с.

40. Шабалина Л. П. Современная семья народов Среднего Поволжья: традиции и новации, этнические взаимовлияния. Ульяновск: УлГТУ, 2002. 322 с.

41. Шубникова Е. Г. Молодая семья в Чувашской Республике: традиции и современное состояние // Этнопедагогика как фактор сохранения российской идентичности: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения ака-

демика Г. Н. Волкова / ред. колл. Т. Н. Петрова. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т им. И. Я. Яковлева, 2017. С. 120 — 124.

42. Ягафова Е. А. Чувашский этноблогинг: практики репрезентации этничности в киберпространстве // Вестник антропологии. 2025. № 2. С. 187 — 206.

43. Яковлева Р. Ф. Трансляция этнических ценностей традиционной культуры воспитания в чувашской семье // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2011. № 2. С. 173 — 178.

44. Яковлева Р. Ф. Востребованность традиционных этнических ценностей в современной жизни // Человек в мире культуры. 2016. № 2. С. 104 — 106.

REFERENCES

1. Alos-i-Font E. A study of the linguistic situation in the Chuvash Republic. Cheboksary;2015:321. (In Russ.)

2. Antonov A. I. Sociology of the family. Moscow;1996:304. (In Russ.)

3. Antonov A. I. Microsociology of the family. Moscow;2005:368. (In Russ.)

4. Bromley Yu. V., Kashuba M. S. Marriage and family among the peoples of Yugoslavia: The experience of historical and ethnographic research. Moscow;1982:237. (In Russ.)

5. Vasilyeva E. K. The family and its functions (demographic and statistical analysis). Moscow;1975:181. (In Russ.)

6. Volkovich N. S. Transformation of the pre-wedding rites of the Chuvash bride's transition into a foreign family. St. Petersburg;2024:270. (In Russ.)

7. Volkovich N. S. Transformation of family ties in the Chuvash family // Scientific notes of Kazan University. Series: Humanities. 2018;160(3):676 — 687. (In Russ.)

8. Gavrilov A. D. Chuvash ethnobloggers as subjects of the media environment: linguistic practices of self-presentation // Language and word: collection of articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Cheboksary;2023:153 — 157. (In Russ.)

9. Gavrilov A. D. Chuvash ethnoblogging as a communicative phenomenon: bilingual and transcultural aspects // Polylingualism and transcultural practices. 2025;22(3):588 — 600. (In Russ.)

10. Gantskaya O. A. Family: structure, functions, types // Ethnographic review. 1984;6:16 — 28. (In Russ.)

11. Golod S. I. Family and marriage: a historical and sociological analysis. St. Petersburg;1998:272. (In Russ.)

12. Gurdjieff M. V. The family crisis in modern Russia and ways to overcome it. // Society: philosophy, history, culture. 2017;1:59 — 62. (In Russ.)

13. Egorova O. V. Gender socialization of children in the traditional Chuvash family // Social pedagogy: problems of childhood socialization: proceedings of the international scientific and practical conference. Saratov;2007:100 — 108. (In Russ.)

14. Egorova O. V. Illegitimate child in the Chuvash community: moral aspect // Proceedings of the Altai State University. 2008;4:46 — 49. (In Russ.)

15. Egorova O. V. The image of a grandmother in the traditional culture of the Chuvash // Women's gender history of the Fatherland of the 10th — 21th centuries: new problems and prospects: materials of an international practical conference. Moscow;2009:16 — 17. (In Russ.)

16. Egorova O. V. Organization of preschool education in Chuvashia // Bulletin of the Chuvash University. 2013;4:10 — 13. (In Russ.)

17. Ivanov V. P. Ethnodemographic development of the Chuvash people in the 20th — beginning of the 21th century: features and problems // Historical experience of nation-building and development of national statehood of the Chuvash people: materials of the All-Russian scientific and practical conference. Cheboksary;2020:47 — 56. (In Russ.)

18. Ivanov V. P., Fokin P. P. The family of the Chuvash. Cheboksary;1991:100. (In Russ.)

19. Idiatullov A. K. Shabalina Lyubov Petrovna — the founder of the ethnographic school in the Ulyanovsk region: proceedings of the conference // University humanitarian education in Russia: on the 70th anniversary of the birth of Professor A. V. Arsentieva: proceedings of the International scientific and Practical Conference. Cheboksary;2024:103 — 107. (In Russ.)

20. Korshunova N. M. The role of traditional values in the modern Chuvash family // Languages, cultures, ethnic groups. Formation of the linguistic picture of the world: philological and methodological aspects: a collection of scientific articles based on the materials of the 16th International Scientific and Practical Conference. Yoshkar-Ola;2025:255 — 258. (In Russ.)

21. Krasnova M. N. A young family in the Chuvash Republic in the context of modernization // Problems of modernization in Russia: history and modernity. Collection of articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Cheboksary;2011:102 — 107. (In Russ.)

22. Master classes // Chuvash National Museum: [website]. URL: https://chnmuseum.ru/events-category/master-classes/ (reference date: 25.09.2025). (In Russ.)

23. Matskovsky M. S. Sociology of the family: problematic theories, methodology and methodology. Moscow;1989:116. (In Russ.)

24. Petrov I. G. Wedding night and notification of the bride's innocence in the wedding ceremony of the Chuvash // Chuvash Humanitarian Bulletin. 2016;11:143 — 158. (In Russ.)

25. Puchkova L. M., Puchkova E. M., Vasilyeva O. G. The current demographic situation in Chuvashia: socio-economic aspect // Bulletin of the Russian University of Cooperation. 2019;4(38): 82 — 86. (In Russ.)

26. Pushkina K. V. Chuvash proverbs and sayings are an ethnopedagogic means of introducing traditional family values // Development of education. 2023;6(4):43 — 52. (In Russ.)

27. Pushkina K. V., Nikolaeva N. V. Traditions of upbringing in the modern Chuvash family // Problems of modern pedagogical education. 2017;55(6):161 — 168. (In Russ.)

28. Sergeeva E. V. The workdays of a Chuvash woman // Family, women's, everyday in the historical and anthropological dimension. Materials of the XVI International Scientific Conference of the Russian Academy of Natural Sciences and the IEA RAS. Part 1. Moscow;2023:406 — 408. (In Russ.)

29. Socio-cultural evolution of Russian regions: The Chuvash Republic. Cheboksary;2015:242. (In Russ.)

30. Sociology of the family. Moscow;2005:640. (In Russ.)

31. Statistics of Chuvashia during the Great Patriotic War // Chuvashstat: [website]. URL: https://21.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Statistics %20CHUVASHII%20v%20god%20V.pdf (reference date: 05.12.2025). (In Russ.)

32. Statistical Yearbook of the Chuvash Republic // Chuvashstat: [website]. URL: https://21.rosstat.gov.ru/official_publications (reference date: 05.12.2025). (In Russ.)

33. Cultural institutions of Russia — Participants of the Pushkin Map program // Pushkin map: [website]. URL: https://пушка .Russian Federation/institutes-catalog/chuvashskaya-respublika-cheboksary (reference date: 25.09.2025). (In Russ.)

34. Kharitonova V. G. The peasantry of Chuvashia: agriculture, social development and everyday life (1946 — 1990). Cheboksary;2017:282. (In Russ.)

35. Kharchev A. G., Matskovsky M. S. Modern family and its problems. Moscow;1978:224. (In Russ.)

36. Chernysheva N. V. Demographic situation in the Chuvash ASSR in the pre-war years (1939 — 1940) // Bulletin of the Chuvash University. 2022;2:141 — 150. (In Russ.)

37. Shabalina L. P. The structure and way of life of the family of the peoples of the Middle Volga region. Ulyanovsk;1997:191. (In Russ.)

38. Shabalina L. P. Dynamics of interethnic marriages and families in the Ulyanovsk Volga region // Bulletin of the Ulyanovsk State Pedagogical University. 2008;4:104 — 107. (In Russ.)

39. Shabalina L. P. The family of the Simbirsk Volga region of the late 19th — early 20th centuries. Ulyanovsk;2001:115. (In Russ.)

40. Shabalina L. P. The modern family of the peoples of the Middle Volga region: traditions and innovations, ethnic interactions. Ulyanovsk;2002:322. (In Russ.)

41. Shubnikova E. G. A young family in the Chuvash Republic: traditions and current state // Ethnopedagogy as a factor in preserving Russian identity. Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of Academician G. N. Volkov. I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University. 2017:120 — 124. (In Russ.)

42. Yagafova E. A. Chuvash ethnoblogging: practices of ethnicity representation in cyberspace // Bulletin of Anthropology. 2025;2:187 — 206. (In Russ.)

43. Yakovleva R. F. Translation of ethnic values of traditional culture of upbringing in the Chuvash family // Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta. Pedagogical sciences. 2011;2:173 — 178. (In Russ.)

44. Yakovleva R. F. The relevance of traditional ethnic values in modern life // Man in the world of culture. 2016;2:104 — 106. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.01.2026;
одобрена после рецензирования 20.04.2026; принята к публикации 25.05.2026
Информация об авторе:
Сергеева Евгения Валерьевна, научный сотрудник
Чувашского государственного института гуманитарных наук
(428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1),
кандидат исторических наук,
ORCID: https://orcid.org/0009-0007-2096-6514, evgenjaserg@yandex.ru
Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 12.01.2026;
approved after reviewing 20.04.2026; accepted for publication 25.05.2026
Information about the author:
Evgeniya V. Sergeeva, researcher at the Chuvash State Institute of Humanities
(29/1, Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia),
Candidate of Historical Sciences,
ORCID: https://orcid.org/0009-0007-2096-6514, evgenjaserg@yandex.ru
Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакцие 12.01.2026 çитнĕ;
рецензиленĕ хыççăн 20.04.2026 ырланă; 25.05.2026 пичете йышăннă
Автор çинчен:
Сергеева Евгения Валерьевна, Чăваш патшалăх гуманитари
ăслăлăхĕсен институчĕн ăслăлăх ĕçтешĕ
(428015, Раççей, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.),
истори ăслăлăхĕсен кандидачĕ,
ORCID: https://orcid.org/0009-0007-2096-6514, evgenjaserg@yandex.ru
Пайталăх конфликчĕ: автор пайталăх конфликчĕ çуккине пĕлтерет.
Автор ал çырăвăн юлашки вариантне вуласа тухнă, ырланă.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PHILOLOGICAL SCIENCES / ФИЛОЛОГИ ĂСЛĂЛĂХĔСЕМ

УДК 811.512.111
ББК 81.635.1

Научная статья

ГЛАГОЛЬНЫЕ АНАЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМИ ПРЕФИКСАЛЬНЫМИ ГЛАГОЛАМИ

П. В. Васильева
Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары, Россия
vasyavasyamips@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются аналитические формы глаголов чувашского языка, выражающие аспектуальные и акционсартовые значения, в сопоставлении с префиксальными глаголами русского языка. Актуальность работы обусловлена необходимостью уточнения семантических и функциональных характеристик аналитических конструкций со вспомогательными глаголами, а также перспективой использования результатов исследования при создании морфологического анализатора для Национального корпуса чувашского языка. Теоретико-методологическую базу составили материалы научных трудов по тюркской и русской аспектологии, примеры взяты из текстов художественной литературы. В работе особое внимание уделяется проблеме десемантизации вспомогательных глаголов и их роли в формировании дополнительных смысловых оттенков. В качестве примеров рассмотрены конструкции типа «деепричастие + вспомогательный глагол», а именно — со вспомогательным глаголом *ил* (брать). Автор статьи приходит к выводу, что данный глагол, утрачивая собственную семантику, выражает значения различных способов действия: начинательность, результативность, кратковременность, интенсивность и др. Установлено, что соответствующие значения в русском языке преимущественно выражаются с помощью префиксов. Категория вида в чувашском языке продолжительный период вызывала научные дискуссии. В настоящее время наличие грамматической категории вида в чувашском языке опровергается, а ее выражение в большей степени связано с вышеупомянутой аналитической конструкцией и контекстом.

Ключевые слова: аналитическая форма глагола, вспомогательный глагол, префиксация, способ глагольного действия, категория вида

Для цитирования: Васильева П. В. Глагольные аналитические формы чувашского языка в сопоставлении с русскими префиксальными глаголами // Современная гуманитаристика. 2026. Т. 2. № 2. С. 72 — 82

© Васильева П. В., 2026

Scientific article

VERBAL ANALYTICAL FORMS OF THE CHUVASH LANGUAGE IN COMPARISON WITH RUSSIAN PREFIXED VERBS

P. V. Vasileva
Chuvash State Institute of Humanities,
Cheboksary, Russia
vasyavasyamips@gmail.com

Abstract. The article examines the analytical forms of the Chuvash verbs expressing aspectual and non-aspectual meanings in comparison with prefixed verbs in Russian. The

relevance of the work is due to the need to clarify the semantic and functional characteristics of analytical constructions with auxiliary verbs, as well as the potential application of the results in the development of a morphological analyzer. The theoretical and methodological basis is based on materials from scientific papers on Turkic and Russian aspectology, with examples taken from literary texts. Special attention is paid to the problem of desemantization of auxiliary verbs and their role in the formation of additional semantic nuances. Constructions such as «adverbial + auxiliary verb» constructions, particularly those with the auxiliary verb *il* (‘to take’), are analyzed. The author of the article comes to the conclusion that this verb, losing its lexical meaning, expresses various types of action, including initiative, effectiveness, short duration, intensity, etc. It is shown that the corresponding meanings in Russian are mainly expressed using prefixes. The category of aspect in the Chuvash language has been the subject of scientific discussions for a long period. Currently, the existence of a grammatical aspectual category in the Chuvash language is often questioned, and its expression is more closely related to the aforementioned analytical construction and context.

Keywords: analytical verb form, auxiliary verb, prefix, type of verbal action, type category

For citation: Vasileva P. V. Verbal analytical forms of the Chuvash language in comparison with Russian prefixed verbs // Modern humanities. 2026;2(2):72 — 82

Ăслăлăх статйи

ЧĂВАШ ЧЁЛХИНЧИ ГЛАГОЛĂН АНАЛИТИКА ФОРМИНЕ ВЫРĂС ЧЁЛХИНЧИ ПРЕФИКСПА ПУЛНĂ ГЛАГОЛСЕМПЕ ТАНЛАШТАРНИ

П. В. Васильева
Чăваш патшалăх гуманитари ăслăлăхĕсен институчĕ,
Шупашкар хули, Раççей
vasyavasyamips@gmail.com

Аннотаци. Статьяра чăваш чёлхинчи глаголсен аспект тата акционсарт пĕлтерĕшĕсене палăртакан аналитика формисемпе вырăс чёлхинчи префикслă глаголсене танлаштарнă. Тĕпчевĕн актуаллăхĕ пулăшу глаголĕсемлĕ аналитика формисен семантика тата функци уйрăмлăхĕсене палăртассипе çыхăннă, ун результачĕсемпе чăваш чёлхин электрон корпусĕн морфологи анализаторне тунă чухне усă курма пулĕ. Тишкерӳре тĕрĕк тата вырăс чёлхе пĕлĕвĕнчи аспектологи ыйтăвĕсемпе çырнă ĕçсемпе усă курнă, тĕслĕхĕсене илемлĕ литературăран илнĕ. Статьяра чăваш чёлхинчи пулăшу глаголĕсем хăйсен тĕп пĕлтерĕшне çухатнипе тата хушма пĕлтерĕш сĕмĕсем палăртма пултарнипе çыхăннă ыйтусене *ил* пулăшу глаголĕпе пулнă «деепричасти + пулăшу глаголĕ» конструкции тĕпе хурса пăхса тухнă. Асăннă глагол хăйĕн пĕлтерĕшне çухатса ĕç характерĕн тĕрлĕ енне палăртма пулăшать: ĕç пуçламăшне, вĕçне, ĕç пĕр хут е кĕске вăхăтра пулса иртнине, вăйлатăва тата ыттине те. Кунашкал пĕлтерĕшсем вырăс чёлхинче ытларах глагол çумне префикс хушăннипе пулаççĕ. Хăй вăхăтĕнче чăваш чёлхинче вид категорийĕ пуррипе çуккине сӳтсе явнине асăнса хăварнă. Хальхи саманара чăваш чёлхинче кунашкал грамматика категорийĕ пуррипе килĕшмеççĕ, вăл вара ытларах маларах асăннă конструкцире тата контекстра палăрать.

Тĕп сăмахсем: глаголăн аналитика форми, пулăшу глаголĕ, префиксаци, ĕç характерĕн тĕрлĕ енĕ, вид категорийĕ

Цитатăлама: Васильева П. В. Чăваш чёлхинчи глаголăн аналитика формине вырăс чёлхинчи префикспа пулнă глаголсемпе танлаштарни // Хальхи гуманитаристика. 2026. 2 т. 2 №. С. 72 — 82

Введение

Проблема изучения сложновербальных аналитических форм глагола и их классификации в тюркских языках, включая чувашский, относится к числу давно обсуждаемых в лингвистике, однако до настоящего времени сохраняет ряд нерешенных аспектов. В частности, при анализе таких глагольных форм возникает вопрос о статусе вспомогательного глагола: в одних случаях он сохраняет элементы лексического значения, в других — подвергается десемантизации или переходит в разряд фразеологизмов. Схожие трудности наблюдаются и в русском языке при рассмотрении префиксации глагола: префикс имеет собственное независимое от глагола значение и, соединяясь с ним, вносит в него совершенно новое значение, или же он с самого начала универсален и приобретает лексическое значение, лишь «приклеиваясь» к глаголу?

Попытки сопоставительного анализа указанных явлений в русском и чувашском языках выводят исследование на более широкий теоретический уровень, затрагивающий проблему категории вида и способов глагольного действия. Дискуссионным остается вопрос о наличии и характере выражения видовых значений в чувашском языке, а также о способах их корреляции с русской видовой системой. В этой связи особую значимость приобретает обращение к аналитическим конструкциям, образованным при помощи деепричастия и вспомогательного глагола, как к одним из средств выражения аспектуальных и акционсартовых значений.

В работе основной акцент делается на исследовании аналитических форм глагола в чувашском языке, состоящих из сочетаний деепричастия с аффиксом *-са*/*-се* или *-а*/*-е* со вспомогательным глаголом. Особое внимание уделяется их семантическим, функциональным и формальным характеристикам. Мы предпринимаем попытку выявить закономерности употребления вспомогательного глагола *ил* (брать) в формировании дополнительных оттенков значения.

Материалы и методы

Теоретической базой выступили изданные в разные годы работы исследователей тюркских и русского языков по вопросу наличия или отсутствия глагольного вида в тюркских языках, по проблемам тюркской аспектологии; значения русского глагольного вида и видообразующей функции префиксов. При написании статьи применялся сопоставительный метод, который позволил определить некоторые схожие способы глагольного действия в русском и чувашском языках и различие их формального проявления. Для выявления соответствий вспомогательного глагола *ил* с перфективированными глаголами в русском языке мы также обращались к методу функционально-семантического анализа. Для подтверждения наших слов в качестве примеров в статье приведены выдержки из текстов художественной литературы.

Результаты исследования и их обсуждение

Аналитические формы, представляющие собой сочетания основного и вспомогательного глаголов, исторически возникли из свободных синтаксических конструкций и постепенно подверглись грамматикализации. Однако некоторые вспомогательные глаголы утратили свое основное значение лишь частично, поэтому могут присоединяться не ко всем глаголам. И. П. Павлов указывает на следующие критерии, при наличии которых глагол можно считать неполнозначным:

1) у вспомогательного глагола нет зависимых слов, в составе «сложных» (*хутлӑ глагол*) или «составных» (*хутӑш глагол* [8; 14]) глаголов могут быть только частицы;

2) в составе «сложных» (*хутлӑ глагол*) или «составных» (*хутӑш глагол*) глаголов пропадает переходность вспомогательного глагола. Ее можно определить при помощи лексического значения основного глагола [14, с. 222 — 223].

Э. Е. Лебедев на данном этапе рассмотрения вопроса в отношении носителей акционсартовых значений уточняет, что термины «сложные глаголы» и «составные глаголы» не применимы к аналитическим глагольным формам, один из компонентов которого полностью или частично утратил самостоятельное лексическое значение [10]. Под этими терминами «в грамматической традиции понимается сочетание двух или более равноценных слов, имеющих самостоятельные лексические значения»[1]. Ученый предлагает использовать иные термины, позволяющие точнее отразить как функционально-содержательные, так и формальные аспекты явления — «сложновербальная форма» и «аналитическая форма» [10].

Добавим, что И. П. Павлов приводит в качестве примеров полнозначные глаголы [14, с. 224 — 228]:

1) *пурӑн*: *Икĕ çула яхӑнах хулара вĕренсе пурӑнтӑм* — «Я на протяжении двух лет в городе учился»;

2) *кĕрт*: *хирсе кĕрт* — «воткнуть, вогнать» (букв.: «подпирая, засунуть»), «втыкать», *хӑваласа кĕрт* — «загнать» (букв.: «гоняя, засунуть»);

3) *ан*: *юхса ан* — «стечь» (букв.: «стекая, спуститься») и др.

В подобных словосочетаниях каждое слово имеет самостоятельное лексическое значение. И. А. Андреев подмечает, что автор, помимо добавления именных сказуемых, не дает «формально-языковых критериев… разграничения» глаголов, употребляемых в служебной функции и как знаменательные лексические единицы [1, с. 200 — 201].

Так, «сложные» и «составные глаголы» могут быть отнесены к компонентам синтаксических конструкций. В данной же работе интерес представляют аналитические глагольные конструкции на основе сочетаний типа «деепричастие + вспомогательный глагол (а именно — *ил*)». В них, в отличие от синтаксических конструкций, отсутствует синтаксическая связь. Кроме того, они имеют одно основное лексическое значение.

По словам В. Г. Егорова «вспомогательные глаголы в чувашском языке по своему значению приблизительно соответствуют префиксам и видовым особенностям русских глаголов» [12, с. 178]. Н. К. Дмитриев же вводит понятие «идеи вида», однако она проходит только в глаголах прошедшего времени изъявительного наклонения[2].

Впервые проблема глагольного вида стала предметом широкого обсуждения на межреспубликанском координационном совещании по грамматике тюркских языков в 1956 г. В своем докладе Б. А. Серебренников предложил называть «глаголы в сочетании с различными вспомогательными глаголами “видовыми классами”»[3], потому что в значении длительности и совершенности возникают до-

[1] Реформатский А. А. Введение в языкознание: учебное пособие для пед. ин-тов. Москва: Учпедгиз, 1960. 431 с.

[2] Серебренников Б. А. Проблема глагольного вида в тюркских языках // Тезисы докладов научно-практической конференции «Вопросы грамматики тюркских языков». Алма-Ата, 1958. С. 20.

[3] Там же. С. 30.

полнительные лексические значения. Позднее он продолжил развивать проблему и пришел к выводу, что видовые классы подвержены «закону избирательности в грамматике», где «характеристика глагольного действия у незначительного числа глаголов почему-то получает грамматическое выражение, а у остальных не получает» [16, с. 24]. Необходимо отметить, что исследователь разграничивает понятия «вид» и «видовые классы». Вид проявляется в способности любой глагольной формы выразить добавочное грамматическое значение, а вспомогательный глагол при этом показывает, как именно происходит переход к новому действию, поэтому выражение совершенности или несовершенности глагольного действия всегда ограничено особым оттенком. Так семантика вспомогательного глагола не является видовой и «не каждая видовая категория способна охватить всю глагольную лексику» [11, с. 232]. Мы разделяем точку зрения Б. А. Серебренникова, в соответствии с которой необходимо понимать, что глагольный вид как морфологическая категория проявляется исключительно в языках, которые располагают специальными морфологическими средствами для выражения видовых различий, что предполагает существование у глагола одного вида формы, соотносительной с другим видом. Также это явление должно носить, если не тотальный, то регулярный характер, что слабо проявляется в чувашском языке.

Известный российский тюрколог Д. М. Насилов был в числе первых, кто предпринял попытку теоретического обоснования существования в тюркских языках особых форм, выражающих способы действия глагола, и отсутствия в них грамматической категории вида, сопоставимой с русским противопоставлением совершенного и несовершенного видов. Он выделил два типа значений у сочетаний со вспомогательными глаголами: они либо передают «пространственную характеристику действия», либо «приобретают значение видовой категории в других языках», указывая на особенности развития действия как такового, т. е. обладают, по сравнению с пространственными параметрами, более обобщенными значениями грамматических способов действия [13, с. 10].

М. П. Чхаидзе в работе над «спаренными глаголами» в марийском языке уделяет внимание бивербальным конструкциям в тюркских языках, где признает, что при выражении аспектуальных значений в них «устанавливается приоритет контекста над формой»[4]. Схожей мысли придерживается Ф. А. Ганиев. Он выделяет в татарском языке восемь групп акциональных значений: 1) начинательность, 2) направленность, 3) длительность, 4) многократность, 5) частичное развитие действия, 6) внезапность, 7) результативность, 8) завершенность [5, с. 55].

Частичную классификацию способов глагольного действия приводит Г. А. Анисимов в статье «Некоторые аспектуальные функции глагольных словосочетаний в чувашском языке»: 1) направительные; 2) фазовые; 3) длительные; 4) многократные; 5) результативные; 6) мгновенные; 7) интенсивные; 8) сативные; 9) стативные и др. [3].

Несмотря на попытки распределения способов глагольного действия по смысловым группам, сделать это в полной мере все еще не представляется возможным.

[4] Чхаидзе М. П. Проблема спаренных глаголов: на материале марийского языка и других языков различных типов: автореф. дис. … доктора филол. наук: 10.00.00 / Ин-т языкознания АН СССР, Вычислит. центр АН Груз. ССР. Москва; Тбилиси, 1967. С. 19 — 20.

В «Русской грамматике» (1980) дана более подробная классификация — способы глагольного действия трактуются как «семантико-словообразовательные группировки» и подразделяются на три группы, различающиеся по своим самым общим значениям:

1) уточнения характера протекания действия во времени;
2) количественно-временной характеристики действия;
3) уточнения характера достигаемого действием результата [15, с. 596].

Далее кратко представим указанные способы в виде таблицы, чтобы обосновать употребление вспомогательных глаголов в составе аналитической формы глагола и показать, какие приставки в русском языке будут являться эквивалентами. Здесь необходимо отметить, что эта классификация не раскрывает всех значений способов глагольного действия в русском языке, также не каждый способ применим к аналитическим формам глаголов в чувашском языке (в частности, к вспомогательному глаголу *ил*). Таблица дана в сокращенном виде.

Таблица

Способы глагольного действия (далее с. д.) [15, с. 596 — 604]

Первая группа	**Вторая группа**		**Третья группа**
Временные	Количественно-временные (действие уточняется в отношении одноактности или краткости его совершения)	Количественно-временные (действие неограниченно-длительное, кратно повторяющееся)	Специально-результативные, выражающие дополнительные оттенки результативности
Начинательный. Выражает значение начала действия, имеющего две разновидности: — приступа к действию, начального фазиса действия; — начала и продолжения действия в едином целом, которое не членится на фазисы (достижения результата в процессе возникновения действия)	**Одноактный.** Выражает действие, совершаемое один раз, мгновенно	1. **Многократный.** Выражает неоднократную повторяемость. 2. **Прерывисто-смягчительный**. Означает длительно-прерывистое и ослабленное в своем проявлении действие, осуществляемое время от времени. 3. **Длительно-смягчительный**. Означает длительное и при этом ослабленное действие	1. **Комплетивный (или завершительный).** Значение достижения результата осложнено значением завершенности, законченности, доведения действия до его конечной фазы. 2. **Интенсивно-результативный.** Означает полноту и исчерпанность результата, тщательность, иногда — в сочетании со значением интенсивности и экспрессивности действия

Впредь мы будем придерживаться данного подхода к содержательно-смысловому разграничению аналитических форм глаголов, состоящих из самых распространенных и продуктивных сочетаний деепричастия на *-са (-се)* и *-а (-е)* со вспомогательным глаголом.

Значение основного и дополнительного действия деепричастия отмечает Н. А. Андреев в своей монографии «Чăваш чĕлхин стилистики. 2-мĕш пай. Морфологи» [2, с. 111]. В первом случае деепричастие является частью аналитической конструкции и становится лексически доминирующим ком-

понентом, тогда как во втором случае является зависимым компонентом словосочетания.

Стоит отметить, что префиксация глагола в русском языке рассматривается как процесс словообразования (С. Карцевский, В. Н. Сидоров, П. С. Кузнецов), однако В. В. Виноградов, в свою очередь, провозглашает видовую пару формами одного глагола, но не конкретизирует, какие именно приставки и в соединении с какими глаголами превращаются в формообразующий префикс [4]; в тюркских же языках это процесс словоизменения (А. А. Юлдашев, Д. М. Насилов, В. Г. Гузев, Л. Н. Харитонов), при котором вспомогательный глагол имеет не только грамматическое значение, но и сообщает деепричастию дополнительные оттенки [6, с. 214].

К глагольным приставкам современного русского языка относятся следующие морфемы (с их алломорфами): *в- (во-)*, *вз- (вс-, взо-)*, *вы-*, *до-*, *за-*, *из- (ис-, изо-)*, *на-*, *над- (надо-)*, *о- (об-, обо-)*, *от- (ото-)*, *пере-*, *по-*, *под- (подо-)*, *при-*, *про-*, *раз- (рас-, разо-)*, *с- (со-)*, *у-* [9, с. 149]. В качестве их функциональных аналогов можно привести следующие вспомогательные глаголы или «аспектуализаторы» [10]: *кай*, *хур*, *кăлар*, *ӳк*, *çит*, *пыр*, *кил*, *лар (ларт)*, *кĕр*, *ил*, *яр*, *тăр*, *юл*, *ирт (ирттер)*, *тул*, *çавăр*. Рассмотрим аналитическую форму со вспомогательным глаголом *ил* (брать, взять).

Этот вспомогательный глагол в подавляющем большинстве случаев подвергается десемантизации. Мы обнаружили, что «лексически ослабленный компонент» [7, с. 28] может выражать как минимум четыре различных значения.

1. Первое значение переходного вспомогательного глагола фигурирует применительно к письменному (*çырса ил*) или графическому (*ӳкерсе ил*) действию. Э. Е. Лебедев подобные формы глаголов относит к группе значений эготива и адрессива, отражаемых через действия, совершаемые «в интересах субъекта либо другого лица» [10, с. 135].

Рассмотрим примеры:

Ху шутлатăн, çынна ***çырса илме*** *памастăн — усă курасран хăратăн. — Çырса илни сана мĕн усси пур?* (М. Трубина) «Сам решаешь, человеку **списать** не даешь — боишься, что используют. — Какая тебе польза от списывания?»;

Юратнă вăл çакă юрра тахçанах, тетрачĕ çине ***çырса илнĕ*** *ăна* (П. Хусанкай) «Любила она эту песню давно, в тетрадь **выписала** ее»;

Çапах та сăвву питĕ килĕшет. ***Çырса илме*** *юрать-ши ăна?* (И. Тукташ) «И все же стихотворение твое очень нравится. Можно ли его **переписать**?».

В данных примерах второй компонент глагольной формы ослаблен, способ действия не всегда выражает завершенность или предельность, когда объект излагает просьбу или задает вопрос, предполагающий возможность действия. В следующем примере вспомогательный глагол, вероятно, не до конца утрачивает собственное лексическое значение:

Хушаматне ***çырса илчĕç-и****? Тухтăр патне кĕрес умĕн малтан çырăнмаллине эпĕ пĕрремĕш хут илтетĕп* (Е. Лисина) «Фамилию **вписали** (букв.: “записывая, взяли”)? Я в первый раз слышу о том, что перед тем, как зайти к врачу, нужно записаться».

Помимо двух приведенных глагольных форм, к рассматриваемой группе справедливо отнести и сложновербальную форму *сывласа ил*. Она выражает начало действия, его процесс и результат, не членимый на отдельные фазисы. На наш взгляд, некорректно включать ее в число глагольных форм со значением

мгновенного или кратковременного действия, так как длительность совершения этого самого действия становится ясна лишь при наличии контекста, тогда как при отдельном рассмотрении *сывласа ил* имеет значение эготива:

Астров пĕр хушă каҫхи тинĕс ҫинелле тунсăхлă куҫпа пăхса ларчĕ, унтан ассăн ***сывласа илчĕ*** *те йăлкăшса кулчĕ* (А. Артемьев) «Астров какое-то время смотрел на вечернее море, затем глубоко **вздохнул** и радостно улыбнулся».

2. Второе значение глагола может подразумевать распространение чего-либо по всей доступной площади, в русском языке выражается приставочно (*за-*):

Тӳпене хура пĕлĕтсем ***хупласа илчĕҫ*** (Г. Харлампьев) «Небо **затянули** черные тучи»;

Тахҫантанпа хырăнманнипе хура сухал ***пусса илнĕ*** *арҫынна* (Н. Андреев) «Из-за того, что давно не брился, мужчина **зарос** бородой».

Способ действия, возможно, одновременно и длительно-смягчительный, и результативный у формы глагола *хупласа ил* (здесь глагол в значении «слегка, немного»):

Кĕтери, кулса ярас марччĕ тесе, питне ***хупласа илет*** (В. Иванов-Паймен) «Чтобы не засмеяться, Катерина прикрывает лицо руками».

3. Третье значение предполагает моментально произошедшее действие (оно может быть представлено как одноактный с. д. — в прошедшем времени, и как многократный с. д. — в настоящем времени), которое в русском языке выражается как приставочно (*по- — пăхса ил* — посмотреть, *вз-*/*вс- — пăхса ил* — взглянуть), так и бесприставочно при помощи суффикса *-ну-*, и прерывисто-смягчительный способ действия:

Яким Якимч, футбол пек ҫап-ҫаврака хырăмне ҫат-ҫат! ҫапса, ***кулса илчĕ*** (Л. Агаков) «Яким Якимч, похлопав по круглому, словно футбол, животу, **улыбнулся**»;

Унччен те пулмарĕ — ҫиҫĕм йăлт-ялт ***ҫиҫсе илчĕ*** *те пӳрт тăрринчех хыттăн кĕмсĕр-кĕмсĕр турĕ!* (В. Алентей) «Вдруг молния **сверкнула**, и над самой крышей дома громко загрохотало!».

В тех случаях, когда аналитическая форма глагола употребляется в настоящем времени, а в русском языке глагол без суффикса *-ну-* — значение способа действия меняется на интенсивное или на многократно повторяемое:

Сайра ҫăлтăрсем, кевер чул евĕр, йăлтăр-йăлтăр ***ҫиҫсе илеҫҫĕ*** (М. Сунтал) «Изредка звезды, словно бриллианты, **сверкают**»;

«…Ҫăлăнăҫ сана пурпĕр пулмасть!» — ҫĕҫĕ ***ҫиҫсе илет*** *уйăх ҫутинче* (С. Шавлы) «“…Спасенья тебе все равно не будет!” — нож **сверкает** на свете луны».

Иногда аналитическая форма глагола привносит коннотацию переносного значения:

«Пулă тытаҫҫĕ-ши?..» — шухăш ***ҫиҫсе илчĕ*** *ман пуҫра* (Г. Харлампьев) «“Рыбу ловят?..” — мысль **промелькнула** в моей голове»;

Пӳлĕм умĕнче ҫамрăк ҫын тăнине курсан унăн куҫĕсем ***ҫиҫсе илчĕҫ****, тӳрленерех те васкарах утма тытăнчĕ* (А. Ырьят) «Когда она увидела стоящего перед комнатой молодого человека, ее глаза **сверкнули**, начала идти ровнее и торопливее».

4. Последнюю группу значений составляют формы глаголов чувственного восприятия и мыслительной деятельности, которые в русском языке выражаются приставочно (*по-*, *до-*, *вс-*):

«…Мăшкăлласшăн мар-и ку манран?» — тесе ***шухăшласа илчĕ*** *Васли мучи* (И. Мучи) «“…Он не поиздеваться надо мной хочет?” — **подумал** дед Василий»;

Ак ĕнтĕ Ванюк мĕншĕн килтен тухса кайнине те ***тавçăрса илчĕ*** *Коля* (Н. Мранька) «Теперь Коля **догадался**, почему Ваня сбежал из дома».

Патне çитсенех Илюк ***астуса илчĕ****: ку магазин патĕнче вăл пĕррехинче Матроспа тата Артистпа пулнăччĕ…* (Л. Агаков) «Как только подошел ближе, Илюк **вспомнил**: около этого магазина он однажды бывал с Матросом и Артистом…»

В данном случае аналитические формы глаголов могут указывать на начальный фазис действия (начинательный с. д.) и на полноту и исчерпанность результата в сочетании со значением экспрессивности действия.

Приступая к практическому анализу слова *ил*, мы в первую очередь обратились к «Чувашско-русскому словарю» (1982), где обнаружили несоответствия. В 14-м пункте авторы сообщают о возможности слова выступать «в роли вспомогательного глагола с деепричастиями другого глагола», но не пишут о его значении (как под словами *тăр* или *нăх*). Помимо этого, ошибочно приведены примеры, в которых *ил* выступает в качестве полнозначного глагола и встречается рядом с именами существительными: *аса ил* — «вспомнить» (букв.: «память взять»), *кайса ил* — «принести» (букв.: «сходив, купи»), *кăларса ил* — «вынуть, украсть» (букв.: «вытащив, взять»). Это говорит о том, что морфология глагола изучена не до конца, необходимо выявлять каждый подобный случай. В зависимости от контекста может меняться роль второго компонента в одном и том же сочетании.

Заключение

В русском и чувашском языках выделяются аналогичные группы значений (например, начинательность, результативность, длительность), однако способы их выражения обнаруживают специфику: в русском языке акцент сделан на префиксацию, тогда как в чувашском ключевую роль играют аналитические конструкции с вспомогательными глаголами. Это подтверждает частичную сопоставимость систем и свидетельствует об их структурной специфике.

Данные проблемы нуждаются в дальнейшем изучении, так как текущие классификации остаются фрагментарными и не охватывают все возможные значения. Кроме того, современные технологии машинного перевода и анализа текстов требуют точного понимания языковых явлений. Исследование способов действия в русском и чувашском языках может стать основой для улучшения алгоритмов обработки естественного языка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андреев И. А. [Рец. на:] Павлов И. П. Современный чувашский литературный язык. Морфология (на чувашском языке) / Ученые записки ЧНИИ. Вып. 32. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1966. С. 193 — 204.

2. Андреев Н. А. Чăваш чĕлхин стилистики. 2-мĕш пай. Морфологи. Шупашкар: Чăваш АССР кĕнеке изд-ви, 1964. 184 с.

3. Анисимов Г. А. Некоторые аспектуальные функции глагольных словосочетаний в чувашском языке // Проблемы словосочетаний в тюркских языках: материалы научной сессии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1975. С. 26.

4. Виноградов В. В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков) // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. Москва: Изд-во АН СССР, 1952. С. 99 — 152.

5. Ганиев Ф. А. Вопросы морфологии татарского языка. Казань: Татар. кн. изд-во, 1980. 80 с.

6. Горский С. П. Очерки по истории чувашского литературного языка. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1959. 272 с.

7. Егорова О. Г. Глагольное словосочетание в чувашском и русском языках. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2009. 166 с.

8. Егоров В. Г. Глагол // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. I: Морфология. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1957. С. 151 — 239.

9. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: Морфология. Изд. 2-е. Москва; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2003. 880 с.

10. Лебедев Э. Е. Акционсартовые значения сложновербальных аналитических форм в чувашском языке: монография. Чебоксары: ЧГИГН, 2016. 164 с.

11. Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии: монография. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1984. 263 с.

12. Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. I: Морфология. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1957. 360 с.

13. Насилов Д. М. Проблемы тюркской аспектологии. Акциональность. Ленинград: Наука, 1989. 208 с.

14. Павлов И. П. Хальхи чăваш литературă чĕлхи. Морфологи. Шупашкар: Чăваш АССР кĕнеке изд-ви, 1965. 343 с.

15. Русская грамматика: в 2 т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. Москва: Наука, 1980. 783 с.

16. Серебренников Б. А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. Москва: Изд-во АН СССР, 1960. 300 с.

REFERENCES

1. Andreev I. A. [Review:] Pavlov I. P. Modern Chuvash literary language. Morphology (in Chuvash) / Scientific Notes of the Chuvash Research Institute. Ser. 32. Cheboksary;1966:193 — 204. (In Russ.)

2. Andreev N. A. Chăvash chĕlhin stilistiki. 2-mĕsh pai. Morphologi. Shupashkar;1964:184. (In Chuvash)

3. Anisimov G. A. Some aspectual functions of verbal phrases in the Chuvash language // Problems of word combinations in Turkic languages: Materials of the scientific session. Cheboksary;1975:26. (In Russ.)

4. Vinogradov V. V. Word formation in its relation to grammar and lexicology (based on the material of Russian and related languages) // Issues of theory and history of language in the light of I. V. Stalin's works of on linguistics. Moscow;1952:99 — 152. (In Russ.)

5. Ganiev F. A. Issues of the morphology of the Tatar language. Kazan;1980:80. (In Russ.)

6. Gorsky S. P. Essays on the history of the Chuvash literary language. Cheboksary;1959:272. (In Russ.)

7. Egorova O. G. Verbal phrases in the Chuvash and Russian languages. Cheboksary;2009:166. (In Russ.)

8. Egorov V. G. Verb // Materials on the grammar of the modern Chuvash language. Part I: Morphology. Cheboksary;1957:151 — 239. (In Russ.)

9. Isachenko A. V. Grammatical structure of the Russian language in comparison with the Slovak: Morphology. Ed. 2nd. Moscow;Vienna;2003:880. (In Russ.)

10. Lebedev E. E. Actionsart values of complex verbal analytical forms in the Chuvash language: monograph. Cheboksary;2016:164. (In Russ.)

11. Maslov Yu. S. Essays on aspectology: monograph. Leningrad;1984:263. (In Russ.)

12. Materials on the grammar of the modern Chuvash language. Part I: Morphology. Cheboksary;1957:360. (In Russ.)

13. Nasilov D. M. Problems of Turkic aspectology. Actionality. Leningrad;1989:208. (In Russ.)

14. Pavlov I. P. Halhi chăvash literatură chĕlhi. Morphologi. Shupashkar;1965:343. (In Chuv.)

15. Russian grammar. In two volumes. Phonetics. Phonology. Accent. Intonation. Word formation. Morphology. Vol. I. Moscow; 1980:783. (In Russ.)

16. Serebrennikov B. A. Categories of time and aspect in the Finno-Ugric languages of the Perm and Volga groups. Moscow;1960:300. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 29.12.2025;
одобрена после рецензирования 16.02.2026; принята к публикации 29.05.2026
Информация об авторе:
Васильева Полина Владимировна, младший научный сотрудник
Чувашского государственного института гуманитарных наук
(428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1),
ORCID: https://orcid.org/0009-0004-6453-2177, vasyavasyamips@gmail.com
Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 29.12.2025;
approved after reviewing 16.02.2026; accepted for publication 29.05.2026
Information about the author:
Polina V. Vasileva, junior researcher, Chuvash State Institute of Humanities
(29/1, Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia),
ORCID: https://orcid.org/0009-0004-6453-2177, vasyavasyamips@gmail.com
Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакцие 29.12.2025 çитнĕ;
рецензиленĕ хыççăн 16.02.2026 ырланă; 29.05.2026 пичете йышăннă.
Автор çинчен:
Васильева Полина Владимировна, Чăваш патшалăх гуманитари
ăслăлăхĕсен институчĕн кĕçĕн ăслăлăх ĕçтешĕ
(428015, Раççей, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.),
ORCID: https://orcid.org/0009-0004-6453-2177, vasyavasyamips@gmail.com
Пайталăх конфликчĕ: автор пайталăх конфликчĕ çуккине пĕлтерет.
Автор ал çырăвăн юлашки вариантне вуласа тухнă, ырланă.

УДК 811.512.111’0(439)
ББК 81.635.1-03-99(=665.2)

Научная статья

ВЕНГЕРСКОЕ ЧУВАШЕВЕДЕНИЕ В XXI ВЕКЕ

Ю. Дмитриева
Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары, Россия
judit50@list.ru

Аннотация. В статье описываются достижения венгерского чувашеведения за первую четверть XXI в. Авторы рассматриваемых работ — наши современники — продолжают традиции своих предшественников, первых исследователей чувашских заимствований венгерского языка, анализируют различные аспекты истории волжских булгар, затрагивают вопросы авторства первой чувашской грамматики, касаются религиозно-этнографических взглядов волжских тюрков. Источником древнетюркских заимствований венгерского языка согласно новому взгляду, изложенному А. Рона-Ташем в его двухтомной монографии, является западно-древнетюркский или огурский язык, единственный живой потомок которого — чувашский язык. Сам западно-древнетюркский язык реконструируется исходя из чувашских заимствований венгерского языка. Этому способствовала реконструкция фонологической системы венгерского языка в определенный исторический период. Таким образом, возможным стало научно-историческое исследование механизмов взаимовлияния изменений в системах двух разных языков. Эти процессы прослеживаются в упомянутой работе ученого. Все авторы приведенных в статье работ обучались на кафедре алтаистики Сегедского университета (Венгрия) под руководством основателя кафедры профессора Андраша Рона-Таша или его учеников.

Ключевые слова: чувашеведение, западно-древнетюркский язык, тюркские заимствования в венгерском, тюркский *r*-язык (огурский), тюркский *z*-язык (огузский), волжские булгары, первая грамматика чувашского языка

Для цитирования: Дмитриева Ю. Венгерское чувашеведение в XXI веке // Современная гуманитаристика. 2026. Т. 2. № 2. С. 83 — 99

© Дмитриева Ю., 2026

Scientific article

HUNGARIAN CHUVASH STUDIES IN THE 21ST CENTURY

Yu. Dmitrieva
Chuvash State Institute of Humanities,
Cheboksary, Russia
judit50@list.ru

Abstract. The article describes the latest achievements of Hungarian Chuvash studies in the first quarter of the 21st century. The authors of the works examined, our contemporaries, continue the traditions of their predecessors, the first researchers of the so-called Chuvash borrowings in Hungarian, consider various aspects of the history of the Volga Bulgars, address the authorship of the first Chuvash grammar, and examine the religious and ethnographic views of the Volga Turks. The source of ancient Turkic borrowings inHungarian, according to the new view presented by A. Rona-Tash, in his two-volume monograph, is a Western Old Turkic (Ogur) language, the only descendant of which is Chuvash. The Western Old Turkic language itself is reconstructed based on the so-called «Chuvash» borrowings in Hungarian. For this, it was necessary to reconstruct the phonological system of Hungarian in a certain historical period. Thus, it became possible to conduct a historical-linguistic analysis of the mechanisms of mutual influence in two different language systems. These processes can be traced in the

mentioned work of the scientist. All the authors of the papers presented in the article studied at the Department of Altaic Studies at the University of Szeged (Hungary) under the guidance of the founder of the department, Professor Andrasz Rona-Tash or his students.

Keywords: Chuvash studies, Western Old Turkic language, Turkic borrowings in Hungarian, Turkic *r*-language (Oghuric), Turkic *z*-language (Oghuz), Volga Bulgars, the first grammar of the Chuvash language

For citation: Dmitrieva Yu. Hungarian Chuvash studies in the 21st century // Modern humanities. 2026;2(2):83 — 99

Ăслăлăх статйи

ВЕНГР ТЁПЧЕВҪИСЕН ЧĂВАШСЕНЕ ХАЛАЛЛАНĂ XXI ЁМЁРТИ ЁҪЁСЕМ

Ю. Дмитриева
Чăваш патшалăх гуманитари ăслăлăхĕсен институчĕ,
Шупашкар хули, Раççей
judit50@list.ru

Аннотаци. Статьяра Венгри тĕпчевҫисен XXI ёмĕрĕн пĕрремĕш чĕрĕкĕнче чăвашсем çинчен çырнă ĕçĕсене пăхса тухнă. Вĕсен авторĕсем ăслăлăхçăсен унченхи ăрăвĕсем (венгр чĕлхине чăваш чĕлхинчен йышăннă шутланакан сăмахсене чи малтан тишкерекенсем) хывнă йăласене аталантарса Атăлçи пăлхарĕсен историйĕн тĕрлĕ аспектне, чăваш чĕлхин пĕрремĕш грамматикин авторне палăртассипе çыхăннă проблемăна тишкереççĕ, Атăл тăрăхĕнчи тĕрĕк халăхĕсен авалхи ĕненĕвĕсен ыйтăвне хускатаççĕ. А. Рона-Таш хăйĕн икĕ томлă монографийĕнче уçса панă çĕнĕ шухăшĕ тăрăх, венгр чĕлхинчи авалхи тĕрĕк сăмахĕсем — анăçри авалхи тĕрĕк (огур) чĕлхинчен йышăннисем. Огур чĕлхисен ушкăнĕнчи паянхи кунччен сыхланса юлнă пĕртен-пĕр чĕлхе — чăваш чĕлхи. Анăçри авалхи тĕрĕк чĕлхине венгр чĕлхинчи чăваш сăмахĕсем шутланакансене тĕпе хурса реконструкцилеççĕ. Ку ĕçе пурнăçлама вара авалхи тапхăрти венгр чĕлхин фонологи тытăмне тупса палăртмалла. Çапла майпа расна тытăмлă икĕ чĕлхе пĕрне-пĕри витĕм кӳнипе улшăннин историне наука мелĕсемпе тĕпчеме май пур. Çак процессене Рона-Таш асăннă ĕçре кăтартнă. Статьяра пăхса тухнă ĕçсен авторĕсем Венгрири Сегед университечĕн алтаистика кафедринчен ăна никĕсленĕ Андраш Рона-Таш профессор е унăн вĕренекенĕсем ертсе пынипе вĕренсе тухнă.

Тĕп сăмахсем: чăвашсене халалланă тĕпчевсем, анăçри авалхи тĕрĕк чĕлхи, венгр чĕлхинчи тĕрĕк сăмахĕсем, тĕрĕк *r*-чĕлхи (огур чĕлхи), тĕрĕк *z*-чĕлхи (огуз чĕлхи), Атăлçи пăлхарĕсем, чăваш чĕлхин пĕрремĕш грамматики

Цитатăлама: Дмитриева Ю. Венгр тĕпчевҫисен чăвашсене халалланă XXI ёмĕрти ĕçĕсем // Хальхи гуманитаристика. 2026. 2 т. 2 №. С. 83 — 99

Введение

Венгерское чувашеведение — одна из наиболее прогрессивных и известнейших западных научных школ в изучении языка, литературы, фольклора, ранней истории, этнографии и музыки чувашей [8, с. 230]. Несмотря на то, что чувашские исследования в Венгрии велись с середины XIX в., термин «чувашеведение» начал широко использоваться только с недавних времен. Он подробно рассматривается в статье Э. В. Фомина. Согласно его определению, «под чувашеведением следует понимать комплекс научных дисциплин, объектом изучения которых выступают носители чувашской культуры» [18, с. 227].

Материалы и методы

Чувашеведческие исследования венгерских ученых, появившиеся до начала XXI в., были аннотированы на русском языке в библиографическом указателе

“Hungaro-Tschuwaschica” [7]. С тех пор венгерское чувашеведение обогатилось новыми основополагающими трудами. Это — две работы эпохального значения, которые принадлежат не только венгерскому чувашеведению, но и всей мировой тюркологии: фундаментальная монография Андраша Рона-Таша и Арпада Берты о западном древнетюркском языке [31] и книга Клары Адягаши по чувашской исторической фонетике [21]. Оба труда написаны на английском языке, благодаря чему они доступны и иностранным специалистам. Другие венгерские тюркологи тоже активны — продолжают исследовать язык, культуру и историю чувашского народа. Цель нашей статьи заключается в том, чтобы подытожить научную деятельность венгерских тюркологов-чувашеведов за последние два десятилетия, выполнив аналитический обзор их работ. В работе использовался описательно-аналитический метод.

Результаты исследования и их обсуждение

Ряд работ А. Рона-Таша упомянут нами в аннотированном библиографическом указателе “Hungaro-Tschuwaschica” [7, с. 107 — 168] и статье, опубликованной в журнале «Российская тюркология» [5]. Эти, а также и все его предшествующие научные труды предваряли появление большой двухтомной монографии под названием “West Old Turkic: Turkic Loanwords in Hungarian” («Западно-древнетюркский язык: Тюркские заимствования в венгерском языке») [31]. Она написана им в соавторстве с Арпадом Бертой, его выдающимся учеником, к сожалению, не дожившим до выхода монографии из печати. Два тома монографии составляют почти 1500 страниц. Такой объем трудно описать вкратце. Здесь нам на помощь приходят статьи Клары Адягаши, а именно ее подробная рецензия на эту крупную монографию на венгерском [23] и русском [4] языках, а также ее работа, посвященная западно-древнетюркско-венгерским связям, подготовленная на основе рассматриваемой книги [22].

В первом томе монографии представлены четыре главы, большую часть которых составляет «Лексикон», т. е. этимологический словарь на буквы A — K. Во втором томе дается продолжение этимологии слов на буквы L — Z, а также еще три главы — научный аппарат и различные индексы. Уже по индексам можно получить представление о масштабе данной работы, в числе которых указатель восточно-древнетюркских, западно-древнетюркских, монгольских, венгерских слов (финно-) угорского происхождения, протофинно-угорских и протоугорских слов в венгерском языке, аланских и среднеиранских, куманских и славянских заимствований в венгерском языке, а также всех венгерских слов, представленных в монографии [31, с. 1239 — 1371].

Согласно названию монографии, авторами рассматривается западный древнетюркский язык в качестве источника, или донора, слов, заимствованных венгерским языком. Облик самого западного древнетюркского языка в монографии воссоздается на базе венгерских слов, а не наоборот, как это было принято раньше. По мнению К. Адягаши, «авторы отталкиваются от венгерской звуковой формы слов, начав с их фонетического, структурного, морфологического анализа, они доходят до варианта в языке-реципиенте, затем переходят к формам и их особенностям в языке-доноре, из совокупности которых вырисовываются изоглоссы, структурирующие западный древнетюркский язык в пространстве и во времени» [4, с. 198]. Это новый взгляд на древнетюркские заимствования венгерского языка. Костяк монографии составляет этимологический словарь. В него включены 384 слова, «на основе фонетического, морфологического и семанти-

ческого анализа которых авторы предприняли попытку исторического описания западно-древнетюркского языкового варианта» [4, с. 200]. А. Рона-Таш реконструирует не только фонемный состав западно-древнетюркского языка, но, как отмечает рецензент, «впервые представляет историческую реконструкцию фонологической системы венгерского языка начиная с праугорской эпохи вплоть до поздней правенгерской эпохи, что делает возможным научно-историческое исследование механизмов взаимовлияния изменений в двух системах различного происхождения» [4, с. 204]. В работе рассматривается и словообразовательная морфология (derivational morphology) западно-древнетюркских лексических единиц в венгерском языке (30, с. 1124 — 1136). В приведенных примерах налицо копирование западно-древнетюркского морфологического кода. Ср. WOT **kökän* (< **kōk*) → H **köken* > *kökény* [31, с. 1126], WOT **balturγan* (< **baltur* < **bal*) → H **balturγan* > **bōturyan* > *bojtorján* [31, с. 1127], WOT — west old Turkic (западно-древнетюркский), H — Hungarian (венгерский).

Седьмая глава монографии [31, с. 1147 — 1179] посвящена тому, «кто, где и когда говорил на западно-древнетюркском, т. е. на тюркском *r*-языке, или, как его называет А. Рона-Таш, — огурском языке?». Ответ на эти вопросы следующий: на этом языке говорили авары, дунайские болгары, булгары и хазары. Местом и временем же, как на это указывает в своей рецензии и К. Адягаши, является восточноевропейский регион с V до XIII в. [4, с. 209]. Подводя итог, можно сказать, что источником древнетюркских заимствований в венгерском языке является западно-древнетюркский или огурский язык, а единственный его живой потомок — это чувашский язык.

К. Адягаши в другой своей статье рассматривает западно-древнетюркские и венгерские связи, отталкиваясь от материала монографии А. Рона-Таша и А. Берты, делая выводы в отношении огурской исторической фонетики [22]. В первой части статьи анализируется предыстория исследований тюркских заимствований венгерского языка, особое внимание уделяется уточнению языка-донора. Начиная с первых исследований, по отношению к нему применяются термины «древнебулгарский язык» и «булгаро-тюркский язык» (Й. Буденц, Н. И. Ашмарин, З. Гомбоц). Кроме этого, используются термины «тюркский *r*-язык» и «язык чувашского типа». А у А. Рона-Таша и А. Берты источник тюркских заимствований венгерского языка — это «западно-древнетюркский» или «огурский язык». В основной части статьи К. Адягаши пересматривает отмеченные А. Рона-Ташем и Л. Лигети известные чувашские фонетические критерии в отношении упомянутых слов венгерского языка. В итоге она приходит к выводу, что так называемые чувашские критерии только частично отражены в венгерских словах; результаты этих изменений обнаруживает именно тот диалект волжско-булгарского языка, из которого позже развился чувашский язык; многие из фонетических изменений являются (внутри-)венгерскими; в тюркском языке-доноре древнетюркской эпохи параллельно существовали разные варианты языка: тюркский *r*-язык — огурский (по А. Рона-Ташу) и тюркский *z*-язык — огузский.

Видный тюрколог-чувашевед Клара Адягаши является одним из представителей контактной лингвистики — нового направления в языкознании, сформировавшегося в конце XX в. В последние десятилетия она исследует связи, относящиеся к системам типологически разных славянских, тюркских и финно-угорских языков в Волго-Камском ареале. Такой выбор не случаен. Он связан с языковыми контактами чувашей и их предшественников, волжских булгар, с соседними на-

родами, т. е. носителями русского, марийского, татарского языков и их диалектов. Ряд статей К. Адягаши, написанных после 2002 г., посвящен марийско-черемисской тематике, по которой ею защищена докторская диссертация (PhD) [19; 20]. Влияние русского языка на тюркские языки Волго-Камья рассмотрено ею в монографии на русском языке с соответствующим названием [2]. По мнению автора, «важными результатами исследования явились также реконструкция русских диалектальных форм, служащих объектами заимствования в древнерусский и старорусский периоды, а также установление наиболее важных фонетических тенденций истории чувашского, татарского и башкирского языков» [3, с. 15]. Достаточно объемной практической частью книги являются 206 словарных статей с этимологиями, из которых 80 слов было заимствовано чувашским языком. Автор считает, что «на раннем этапе формирования Волго-Камского языкового ареала направление распространения языкового изменения (в частности, редуцированного качества гласных) шло <…> от прамарийского языка в поздне-древнечувашский, а оттуда — дальше в татарский и башкирский» [3, с. 33]. Влияние русского языка на языки Волго-Камского ареала, по мнению К. Адягаши, осуществлялось в виде прямых заимствований или же через доминантный язык. Доминирующим языком до татарского нашествия она считает волжско-булгарский, а затем татарский язык. На эту работу в 2007 г. опубликована рецензия Ю. Дмитриевой в научном журнале «Чувашский гуманитарный вестник» [6].

Другое направление научной деятельности К. Адягаши связано с подготовкой и изданием рукописного чувашского материала А. Альквиста в соавторстве с Э. Винклером [24 — 26].

Первый том этого издания содержит предисловие издателей-редакторов, за ним следует статья К. Адягаши о месте А. Альквиста в истории исследований чувашского языка. А далее — большая статья немецкого ученого, финно-угроведа Э. Винклера об авторе рукописи. Сама рукопись А. Альквиста под названием «Чувашика» составляет центральную часть издания и делится на «Русско-чувашский словарь» (с. 2 — 65), на «Чувашско-русский указатель слов» (с. 65 — 90), на «Чувашско-шведский словарь», и на с. 117 — 178 излагается грамматика чувашского языка. Факсимиле оригинальной рукописи приводится на левой стороне, а справа на развороте параллельно представлен ее печатный вариант. Значение словника А. Альквиста К. Адягаши видит в том, что автор рукописи «последовательно отмечает характерные для верхового диалекта лабиальные редуцированные звуки» [2, с. 94]. Второй том «Наследия Альквиста» полностью посвящен изложению грамматики чувашского языка. Третья книга — это критическое издание рукописного диалектного словаря чувашского языка А. Альквиста. Как пишет в своей рецензии на данное издание Э. Даллош, К. Адягаши указывает на то, что, помимо включения большого количества чувашских лексических единиц (4100), важной является фиксация фонетических и словообразовательных процессов верхового диалекта чувашского языка, которые позже исчезли. Для этимологических исследований они имеют исключительное значение [27, с. 384].

К. Адягаши, будучи профессором Института славистики Дебреценского университета, до сих пор регулярно редактирует его издания по лингвистическому профилю: по славистике, тюркологии и финно-угроведению на венгерском, русском и немецком языках. С 2000 г. под ее руководством издается основанная ею серия исследований под названием “Studies in Linguistics of the Volga-Region” («Лингвистические исследования Поволжского региона»).

В 2012 г. сразу после выхода монографии А. Рона-Таша и А. Берты в журнале “Nyelvtudományi Közlemények” («Публикации в области лингвистики») К. Адягаши в соавторстве с Ш. Чучем публикуют основательную рецензию на эту работу. Тюркологическая часть рецензии (без замечаний Ш. Чуча по финно-угроведению) публиковалась и в переводе на русский язык [4]. Она упоминалась выше при описании монографии. Двухтомник А. Рона-Таша и А. Берты, должно быть, послужил причиной появления статьи К. Адягаши “Nyugati ótörök és magyar kapcsolatok: tanulságok az ogur hangtörténet számára” («Западно-древнетюркские и венгерские связи: выводы по огурской исторической фонетике») [22].

В статье «К вопросу о формировании чувашского языка» К. Адягаши, проанализировав имеющиеся работы по истории чувашского языка, предлагает исследовать динамику изменений фонемной системы огурского типа в чувашскую, использовав методы ареальной лингвистики [1].

В 2019 г. вышел из печати, по нашему мнению, главный труд К. Адягаши на английском языке “Chuvash Historical Phonetics” («Историческая фонетика чувашского языка») [21], о выдающемся значении которого говорит тот факт, что за его публикацию Венгерская академия наук удостоила автора академической награды. На эту работу сразу же появились рецензии. В венгерском журнале “Magyar Nyelv” («Венгерский язык») А. Рона-Таш ознакомил с ней читателей в своей статье на венгерском языке под названием “Új csuvas történeti fonetika” (Новая историческая фонетика чувашского языка) [30]. Перевод данной рецензии на русском языке появился через год [14]. А в журнале “Acta Linguistica” вышла рецензия на английском языке видного венгерского исследователя И. Зимони [39].

Монография состоит из четырех глав и приложения. Глава I посвящена источникам изучения истории чувашского языка. В главе II даются оппозиции огурской системы согласных звуков в прототюркский и древнетюркский периоды. В главе III описываются западно-древнетюркская и волжско-булгарская системы гласных. Здесь впервые К. Адягаши выделены и охарактеризованы три волжско-булгарских диалекта. Автор подчеркивает ценность учета фактов марийского языка, так как в марийских диалектах сохранились лексические элементы из всех трех волжско-булгарских диалектов. Их подробный фонологический анализ К. Адягаши приводит в другой своей работе “A mari nyelv kapcsolatai a volgai area török nyelveivel” («Связи марийского языка с тюркскими языками волжского ареала») (2021) [20]. Примечательно, что волжско-булгарский диалект$_3$, или поздний древнечувашский язык, автор считает предком современного чувашского языка [21, с. 161 — 185]. В главе IV представлены фонетические изменения в среднечувашский период.

В отношении второй и третьей глав А. Рона-Таш отмечает: «К. Адягаши в первую очередь описывает по возможности полную историю каждого отдельного звука чувашского языка» [14, с. 224]. В главе, посвященной среднечувашской эпохе, говорится о формировании консонантизма современного чувашского языка, об оглушении звонких согласных, о сужении и дальнейшей редукции узких гласных [14, с. 227]. На эти явления вслед за К. Адягаши указывает и А. Рона-Таш.

По мнению автора «Фонетики…», редукция гласных, происходившая именно в среднечувашский период под воздействием протомарийского языка, изменила и систему ударения в чувашском языке [21, с. 227 — 228].

В приложении под названием «Роль черемисского языка в истории чувашских гласных» представлен новый взгляд автора на этноним *черемис*. Кроме

этого, дана характеристика вокализма позднего протомарийского языка. В этой части книги К. Адягаши сопоставляет эндоэтноним (самоназвание) *мари* и экзоэтноним *черемис* и приходит к выводу, что словом *черемис* марийцев называли только другие народы. Раньше слово *черемис* было *топосом*, т. е. местом проживания неизвестного народа. «А это значит, — излагает мысли автора "Фонетики..." А. Рона-Таш, — что марийцы переселились на свою нынешнюю территорию из-за нашествия монголов — именно в тот регион, который ранее в письменных источниках их соседями (русскими, булгарами и др.) назывался *черемис*» [14, с. 229]. Имеющиеся как в чувашском, так и в марийском языках около 60 слов неизвестного происхождения К. Адягаши связывает с западной ветвью балтийской языковой семьи. Она считает, что на территории нынешних марийцев проживали носители какого-то балтийского языка, а элементы из этого языка попали в марийский и чувашский через посредство другого языка, который она называет «нижне-черемисским» (Low Cheremis). «Таким образом, — отмечает А. Рона-Таш, — удалось идентифицировать загадочный прачеремисский язык» [14, с. 229]. Во второй части приложения анализируется протомарийская структура гласных, и автор приходит к следующему выводу: «Можно документально подтвердить существование 134 позднемарийских двухсложных структур, повлиявших, возможно, на историческое развитие 167 древнечувашских двухсложных структур» [21, с. 290].

В конце рецензии А. Рона-Таш дает положительную оценку монографии своей талантливой ученицы: «Книга К. Адягаши, хотя ее местами и нелегко воспринимать, является фундаментальным трудом в области тюркологии, содержит много нового в плане исследования языков Поволжья. Исследователям венгерского языка она тоже может быть весьма полезной, так как в ней с новых позиций трактуются западно-древнетюркские элементы венгерского языка. Однако данный труд обогащает, прежде всего, исследования по истории чувашского языка. Книга потенциально содержит в себе основу для более полного, чем имеется сейчас, этимологического словаря чувашского языка. Мы можем только надеяться, что он появится в скором времени» [14, с. 233].

Приоткрывая тайну, мы должны сказать, что в настоящее время К. Адягаши как раз работает над составлением этимологического словаря чувашского языка. В связи с этим в 2025 г. в журнале "Nyelvtudományi Közlemények" («Публикации в области лингвистики») ею была опубликована серия статей под названием "Volga-vidéki etimológiák" («Этимологии Поволжского края»). Третья статья из этой серии рассматривает этимологию трех чувашских слов: *ăyă* 'долото; стамеска'; *xĕlĕx* 'конский волос', *tĕnče* 'мир, свет; вселенная', попавших и в марийский язык. Этимология этих слов, представленная К. Адягаши, отличается от более ранних этимологий других авторов тем, что произошедшие в них фонетические изменения реконструируются, начиная с западно-древнетюркской эпохи до наших дней, по разным периодам. Кстати, этимологический словарь готовится на английском языке.

Другим достойным учеником А. Рона-Таша является известный ориенталист, историк, знаток арабского языка Иштван Зимони. Выход его первой книги о происхождении волжских булгар, по-видимому, определил предмет его последующих исследований. В дальнейшем расширился круг его научных интересов, и, как он пишет в «Предисловии» сборника своих статей [38, с. 7], они охватывают различные аспекты истории волжских булгар, общие вопросы средневековой

истории евразийской степи, раннюю историю венгров и монгольское завоевание Восточной Европы. В этот круг можно включить и обработку с точки зрения истории, перевод и издание мусульманских источников, связанных с историей тюркоязычных кочевников Средневековья. На наш взгляд, все это служит одной цели — пролить свет на раннюю историю венгерского народа. В рамках его концепции проводится редактирование серии книг «Библиотеки праистории венгров», издающейся с 1990 г. (до настоящего времени увидели свет 30 томов).

Заслуживает внимания и научный путь ученого. В 2003 г. И. Зимони в своей хабилитационной диссертации (это следующая после докторской диссертации научная работа) выполнил обработку самого главного мусульманского источника ранней истории венгров на арабском языке — венгерскую часть наследия Джайхани. Немецкий и английский варианты этой книги появились с разницей в 9 лет. В 2007 — 2011 гг. И. Зимони работал в Каире директором и советником Офиса по культуре при Посольстве Венгерской Республики. По возвращении из Египта он получил звание доктора Венгерской академии наук и возглавлял в Сегедском университете одновременно два подразделения: кафедру всемирной средневековой истории и кафедру алтаистики. Многие его труды, помимо венгерского, издаются на английском, русском и немецком языках.

Поскольку И. Зимони известен чувашским языковедам и историкам до сих пор только по аннотированному библиографическому указателю венгерских чувашеведов “Hungaro-Tschuwaschica” [7], нам хотелось бы обратить внимание на ряд его работ, связанных с волжскими булгарами [34; 38; 39], так как чуваши, как известно, начиная с работ Н. И. Ашмарина, считают себя потомками именно волжских булгар.

В сборнике «Средневековые кочевники — ранние венгры» [38] большинство статей посвящено волжским булгарам. В статье “A volgai bulgárok és a volgai út” («Волжские булгары и волжский путь»), по мнению автора, «Волга и волжский торговый путь образовали одну из главных торговых артерий Восточной Европы. Этот путь был связующим звеном между Балтикой, Восточной Европой и Багдадским халифатом» [38, с. 61]. Там же говорится, что у слияния Волги и Камы появилось государство волжских булгар, а в нижнем течении Волги был центр Хазарского государства. В возникновении государства Волжской Булгарии важную роль сыграла торговля мусульманского мира с Восточной Европой. После взятия хазарской столицы Святославом (965 г.) торговлю в нижнем течении Волги стали контролировать хорезмийцы и волжские булгары. Однако со второй половины XII в. из-за частых походов князей Владимиро-Суздальского княжества на волжских булгар оно монополизировало торговлю. Далее в статье на основе тюркского названия р. Волги — *Ätil* — автор анализирует волжский путь пушнины с востока на запад вплоть до Этелкеза, откуда предки венгров направились на свою нынешнюю родину.

В начале статьи “A volgai út jelentősége a volgai bulgárok történetében” («Значение Волжского пути в истории волжских булгар») [38, с. 87] автор, используя разные источники, подробно анализирует словосочетание «волжские булгары», а также имеющиеся определения слова «булгары» (великие, наружные, внутренние, серебряные, черные, казанские, низовые, (по)волжские и камские булгары). Далее он обращает внимание на несколько важнейших аспектов связи торговли, проходившей по р. Волге, с историей волжских булгар. В заключении он отмечает, что «волжские булгары не только названы именем Волги, но их история в большой степени зависела от состояния волжского торгового пути, и булгары

сознательно старались контролировать по возможности самый длинный отрезок волжского пути» [38, с. 92].

В статье “Volgai bulgár városok a 10 — 13 században” («Волжско-булгарские города в X — XIII вв.»), по словам автора, «изучаются причины формирования и процветания волжско-булгарской городской цивилизации, а также идентификация и локализация волжско-булгарской столицы» [38, с. 93]. В конце статьи автор приходит к выводу, что «появление волжско-булгарских городов стало возможным в X в. благодаря процветающим торговым связям, которые также принесли и ислам на Волго-Камье. В X — XIII вв. источники сохранили шесть названий городов волжских булгар: *Bulġār*, *Suwār*, *Velikij Gorod*, *Brjahimov*, *Torčesk* и *Ošel*. Отождествление названия *Bulġār* сталкивается с трудностями» [38, с. 98].

В последних двух источниковедческих статьях сборника дается исчерпывающий анализ западной литературы о волжских булгарах с ее перечнем.

«О контактах волжских булгар с венграми, — пишет автор в одноименной главе “Volgai bulgárok és magyarok” (“Волжские булгары и венгры”) своей книги, — мы можем говорить только то, что, как венгры до завоевания своей нынешней родины, так и племена, создавшие Волжскую Булгарию, жили в рамках Хазарского государства, и не исключено, что места их проживания располагались по соседству» [38, с. 71].

В статье “A volgai bulgárok öröksége” («Наследие волжских булгар») [36] автор, помимо того, что прослеживает историю волжских булгар начиная с VIII в., обращает внимание на некоторые ошибки, связанные с этой историей. Среди них: 1) концепция отождествления московским царским двором волжских булгар с Казанским ханством; 2) официальное решение руководства страны, согласно которому при изучении татарского этногенеза научным учреждениям необходимо сделать акцент на роль волжских булгар вместо Золотой Орды; 3) теория о так называемых сабирах, от которых якобы произошли чуваши. Последнюю концепцию Зимони решительно отметает. «В конечном счете, — пишет он, — можно установить, что волжские булгары могли говорить на предшественнике чувашского языка; что касается территории и вероисповедания, то они обитали на нынешней территории Татарстана, однако как государственное образование могли служить ссылающей базой как для татарской, так и для чувашской нации. Но не может быть, чтобы государственное образование было основой как для татар, так и для чувашей» [36, с. 251].

Статья “A volgai bulgárok nyelve” («Язык волжских булгар») тоже была опубликована и на венгерском [35], и на русском [11] языках. Автор реконструирует так называемый общеупотребительный язык волжских булгар на базе трех групп источников и приходит к выводу, что это был тюркский *r*-язык [11, с. 99]. Принимая концепцию К. Адягаши в отношении того, что существовало три волжско-булгарских диалекта, он вслед за ней считает, что $ВБ_2$ мог быть центральным диалектом волжско-булгарского языка, но «после монгольского вторжения центральный диалект $ВБ_2$ потерял свою доминантную роль и определяющим стал язык новоприбывших кыпчаков. …$ВБ_1$ был ассимилирован позже, по всей вероятности, в XV — XVI вв. во времена Казанско-Татарского ханства. Наконец, формирование собственно чувашского языка могло начаться в монгольскую эпоху на основе $ВБ_3$» [11, с. 102 — 103].

Как видно из указанных выше статей, Иштван Зимони, действительно, является одним из ведущих специалистов по волжским булгарам и по этногенезу татар и чувашей. Его перу принадлежит и вводная статья «Зарубежная историография»

в многотомной «Истории татар» [10]. В «Татарской энциклопедии» опубликована его статья про западноевропейские письменные источники о булгарах [9].

В настоящее время ученый работает над монографией об истории волжских булгар.

Многопрофильный исследователь, выпускник кафедры алтаистики Сегедского университета, ученица А. Рона-Таша и А. Берты — Эдина Даллош — защитила докторскую диссертацию (PhD) в области этнографии и культурной антропологии в Будапештском университете в 2006 г. Ее работа посвящена изучению сверхъестественных персонажей татарских волшебных сказок. Диссертация опубликована и в формате книги.

После изучения сказок она обратилась к поверьям поволжских тюрков и написала большую монографию на венгерском языке под названием “Napevő, holdfaló. A volgai törökség hiedelemlényei” («Поглощающее солнце, пожирающее луну: Персонажи мифологии волжских тюрков») [28]. Она вышла в серии книг “Magyar Őstörténeti Könyvtár” («Библиотека праистории венгров») (33-я книга) под редакцией А. Рона-Таша. Название книги может вызывать недоумение у части читателей. Кто же поглощает солнце и пожирает луну? Отгадка, как мы предполагаем, связана с чувашским мифологическим существом, злым духом *вăпăр*, у Н. И. Ашмарина *вупăр*, *вопăр*[1]. По словарю Ашмарина, «Вупăр — чудовище, которому приписываются враждебные действия против солнца <…> Вупăр хĕвеле, уйăха çиет», т. е. вупăр ест / пожирает солнце и луну»[2]. Согласно поверьям, таким образом происходят и лунное, и солнечное затмения.

Данная книга очень весомая не только по содержанию, но и по объему — 460 страниц в большом формате. Сбор материала автор осуществляла в полевых условиях, а также изучала первоисточники в архивах и опубликованную по теме литературу. Монография состоит из трех основных частей: 1) словарные статьи с анализом названий и характеристик мифологических персонажей, 2) хрестоматия и 3) научный аппарат.

В первой главе под названием «Персонажи мифологии» даются три подраздела, которые соответствуют трем поволжским народам: «Чуваши», «Казанские татары», «Башкиры». Каждый подраздел начинается с краткого обзора истории изучения вопроса. За ним следует таблица транслитерации слов, далее идут словарные статьи. В них сначала дается значение названия персонажа, возможные варианты или диалектные формы и этимология слова. Во второй части словарной статьи подробно анализируются данные специальной литературы, относящиеся к конкретному мифологическому существу и, если это необходимо, даются критические замечания автора. В чувашскую часть автор включила еще и подраздел в виде таблиц «Списки богов и духов» [28, с. 133 — 167]. В данном труде впервые опубликованы списки, зафиксированные в разных источниках. Они сопровождаются комментариями автора. По мнению рецензентов, «…никто до нее не выполнял подобную подачу чувашского материала, что делает монографию Эдины Даллош универсальной» [8, с. 232].

В «Хрестоматии» тексты, касающиеся мифологических персонажей, даются не на трех языках оригинала (чувашском, татарском, башкирском), а в переводе на венгерский язык. В чувашской части приводятся языческие молитвы и заговоры, а в татарской и башкирской частях только заговоры и мифы.

[1] Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка: в 17 вып. Вып. V: Й — В. Чебоксары: Чувашская книга, 1930. С 269 — 271.

[2] Ашмарин Н. И. Указ. соч. С. 270.

Указатель мифологических персонажей трех народов составлен на основе венгерского алфавита с пометкой их принадлежности к башкирскому (b), татарскому (t) и чувашскому (cs) языкам. Ср. *Šïv **(cs)** 96 → Xayar; → Xĕrlĕ-śïr; Yul eyähe **(b)** 229; Džinn **(t)** 177; → Diyü; → Yïlan; → Päri; → Šaytan*.

Мы полностью согласны с автором, который полагает, что данную монографию можно считать трудом, заполняющим пробелы в области исследований, посвященных мифологии тюркских народов определенного региона и раскрывающих их народные поверья [28, с. 11]. Она может быть одинаково полезна как этнографам, языковедам-тюркологам, а также и исследователям истории религий.

На этот труд появилось несколько рецензий как в Венгрии, так и в России. В частности, его оценили и чувашские исследователи [8].

Анна Штумпф в своей рецензии знакомит венгерских читателей с монографией Э. Даллош и обращает внимание на то, что в данной работе имеется информация о таких мифологических существах, о которых даже специалисты в этой области никогда не слышали. Здесь она с большим интересом рассказывает о чувашском *ar-śuri* и *vupăr*, татарском *päri* ~ башкирском *pärey*, о тюркских соответствиях венг. *sátán* [32]. В рецензии чувашских ученых отмечено, что «она (монография. — *Ю. Д.*) по праву может считаться значительным вкладом в сравнительно-сопоставительное изучение стержневой составляющей духовности трех родственных этносов тюркской языковой семьи — чувашей, татар и башкир» [8, с. 232]. Исправленный и дополненный вариант монографии в 2024 г. вышел в Вене на английском языке [29].

До публикации монографии Э. Даллош освещала в своих статьях на венгерском языке такие темы, как добро и зло в представлениях чувашей-язычников, русская икона в их жизни и др. Исследователя также интересуют вопросы истории древнетюркской культуры и религии, в частности, тенгрианство и его связь с шаманизмом, что предполагает изучение рунической письменности. В настоящее время она преподает на кафедре тюркологии в Будапештском университете им. Л. Этвёша.

Мелинда Такач — самая молодая из воспитанников кафедры алтаистики Сегедского университета. По первому образованию она археолог. Окончила Будапештский университет им. Лоранда Этвёша по специальности «Переселение народов — Средние века», позже защитила докторскую диссертацию (PhD) по этой же дисциплине. Параллельно училась на кафедре алтаистики, где получила диплом бакалавра в 2020 г. Ее интерес к этой теме вызвали многочисленные тюркские/чувашские заимствования в венгерском языке, а также погруженность во время археологической работы в историю «поздних» аваров (оногуров) и дунайских болгар.

Во время изучения тюркологических дисциплин М. Такач выигрывала стипендии разных научных организаций и несколько раз стажировалась по три и более месяцев в Чебоксарах (2015 — 2016-е гг.). В столице Чувашии она изучала чувашский язык с нуля. Нужно заметить, что сейчас она на среднем уровне владеет 6 — 7 иностранными языками.

Будучи на стажировке в Чувашии, она познакомилась с известной чувашской писательницей Евой Лисиной и перевела два ее произведения с чувашского на венгерский язык. Первая повесть «Çăкăр чĕлли» («Кусок хлеба» ~ венг. “Egy darab kenyér”) была напечатана в 11-м номере венгерского литературного журнала “Forrás” («Родник») в 2016 г.[3] В том же году за свою переводческую деятельность М. Такач удостоилась стипендии для молодых переводчиков Литературного музея

[3] Liszina E. Egy darab kenyér / Csuvasból fordította: Takács Melinda // Forrás. 2016. № 11. P. 137 — 152.

им. Ш. Петефи. Перевод второй повести — «Хĕле кĕрес умĕн» («Предзимье» ~ венг. „Mielőtt beköszönt a tél”) был опубликован в 1-м номере журнала «Forrás» («Родник») за 2020 г.[4] В 2016 г. в разных научных изданиях Чувашии она опубликовала две статьи на русском языке о Е. Лисиной и об опыте художественного перевода [16; 17].

М. Такач умножала свои знания в области чувашского языковедения, будучи студенткой профессора Клары Адягаши, у которой она прослушала лекции по истории чувашского языка. Дипломную работу, темой которой была первая чувашская грамматика, тоже написала под руководством К. Адягаши. Позднее переработанный вариант этой рукописи был опубликован в самом престижном лингвистическом журнале Венгрии — “Nyelvtudományi Közlemények” («Публикации в области лингвистики») [33]. Перевод данной работы с венгерского на русский язык был выполнен Ю. Дмитриевой и напечатан в «Чувашском гуманитарном вестнике» за 2022 г. [15].

Во введении большой статьи, посвященной подробному графотактическому, фонетическому и текстологическому анализу памятника 1769 г. «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка», автор излагает свой метод исследования первой чувашской грамматики, а именно, что будет «исходить из самого труда, как внутреннего источника, вопреки более ранней литературе, исходящей из внешних источников» [15, с. 80]. Далее автор отмечает, что появившиеся почти одновременно три грамматики — чувашская, удмуртская и марийская — схожи между собой тем, что их авторы неизвестны, а различаются тем, что только чувашскую грамматику предваряет предисловие. Автор статьи приводит его в переводе на венгерский язык. Что касается авторства первых грамматик, М. Такач согласна с мнением В. Д. Димитриева, который считал, что «ничего не указывает на то, что Пуцек-Григорович написал бы хоть одну из трех грамматик» [15, с. 85]. Это утверждение совпадает и с мнением удмуртских и марийских ученых, на что указывается в данной работе М. Такач. Она делает вывод, что «…вполне вероятно, что Сочинения… возникли в результате коллективной работы нескольких записывающих, консультантов и информаторов» [15, с. 85]. Далее она подробно излагает точку зрения В. Г. Родионова, убежденного в том, что авторство первой чувашской грамматики принадлежит перу Ермея Рожанского. Главный аргумент М. Такач против этого тезиса заключается в том, что в грамматике встречается множество ошибок, что заставляет «…усомниться в том, что ее написал, редактировал или же хотя бы посмотрел человек, родным языком которого является чувашский язык» [15, с. 87]. В статье приводятся таблицы, с помощью которых автор доказывает, что во время составления «Сочинений…» уже существовало два диалекта современного чувашского языка, но больше всего в них встречаются слова из верхового диалекта. По ее мнению, «ряд особенностей фиксации слов приводит к мысли, что лица, записывающие лексический материал первой грамматики, не были носителями чувашского языка» [15, с. 95]. Другим участникам процесса (записывающим, переписчикам, типографским наборщикам), как считает М. Такач, тоже мешала русскоязычность. В послесловии она приходит к выводу, что «авторов/составителей данного труда надо искать в среде русской церковной интеллигенции» [15, с. 101]. Мнение автора, изложенное в данной статье, является достаточно веским в диспуте об авторстве «Сочинений…».

[4] Liszina E. Mielőtt beköszönt a tél / Csuvasból fordította: Takács Melinda // Forrás. 2020. № 1. P. 36 — 42.

Юдит Дмитриева (Салонтаи) — этническая венгерка, до 1979 г. проживала и училась в Венгрии. Окончила университет им. А. Йожефа в г. Сегеде по дисциплинам «Русский язык» и «Тюркология». Она ученица А. Рона-Таша, сокурсница А. Берты и К. Адягаши. Будучи замужем за чувашем, с 1979 г. живет и работает в столице Чувашии, в Чебоксарах. До 2003 г. была сотрудником отдела языкознания Чувашского государственного института гуманитарных наук и занималась исторической лексикологией. За 24 года работы в ЧГИГН она защитила кандидатскую диссертацию и подготовила по ее теме монографию «Чувашские народные названия дикорастущих растений». Книга вышла в Дебрецене (Венгрия) в 2001 г. в серии “Studies Linguistics of the Volga-region” («Лингвистические исследования Поволжского региона») под общей редакцией К. Адягаши и при финансовой поддержке одного из венгерских фондов. В том же году появился их совместный с К. Адягаши труд “Hungaro-Tschuwaschica” [7]. В нем перу Ю. Дмитриевой принадлежат аннотации статей, переведенные с венгерского на русский язык.

Помимо научной работы, Ю. Дмитриева занимается и переводами. В результате ее переводческой деятельности в ЧГИГН был выпущен большой труд венгерского тюрколога и собирателя фольклора Дьюлы Месароша на русском языке «Памятники старой чувашской веры» [13].

В 2003 — 2010 гг. работала в Югорском государственном университете г. Ханты-Мансийска, где в должности доцента преподавала венгерский язык. В 2007 г. для своих студентов, носителей мансийского и хантыйского языков, она выпустила учебник венгерского языка для начинающих[5]. В этот период она опубликовала в разных изданиях ряд статей и рецензий по чувашеведению и финно-угроведению, поспособствовала выходу первого трехъязычного издания мансийского народного эпоса на древнемансийском языке на кириллице с переводом на русский и венгерский языки [12].

В роли своеобразного посредника своими переводами с венгерского на русский язык и рецензиями Ю. Дмитриева популяризует научную литературу, отражающую результаты венгерского чувашеведения для русскоязычного научного сообщества. Это наглядно демонстрирует и настоящая статья.

Заключение

Рассмотренные работы показывают, что венгерские тюркологи-чувашеведы продолжают исследовательскую деятельность, начатую еще в середине XIX в. их славными предшественниками, земляками. В связи с этим хотелось бы, чтобы их труды были заслуженно оценены и использованы российскими коллегами — тюркологами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Адягаши К. К вопросу о формировании чувашского языка // Языковые контакты народов Поволжья и Урала: сборник статей XI международного симпозиума (Чебоксары, 21 — 24 мая 2018 г.) / сост. и отв. ред. А. М. Иванова, Э. В. Фомин. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2018. С. 6 — 12.

2. Адягаши К. Место А. Альквиста в истории изучения чувашского языка // Чувашский гуманитарный вестник. 2008. № 3. С. 90 — 100.

3. Адягаши К. Ранние русские заимствования тюркских языков Волго-Камского ареала I // Studies in Linguistics of the Volga-Region. Vol. II. Debrecen, 2005. 216 p.

4. Адягаши К. Рец. на: Róna-Tas A., Berta Á. West Old Turkic: Turkic Loanwords in Hungarian. Part I — II. Turclogica. Band 84. Harrassovitz Verlag. Wiesbaden, 2011. 1496 p. [Рона-Таш А., Берта А.

[5] Дмитриева Ю. Практический курс венгерского языка: учебник для начинающих. Ханты-Мансийск: Югорский гос. ун-т, ЗИЦ ЮГУ, 2007. 165 с.

Западный древнетюркский. Тюркские заимствования в венгерском. Части I — II. Висбаден, 2011. 1496 с. (Тюркологика. Т. 84)] // Чувашский гуманитарный вестник. 2016. № 11. С. 196 — 211.

5. Дмитриева Ю. Новое в венгерском чувашеведении // Российская тюркология. 2011. № 1 (4). С. 63 — 68.

6. Дмитриева Ю. Рец. на: Клара Адягаши. Ранние русские заимствования тюркских языков Волго-Камского ареала I // Studies in Linguistics of the Volga Region. Vol. II. Debrecen, 2005. 216 p. // Чувашский гуманитарный вестник. 2007. № 1. С. 194 — 197.

7. Дмитриева Ю., Адягаши К. Hungaro-Tschuwaschica: аннотированный библиографический указатель исследований венгерских ученых XIX — XX вв. Чебоксары: ЧГИГН, 2001. 240 с.

8. Ендеров В. А., Дмитриева Ю. Рец. на: Dallos Edina. Napevő, holdfaló. A volgai törökség hiedelmlényei. Budapest. Balassi Kiadó 2020 / Даллош Э. Поглощающее солнце, пожирающее луну. Персонажи мифологии волжских тюрков. Будапешт: Балашши, 2020. 460 с. // Чувашский гуманитарный вестник. 2021. № 16. С. 229 — 233.

9. Зимони И. Западноевропейские письменные источники о булгарах: История татар. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань: РухИЛ, 2006. С. 31 — 33.

10. Зимони И. Зарубежная историография // История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань: РухИЛ, 2006. С. 20 — 24.

11. Зимони И. Язык волжских булгар / пер. с венг. Ю. Дмитриевой // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 1. С. 94 — 106.

12. Именитые богатыри Обского края на материале II тома «Собрания вогульской народной поэзии» Берната Мункачи. Ханты-Мансийск: Югорский гос. ун-т, ЗИЦ ЮГУ, 2010. 150 с.

13. Месарош Д. Памятники старой чувашской веры / ред.: В. Д. Димитриев, А. П. Хузангай; пер. с венг. Ю. Дмитриевой. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. 360 с.

14. Рона-Таш А. Новая чувашская историческая фонетика. Рец. на: Agyagási K. Chuvash Historical Phonetics. An areal linguistic study with an Appendix on the Role of Proto-Mari in the History of Chuvash Vocalism. Turcologica 117. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2019. 333 p. // Чувашский гуманитарный вестник. 2020. № 15. С. 223 — 234 (пер. с венг. Ю. Дмитриевой).

15. Такач М. Заметки к истории возникновения первой чувашской грамматики // Чувашский гуманитарный вестник. 2022. № 17. С. 79 — 103 (пер. с венг. Ю. Дмитриевой).

16. Такач М. Несколько заметок о творчестве чувашской писательницы Евы Лисиной // Ашмаринские чтения: сборник трудов X международной научно-практической конференции (Чебоксары, 20 — 21 октября 2016 г.). Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова, 2016. С. 13 — 15.

17. Такач М. Опыт художественного перевода с чувашского на венгерский (Рассказ Евы Лисиной «Кусок хлеба») // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2016. № 4 (92). С. 73 — 78.

18. Фомин Э. В. Чувашеведение: современное состояние и тенденции развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2009. № 2-2. С. 227 — 231.

19. Agyagási K. A cseremisz tényező szerepe a csuvas hangrendszer történeti változásában. Doktori értekezés tézisei. Debrecen, 2002. 25 lap.

20. Agyagási K. A mari nyelv kapcsolatai a volgai area török nyelveivel // Párhuzamos történetek. Interdiszciplináris őstörténeti konferencia Budapest 2020 november 11 — 13. 2021. P. 63 — 76.

21. Agyagási K. Chuvash Historical Phonetics. An areal linguistic study with an Appendix on the Role of Proto-Mari in the History of Chuvash Vocalism. Turcologica 117. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2019. 333 p.

22. Agyagási K. Nyugati ótörök és magyar kapcsolatok: tanulságok az ogur hangtörténet számára // Agyagási Klára — Hegedűs Attila — É. Kiss Katalin (szerk.) Nyelvelmélet és kontaktológia 2. PPKE BTK Piliscsaba, 2013. P. 155 — 172.

23. Agyagási K., Csúcs S. Róna-Tas, András — Berta, Árpád: West Old Turkic. Turkic Loanwords in Hungarian. Part I — II. Turcologica. Band 84. Harrassowitz Verlag, Wiesbaden. 2011. 1494 p. // Nyelvtudományi Közlemények. 2012. Kötet 108. P. 443 — 470.

24. Agyagási K., Winkler E. (Hrsg.): August Ahlqvist, Tschuwaschiska. Tschuwaschischer Nachlass von August Ahlqvist. Kossuth Egyetemi Kiadó. Debrecen, 2008. 178 s.

25. Agyagási K., Winkler E. (Hrsg.): August Ahlqvist, Tschuwaschiska. Band II. Grammatik. Kossuth Egyetemi Kiadó. Debrecen, 2010. 127 s.

26. Ahlqvist A. Tschuwaschisches Dialektwörterbuch. Kritisch ediert von K. Agyagási und Eb. Winkler. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2024. 330 s.

27. Dallos E. Ahlqvist August. Tschuwaschisches Dialektwörterbuch. Kritisch ediert von Klára Agyagási und Eberhard Winkler Harrassowitz Verlag, Wiesbaden, 2024. 330 s. // Folia Uralica Debreceniensia 31. Debrecen, 2024. S. 382 — 386.

28. Dallos E. Napevő, holdfaló. A volgai törökség hiedelmlényei. Budapest: Balassi Kiadó, 2020. 460 p.

29. Dallos E. Sun-Eater, Moom-Swallower: An Encyclopedia of Volga Turkic Mythical beings with an Anthology. Wien: Austrian Academy of Sciences, 2024. 571 p.

30. Róna-Tas A. Új csuvas hangtörténet. Rec.: Agyagási K. Chuvash Historical Phonetics. An areal linguistic study with an Appendix on the Role of Proto-Mari in the History of Chuvash Vocalism. Turcologica 117. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2019. 333 p. // Magyar Nyelv 115. 2019. № 3. P. 257 — 270.

31. Róna-Tas A., Berta Á. West Old Turkic. Turkic Loanwords in Hungarian. 2 parts. With the assistance of L. Károly. Turcologica 84. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2011. 1514 p.

32. Stumpf A. Dallos Edina: Napevő, holdfaló. A volgai törökség hiedelemlényei // Keletkutatás 2021. Tavasz. Budapest, 2021. P. 161 — 164.

33. Takács M. Megjegyzések az első csuvas grammatika keletkezéstörténetéhez // Nyelvtudományi Közlemények 116. 2020. P. 191 — 220.

34. Zimonyi I. A magyarság korai történetének sarokpontjai. Elméletek az újabb irodalom tükrében. Magyar Őstörténti Könyvtár 28, 2014. Budapest: Balassi Kiadó, 250 p.

35. Zimonyi I. A volgai bulgárok nyelve // "Ázsia világának belsejébe" a XX. Nemzetközi Vámbéry Konferencia előadásai. Szerkesztette: Dobrovits Mihály. Dunaszerdahely, 2023. P. 109 — 126.

36. Zimonyi I. A volgai bulgárok öröksége / A XV. És XVI. Nemzetközi Vámbéry Konferencia előadásai. Dunaszerdahely, 2019. P. 235 — 251.

37. Zimonyi I. K. Agyagási: Chuvash historical phonetics. An areal linguistic study, with an appendix on the role of Proto-Mari in the history of Chuvash vocalism. Turcologica. Band 117. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2019. 333 s. // Acta Linguistica Academiae Scientiarum 67. 2020. P. 480 — 487.

38. Zimonyi I. Középkori nomádok — korai magyarok. Magyar Őstörténeti Könyvtár, 27. Budapest: Balassi Kiadó, 2012. 190 p.

39. Zimonyi I. The Origins of the Volga Bulghars // Studia Uralo-Altaica 32. Szeged, 1990. 211 p.

REFERENCES

1. Adyagashi K. On the formation of the Chuvash language // Linguistic contacts of the peoples of the Volga region and the Urals: collection of articles of the XI International Symposium (Cheboksary, May 21 — 24, 2018) / comp. and ed. by A.M. Ivanov, E. V. Fomin. Cheboksary;2018:6 — 12. (In Russ.)

2. Adyagashi K. A. Alquist's place in the history of the study of the Chuvash language // Chuvash Humanitarian Bulletin. 2008;3:90 — 100. (In Russ.)

3. Adyagashi K. Early Russian borrowings of the Turkic languages of the Volga-Kama area I // Studies in Linguistics of the Volga Region. Vol. II. Debrecen;2005:216. (In Russ.)

4. Adyagashi K. References: Róna-Tas A., Berta Â. West Old Turkish: Turkish Loanwords in Hungarian. Part I — II. Turclogica. Band 84. Harrassovitz Verlag. Wiesbaden, 2011. 1496 p. [Rona-Tash A., Berta A. Western Ancient Turkic. Turkic borrowings in Hungarian. Parts I — II. Wiesbaden, 2011. 1496 p. (Turkologika. Vol. 84)] // Chuvash Humanitarian Bulletin. 2016;11:196 — 211. (In Russ.)

5. Dmitrieva Yu. New in Hungarian Chuvash Studies // Russian Turkology. 2011;1(4):63 — 68. (In Russ.)

6. Dmitrieva Yu. Rec. on: Clara Adyagashi. Early Russian borrowings of the Turkic languages of the Volga-Kama area I // Studies in Linguistics of the Volga Region. Vol. II. Debrecen, 2005. 216 p. // Chuvash Humanitarian Bulletin. 2007;1:194 — 197. (In Russ.)

7. Dmitrieva Yu., Adyagashi K. Hungaro-Tschuwaschica: an annotated bibliographic index of research by Hungarian scientists of the 19th — 20th centuries. Cheboksary;2001:240. (In Russ.)

8. Enderov V. A., Dmitrieva Y. Rec. at: Dallos Edina. Napevő, holdfaló. A volgai törökség hiedelmlényei. Budapest. Balassi Kiadó 2020 / Dallos E. Absorbing the sun, devouring the moon. Characters from the mythology of the Volga Turks. Budapest: Balashikha, 2020. 460 p. // Chuvash Humanitarian Bulletin. 2021;16:229 — 233. (In Russ.)

9. Zimoni I. Western European written sources about the Bulgars: The History of the Tatars. Volume II. Volga Bulgaria and the Great Steppe. Kazan;2006:31 — 33. (In Russ.)

10. Zimoni I. Foreign historiography // The History of the Tatars since ancient times in seven volumes Volume II. Volga Bulgaria and the Great Steppe. Kazan;2006:20 — 24. (In Russ.)

11. Zimoni I. The language of the Volga Bulgars (translated from Hungarian by Yu. Dmitrieva) // Modern Humanities. 2025;1(1):94 — 106. (In Russ.)

12. Famous heroes of the Ob Region based on the material of volume II of the Collection of Vogul Folk Poetry by Bernat Munkachi. Khanty-Mansiysk;2010:150. (In Russ.)

13. Mesarosh D. Monuments of the old Chuvash faith / Dyula Mesarosh; Ed.: Dimitriev V. D., Khuzangai A. P.; translated from the English: Dmitrieva Yu. Cheboksary:2000;360. (In Russ.)

14. Rona-Tash A. New Chuvash Historical Phonetics. Ref. at: Agyagasi K. Chuvash Historical Phonetics. An areal linguistic study with an Appendix on the Role of Proto-Mari in the History of Chuvash Vocalism. Turcologica 117. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2019. 333 p. // Chuvash Humanitarian Bulletin. 2020;15:223 — 234. (translated from Hungarian by Yu. Dmitrieva). (In Russ.)

15. Takach M. Notes on the history of the first Chuvash grammar // Chuvash Humanitarian Bulletin. 2022;17:79 — 103. (translated from Hungarian by Yu. Dmitrieva). (In Russ.)

16. Takach M. A few notes on the work of the Chuvash writer Eva Lisina // Ashmarin readings: collection of proceedings of the X International scientific and practical conference, Cheboksary, October 20 — 21, 2016 Cheboksary;2016:13 — 15. (In Russ.)

17. Takach M. The experience of literary translation from Chuvash into Hungarian (Eva Lisina's story "A Piece of Bread") // Bulletin of the I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University. 2016;4(92):73 — 78. (In Russ.)

18. Fomin E. V. Chuvash studies: current state and development trends // Bulletin of St. Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental studies. Journalism. 2009;2-2:227 — 231. (In Russ.)

19. Agyagási K. A cseremisz tényező szerepe a csuvas hangrendszer történeti változásában. Doktori értekezés tézisei. Debrecen;2002:25. (In Hungarian)

20. Agyagási K. A mari nyelv kapcsolatai a volgai area török nyelveivel // Párhuzamos történetek. Interdiszciplináris őstörténeti konferencia Budapest 2020 november 11 — 13, 2021:63 — 76. (In Hungarian)

21. Agyagási K. Chuvash Historical Phonetics. An areal linguistic study with an Appendix on the Role of Proto-Mari in the History of Chuvash Vocalism. Turcologica 117. Wiesbaden;2019:333. (In English)

22. Agyagási K. Nyugati ótörök és magyar kapcsolatok: tanulságok az ogur hangtörténet számára // Agyagási Klára — Hegedűs Attila — É. Kiss Katalin (szerk.) Nyelvelmélet és kontaktológia 2. 2013: 155 — 172. (In Hungarian)

23. Agyagási K., Csúcs S. Róna-Tas, András — Berta, Árpád: West Old Turkic. Turkic Loanwords in Hungarian. Part I — II. Turcologica. Band 84. Harrassowitz Verlag, Wiesbaden. 2011. 1494 p. // Nyelvtudományi Közlemények. 2012;108:443 — 470. (In Hungarian)

24. Agyagási K., Winkler E. (Hrsg.): August Ahlqvist, Tschuwaschiska. Tschuwaschischer Nachlass von August Ahlqvist. Kossuth Egyetemi Kiadó. Debrecen;2008:178. (In German)

25. Agyagási K., Winkler E. (Hrsg.): August Ahlqvist, Tschuwaschiska. Band II. Grammatik. Kossuth Egyetemi Kiadó. Debrecen;2010:127. (In German)

26. Ahlqvist A. Tschuwaschisches Dialektwörterbuch. Kritisch ediert von K. Agyagási und Eb. Winkler. Wiesbaden;2024:330. (In German)

27. Dallos E. Ahlqvist August. Tschuwaschisches Dialektwörterbuch. Kritisch ediert von Klára Agyagási und Eberhard Winkler Harrassowitz Verlag, Wiesbaden, 2024. 330 s. // Folia Uralica Debreceniensia 31. Debrecen;2024:382 — 386. (In German)

28. Dallos E. Napevő, holdfaló. A volgai törökség hiedelmlényei. Budapest;2020:460. (In Hungarian)

29. Dallos E. Sun-Eater, Moom-Swallower: An Encyclopedia of Volga Turkic Mythical beings with an Anthology. Wien;2024:571. (In English)

30. Róna-Tas A. Új csuvas hangtörténet. Rec.: Agyagási K. Chuvash Historical Phonetics. An areal linguistic study with an Appendix on the Role of Proto-Mari in the History of Chuvash Vocalism. Turcologica 117. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2019. 333 p. // Magyar Nyelv 115. 2019;3:257 — 270. (In Hungarian)

31. Róna-Tas A., Berta Á. West Old Turkic. Turkic Loanwords in Hungarian. 2 parts. With the assistance of L. Károly. Turcologica 84. Wiesbaden;2011:1514. (In English)

32. Stumpf A. Dallos Edina: Napevő, holdfaló. A volgai törökség hiedelemlényei // Keletkutatás 2021. Tavasz. Budapest;2021:161 — 164. (In Hungarian)

33. Takács M. Megjegyzések az első csuvas grammatika keletkezéstörténetéhez // Nyelvtudományi Közlemények 116;2020:191 — 220. (In Hungarian)

34. Zimonyi I. A magyarság korai történetének sarokpontjai. Elméletek az újabb irodalom tükrében. Magyar Őstörténti Könyvtár 28, 2014. Budapest;2014:250. (In Hungarian)

35. Zimonyi I. A volgai bulgárok nyelve // "Ázsia világának belsejébe" a XX. Nemzetközi Vámbéry Konferencia előadásai. Szerkesztette;2023:109 — 126. (In Hungarian)

36. Zimonyi I. A volgai bulgárok öröksége / A XV. És XVI. Nemzetközi Vámbéry Konferencia előadásai. Dunaszerdahely;2019:235 — 251. (In Hungarian)

37. Zimonyi I. K. Agyagási: Chuvash historical phonetics. An areal linguistic study, with an appendix on the role of Proto-Mari in the history of Chuvash vocalism. Turcologica. Band 117. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2019. 333 s. // Acta Linguistica Academiae Scientiarum 67;2020: 480 — 487. (In English)

38. Zimonyi I. Középkori nomádok — korai magyarok. Magyar Őstörténeti Könyvtár, 27. Budapest;2012:190. (In Hungarian)

39. Zimonyi I. The Origins of the Volga Bulghars // Studia Uralo-Altaica 32. Szeged;1990:211. (In English)

Статья поступила в редакцию 29.12.2025;
одобрена после рецензирования 16.04.2026; принята к публикации 01.06.2026
Информация об авторе:
Юдит Дмитриева, старший научный сотрудник
Чувашского государственного института гуманитарных наук
(428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1),
кандидат филологических наук,
judit50@list.ru
Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 29.12.2025;
approved after reviewing 16.04.2026; accepted for publication 01.06.2026
Information about the author:
Yudit Dmitrieva, senior researcher, Chuvash State Institute of Humanities
(29/1, Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia),
Candidate of Philological Sciences,
judit50@list.ru
Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакцие 29.12.2025 çитнĕ;
рецензиленĕ хыççăн 16.04.2026 ырланă; 01.06.2026 пичете йышăннă
Автор çинчен:
Юдит Дмитриева, Чăваш патшалăх гуманитари ăслăлăхĕсен
институчĕн ăслăлăх аслă ĕçтешĕ
(428015, Раççей, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.),
филологи ăслăлăхĕсен кандидачĕ
judit50@list.ru
Пайталăх конфликчĕ: автор пайталăх конфликчĕ çуккине пĕлтерет.
Автор ал çырăвăн юлашки вариантне вуласа тухнă, ырланă.

УДК 811.512.111
ББК 81.635.1

Scientific article

LINGUAPOETIC FEATURES OF PAIRED WORDS IN THE CHUVASH AND MARI LANGUAGES

V. Yu. Kirillova
I. N. Ulyanov Chuvash State University,
Cheboksary, Russia
walentina_83@mail.ru

Abstract. This article examines the linguistic and poetic features of paired words and paired formations in languages with different systems: Chuvash and Mari. The study hypothesizes that paired words and paired formations are well-established linguistic units that express linguistic creativity in the form of a poetic act. The objective of the study is to identify the poetic potential of paired words and paired formations in these languages. The novelty of this research lies in a comprehensive comparative analysis of paired words as poetic lexical units. The observations of linguists show that in the Chuvash and Mari languages paired words are used as expressive stylistic means. They demonstrate the creative possibilities of word formation and offer significant resources for poetic description of reality. The results of the study suggest that this is especially evident at the phonetic level. Such constructions frequently feature alliteration and assonance, as well as the rhyming nature of morphemes and the whole word. All this gives a special musicality and expressiveness to the text, creating unique sound images and an emotional tone.

Keywords: paired words, paired formations, poetic potential, linguapoetic features, Chuvash language, Mari language

For citation: Kirillova V. Yu. Linguapoetic features of paired words in the Chuvash and Mari languages // Modern humanities. 2026;2(2):100 — 106

© Kirillova V. Yu., 2026

Научная статья

ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПАРНЫХ СЛОВ В ЧУВАШСКОМ И МАРИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В. Ю. Кириллова
Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова,
г. Чебоксары, Россия
walentina_83@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассмотрены лингвопоэтические особенности парных слов и парных образований в разносистемных языках: в чувашском и марийском. Гипотеза исследования заключалась в том, что парные слова и парные образования представляют собой устоявшиеся языковые единицы, которые выражают языковое творчество в форме поэтического акта. Цель работы — выявить поэтический потенциал парных слов и парных образований в указанных языках. Научная новизна исследования состоит в комплексном сопоставительном анализе парных слов в качестве поэтических лексических единиц. Наблюдения лингвистов показывают, что в чувашском и марийском языках парные слова используются в качестве выразительных стилистических средств. Они свидетельствуют о творческих возможностях словообразования, обладают значительным потенциалом поэтического описания действительности. Результаты исследования позволяют утверждать, что особенно явно это прослеживается на фонетическом уровне. В парных словах заложены аллитеративность и ассонантность, а также рифмованный характер морфем и всего слова. Все это придает особую музыкальность и выразительность тексту, создавая уникальные звуковые образы и эмоциональный фон.

Ключевые слова: парные слова, парные образования, поэтический потенциал, лингвопоэтические особенности, чувашский язык, марийский язык
Для цитирования: Кириллова В. Ю. Лингвопоэтические особенности парных слов в чувашском и марийском языках // Современная гуманитаристика. 2026. Т. 2. № 2. С. 100 — 106

Ăслăлăх статйи

ЧĂВАШ ТАТА ÇАРМĂС ЧĔЛХИСЕНЧИ МĂШĂР СĂМАХСЕН ЛИНГВОПОЭТИКА УЙРĂМЛĂХĔСЕМ

В. Ю. Кириллова
И. Н. Ульянов ячĕллĕ Чăваш патшалăх университечĕ,
Шупашкар хули, Раççей
walentina_83@mail.ru

Аннотаци. Статьяра чăваш тата çармăс чĕлхисенчи мăшăр сăмахсен лингвопоэтика уйрăмлăхĕсене пăхса тухнă. Тĕпчев гипотези: мăшăр сăмахсемпе мăшăр майлашусем — поэтика функцине пурнăçласа чĕлхен илемлĕхе палăртас пултарулăх шайне кăтартакан хатĕрсем. Тĕпчев тĕллевĕ — асăннă чĕлхесенчи мăшăр сăмахсемпе майлашусен поэтика (сăнарлăхпа илемлĕхе палăртас) хевтине уçса парасси. Тишкерӳ çĕнĕлĕхĕ мăшăр сăмахсене вĕсем поэтика мелĕ пулма пултарнине кура пĕтĕмĕшле танлаштарнинче палăрать. Чĕлхеçĕсем сăнанă тăрăх, чăваш тата çармăс чĕлхисенчи мăшăр сăмахсем илемлĕх мелĕ калăплама усă куракан стиль хатĕрĕсем пулаççĕ. Вĕсем чĕлхери сăмах пулăвĕн тухăçлăхне, чăнлăха илемлĕх мелĕсемпе сăнлама пулăшакан меслетсен пуянлăхне кăтартаççĕ. Тишкерӳ ку тĕлĕшпе сасă шайĕнчи палăрăмсем уйрăмах витĕмлĕ пулнине уçса парать. Мăшăр сăмахсенче тăтăшах пĕр йышши хупă сасăсен тата уçă сасăсен янăравĕ (аллитераципе ассонанс) асăрхама пулать. Ку ушкăнра сăмахсем çеç мар, вĕсен сыпăкĕсем те рифмăланаççĕ. Çаксем пурте текста хăйне евĕр сасă сăнарĕпе, кăмăл-туйăмпа эрешлесе хăйне евĕр кĕвĕлĕх тата чĕрĕлĕх кӳреççĕ.

Тĕп сăмахсем: мăшăр сăмахсем, мăшăр майлашусем, поэтика хăвачĕ, лингвопоэтика уйрăмлăхĕсем, чăваш чĕлхи, çармăс чĕлхи
Цитатăлама: Кириллова В. Ю. Чăваш тата çармăс чĕлхисенчи мăшăр сăмахсен лингвопоэтика уйрăмлăхĕсем // Хальхи гуманитаристика. 2026. 2 т. 2 №. С. 100 — 106

Introduction

Paired words and paired formations are becoming increasingly popular as objects of study among linguists. This is explained by the fact that they occupy a unique place in the lexical system of a language, opening up new horizons for understanding linguistic structures and their functionality. In the field of studying paired words in Russian, the scientific contribution of F. R. Minlos, outlined in his work “Reduplication and Paired Words in East Slavic Languages”, is noteworthy[1]. In his study, the author clearly draws a distinction between paired words and reduplication, but also considers the possibility of analyzing them simultaneously[2]. In the Ural-Altaic languages, paired words represent common, everyday vocabulary, and their topic has been examined in sufficient detail using material from the Turkic and Finno-Ugric languages. It is believed that contacting

[1] Minlos F. R. Reduplication and paired words in East Slavic languages: abstract of the dissertation of the Candidate of Philology: 10.02.03 / Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 2004. 20 p.
[2] Ibid.:3 — 4.

languages, especially Eastern ones, influenced the development of Russian paired word formation [4].

In Chuvash linguistics, a number of articles and monographs have been devoted to paired words and their functioning. These include the scholarly works of N. I. Ashmarin [2; 3], N. A. Andreev [1], I. P. Pavlov [6] and G. N. Semenova [8; 9]. The works of M. R. Fedotov [10] undoubtedly contribute to the study of Chuvash-Mari paired formations. However, despite the diversity of these scholarly works, the poetic potential of paired words and formations remains underexplored. In our opinion, a comparative approach can help identify general trends and understand the unique poetic devices characteristic of each language system.

The purpose of this work is to identify the poetic potential of paired words and paired formations in the Chuvash and Mari languages.

Materials and methods

The research material comprised dictionaries of paired words in the Chuvash[3] and Mari[4] languages, derived from the new reverse Chuvash dictionary and the Mari language dictionary. The study utilized vocabularies of paired words in the Chuvash and Mari languages, based on the new reverse dictionary of the Chuvash language and the dictionary of the Mari language. Additional considerations included materials from the scholarly works of N. I. Ashmarin, the Mari language corpus, oral folklore, and scholarly studies on paired words and paired formations.

The choice of research methods was determined by the stated goal and the range of tasks to be solved. The comparative analysis is based on the comparative method, which allowed us to identify the linguapoietic features of paired words. The study also utilized methods of linguistic analysis, description, generalization, systematization, and classification of the collected materials.

Results and Discussion

We define paired words as combinations of several lexical units that are in synonymous, associative or antonymous relationships with each other, for example in Russian: *друзья-товарищи* (friends + comrades), *худо-бедно* (bad + poor), *туда-сюда* (there + here); in Chuvash: *тăван-хурăнташ* ‘relatives’ (*тăван* ‘relative’ + *хурăнташ* ‘relative’), *атте-анне* ‘parents’ (*атте* ‘father’ + *анне* ‘mother’), *ир-каç* ‘in the mornings and evenings’ (*ир* ‘morning’ + *каç* ‘evening’) [5].

We classify lexemes with reduplication as a type of paired words. For example, in the Chuvash language: *шăршă-маршă* ‘every smell’ (*шăршă* ‘smell’ + *маршă* — unvalued echoic component); *ахаль-махаль* ‘just like that’ (*ахаль* ‘just like that’ + *махаль*).

The study of paired words allows us to gain a deeper understanding of their role in language and identify unique lexical and poetic features across various languages. It should be noted that paired words as lexical units possess a number of specific characteristics at all levels of the linguistic system. At the phonetic level, paired words and formations represent interesting examples of word formation due to their harmonious rhythmic and rhyming organization, characterized by alliteration and assonance. In our research, we observed that paired words and

[3] Zheltov P., Fomin E., Luutonen J. Reverse dictionary of Chuvash / Lexica Societatis Fenno-Ugricae; Société Finno-Ougrienne. Helsinki, 2009:344.

[4] Dictionary of the Mari language: in 10 volumes / Mari Scientific Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasiliev. Yoshkar-Ola, 1990 — 2005.

paired formations with divergent repetition are particularly distinguished by their rhythmic and sound design.

Paired word formation reveals a particularly active form of linguistic creativity, where word combinations play a crucial role in creating the aesthetics and rhythmic structure of the text. All the main verse-forming elements (rhythm, rhyme, alliteration, and assonance) work together, enhancing the expressiveness and emotional richness of the poetic text. Rhythm establishes the pulse of the text, allowing the reader or listener to return again and again to the most expressive moments. Rhyme enhances musicality by creating memorable word pairs that can be paired together, adding harmony. Alliteration (the repetition of consonant sounds) creates a sense of dynamism and creates imagery through phonetic expressiveness. Assonance, in turn, enriches the text through the repetition of voiceless or voiced vowels, effectively drawing attention to certain words or phrases. All these aspects of paired word formation contribute to the creation of unique linguistic forms that not only convey meaning but also activate associative connections, imbuing the text with vivid, emotional nuances. Thus, paired words become not just lexical units but a powerful tool for creating artistic effect and conveying depth of emotion.

The poetic potential of paired words and phrases is determined by the characteristics of the linguistic system, including structurally related phenomena—simple imitative words and lexical repetition as a grammatical category. These phenomena prepare and strengthen paired words, giving them a familiar functional sound. Imitative words are actively used in colloquial speech and are often found in folklore texts. Lexical repetition is a common element of Chuvash and Mari speech, especially in Chuvash, where a medium-length text rarely does without this technique.

All the phonetic elements that organize poetry — rhythm, rhyme, alliteration, and assonance — are included in the composition of paired words with divergent repetition, for example, in Chuvash *кăчăрт-качăрт* means an imitation of crunch, where the rhythm is formed by the equal length of the components and the stress of the first syllables, and the consonance practically acts as a rhyme; cf. also in Chuvash *кукăр-макăр* ‘crooked’ < *кукăр* ‘crooked’ + *макăр*; in Mari *шырт-март* means imitation of fast action, in Mari *сыгыр-сугыр* ‘crooked’ < *сыгыр* + *сугыр* ‘crooked’.

Paired words with poetic elements are often found in oral folklore, especially in riddles. These elements lend the riddles a special expressiveness and rhythm [7]. For example, the following examples are found in Chuvash riddles:

Chuvash: *Йăкăр-якăр, пăлтăр-палтăр, кăвак шурă, хаяр куç*. ‘*Йăкăр-якăр, пăлтăр-палтăр*, white and blue, evil eye’ (winter), where *йăкăр-якăр* — an imitation of sliding, but *пăлтăр-палтăр* — an imitation of chaotic tumbling.

Poetic elements can also be found in Mari riddles:

Mari: *Кок изак-шоляк корно кок могырышто веле илат гынат, нигунам ваш огыт лий.* ‘Two brothers live across the street but never meet’ (day and night).

Such paired formations create expressive images and add melody to folklore texts of small genres [7].

Paired words with reduplication are an important element in folklore texts, especially in riddles. They necessarily contain alliteration and assonance, which contribute to their expressiveness and consonance. An important property of imitative paired words is their ability to be meaningful only within the context of the original texts, in our case, in riddles. Cf.:

Chuvash: *Иххи-паххи, тăлтти-талтти*, where *иххи-паххи* — a designation of a horse based on imitation of its neighing *иххи*, also his childhood name *паххи*, *тăлтти-талтти* — an imitation of kicking legs;

Mari: *Сандалык йыр савырна, кырт-карт веле перна*. 'It flies around the world, only its wings flickering', where *кырт-карт* — an imitation of rapid movement.

In Chuvash folklore, paired formations are used to creatively reinterpret words and texts themselves. As an example we consider the following riddle:

Chuvash: *Инкерлĕ-синкерлĕ, çулталăксăр тапранмĕ*. '*Инкерлĕ-синкерлĕ*, it will only start growing in a year' (winter rye), where *инкерлĕ-синкерлĕ* — a result of transformation *инкеклĕ-синкеклĕ* 'unhappy', but *инкек-синкер* < *инкек* 'grief' + *синкер* 'grief', or a paired word with a base *синкер* with right-sided reduplication *инкер*. Thus, paired words with reduplication do offer interesting possibilities for playful and expressive interpretation in oral folklore.

Phonetically, the components of paired words can have full, partial and synharmonic rhymes, creating unique sound effects and enhancing the artistic perception of the text: full rhyme — in Chuvash: *вĕлтрен-пиçен* 'nettle and thistle'; in Mari: *ача-коча* 'ancestors', partial rhyme — in Chuvash: *ырми-канми* 'tirelessly'; in Mari: *колаш-илаш* 'without sparing his life'; synharmonic rhyme — in Chuvash: *чĕрлĕх-чунлăх* 'living creatures'.

Synonymous-associative and antonymous relationships between the components of paired formations also lead to rhythm: in Chuvash: *алсă-чăлха́* 'clothes for arms and legs', *вĕрӳ́-сӳру́* 'witchcraft'; in Mari: *ӧлыш-ка́сыш* 'life and being', *шӧ̀ре-ко́чо* 'joys and sorrows'.

Such paired formations not only enhance the poetic rhythm but also create figurative associations, imbuing the text with additional meaning. The use of paired formations with varied rhymes and rhythmic elements allows poets and storytellers to convey the mood, impact, and depth of meaning they wish to express. Asymmetrical combinations are also permissible in paired formations (in Chuvash *вăй-хăва́т* 'strength, power' — (*вăй* 'strength' + *хăват* 'power'), *тус-юлта́ш* 'friends and comrades' — (*тус* 'friend' + *юлташ* 'comrade'); in Mari *кид-шӱ́ргӧ* 'hands and face' — (*кид* 'hand' + *шӱргӧ* 'cheek, face'), *лум-пора́н* 'blizzard' — (*лум* 'snow' + *поран* 'snowstorm; blizzard, snowstorm, blizzard'), this adds interesting rhythmic elements and a richness of meaning. Such constructions, with a unified and indivisible rhythmic organization, emphasize the interrelationship of the components, creating unique figurative associations.

Thus, paired words in the Chuvash and Mari languages act as one of the stylistically colored lexical units with wide poetic possibilities.

Conclusion

Paired words and word formations are a legacy of folklore and colloquial speech. In the Chuvash and Mari languages, they represent interesting lexical units that demonstrate a creative approach to language. Their harmonious rhythmic and rhyming organization creates a melody, while alliteration and assonance enhance expressiveness, making these words appealing to the ear.

During linguistic development, paired words in the Chuvash and Mari languages acquired characteristic stylistic functions, such as expressiveness, emotionality and emphasis. These features contributed to their frequent use in the language.

We see prospects for further research in identifying the linguapoietic features and characteristics of paired formations not only in the languages considered in this work, but also in other languages of Russia and the world.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андреев Н. А. Чăваш чĕлхин лексикологийĕ. Шупашкар: Чăвашгосиздат, 1961. 160 с.
2. Ашмарин Н. И. Основы чувашской мимологии (о подражательных словах в чувашском языке). Казань: Изд. чуваш. нац. орг., 1918. 10 с.
3. Ашмарин Н. И. Подражание в языках Среднего Поволжья. Казань, 1925. 44 с.
4. Ерина Т. Н., Фомин Э. В. Жили-были... К проблеме парных слов русского языка // Вестник Чувашского университета. 2016. № 4. С. 190 — 195.
5. Кириллова В. Ю. Парные слова в чувашском и марийском языках. Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова, 2024. 160 с.
6. Павлов И. П. Парные слова в современном чувашском языке // Исследования по этимологии и грамматике чувашского языка: сборник статей / НИИЯЛИЭ. Чебоксары, 1988. С. 56 — 77.
7. Родионов В. Г. Чувашский стих: проблемы становления и развития. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1992. 223 с.
8. Семенова Г. Н. Композитообразование в чувашском языке и его национальная специфика. Москва: Прометей, 2005. 317 с.
9. Семенова Г. Н., Иванова А. М. Повтор в лексической системе современного чувашского языка: сравнительно-сопоставительное исследование: монография. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2021. 160 с.
10. Федотов М. Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск: Изд-во Саран. ун-та, 1990. 335 с.

REFERENCES

1. Andreev N. A. Chuvash chulkhin of Lexicology. Shupashkar;1961:160. (In Chuvash)
2. Ashmarin N. I. Fundamentals of Chuvash mimology (on imitative words in the Chuvash language). Kazan;1918:10. (In Russ.)
3. Ashmarin N. I. Imitation in the languages of the Middle Volga region. Kazan;1925:44. (In Russ.)
4. Erina T. N., Fomin E. V. Once upon a time... On the problem of paired words in the Russian language // Bulletin of the Chuvash University. 2016;4:190 — 195. (In Russ.)
5. Kirillova V. Y. Paired words in the Chuvash and Mari languages. Cheboksary;2024:160. (In Russ.)
6. Pavlov I. P. Paired words in the modern Chuvash language // Research on the etymology and grammar of the Chuvash language: collection of art. Cheboksary;1988:56 — 77. (In Russ.)
7. Rodionov V. G. Chuvash verse: problems of formation and development. Cheboksary;1992:223. (In Russ.)
8. Semenova G. N. Composition education in the Chuvash language and its national specifics. Moscow;2005:317. (In Russ.)
9. Semenova G. N., Ivanova A. M. Repetition in the lexical system of the modern Chuvash language: a comparative study: monograph. Cheboksary;2021:160. (In Russ.)
10. Fedotov M. R. Chuvash-Mari linguistic interrelations. Saransk;1990:335. (In Russ.)

The article was received by the editors on 25.12.2025;
approved after reviewing 16.02.2026; accepted for publication 01.06.2026
Information about the author:
Valentina Yu. Kirillova, associate professor,
I. N. Ulyanov Chuvash State University
(15, Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia),
Candidate of Philological Sciences,
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4343-3610, walentina_83@mail.ru
Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья поступила в редакцию 25.12.2025;
одобрена после рецензирования 16.02.2026; принята к публикации 01.06.2026
Информация об авторе:
Кириллова Валентина Юрьевна, доцент
Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова
(428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 15),
кандидат филологических наук,
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4343-3610, walentina_83@mail.ru
Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Статья редакцие 25.12.2025 çитнĕ;
рецензиленĕ хыççăн 16.02.2026 ырланă; 01.06.2026 пичете йышăннă
Автор çинчен:
Кириллова Валентина Юрьевна, И. Н. Ульянов ячĕллĕ
Чăваш патшалăх университечĕн доценчĕ
(428015, Раççей, Шупашкар хули, Мускав пр., 15),
филологи ăслăлăхĕсен кандидачĕ
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4343-3610, walentina_83@mail.ru
Пайталăх конфликчĕ: автор пайталăх конфликчĕ çуккине пĕлтерет.
Автор ал çырăвăн юлашки вариантне вуласа тухнă, ырланă.

УДК 821.512.111.09
ББК 833(2Рос.Чув)6

Ăслăлăх статйи

2011 — 2020 ҪУЛСЕНЧИ ЧĂВАШ ПОЭЗИЙĔНЧИ ҪАМРĂК АВТОРСЕН ПУЛТАРУЛĂХĔ

И. В. Софронова
И. Н. Ульянов ячĕллĕ Чăваш патшалăх университечĕ,
Шупашкар хули, Раççей
muxtar2@yandex.ru

Аннотаци. Статьяра 2011 — 2020 çулсенче чăваш литературинче палăрнă çамрăк авторсен пултарулăхне пăхса тухнă. Тĕпчев ĕçĕн объекчĕ — М. Петровăн, Т. Элкейăн, О. Австрийскаян, Л. Петровăн уйрăм кĕнекере, журналта, интернет уçлăхра пичетленнĕ сăввисем. Ку авторсене вĕсен хайлавĕсем пичетре час-часах тĕл пулнăран, вĕсем общество пурнăçне тăтăшах хутшăннăран суйласа илнĕ. Ĕçре сăнлав, танлаштарулла тĕпчев мелĕсемпе, çавăн пекех тишкерӳпе интерпретаци мелĕсемпе усă курнă. Çакă сăвăçсен хайлавĕсен хăйне евĕрлĕхне тупса палăртма, вĕсем çине-çинех усă куракан метафорăсемпе символсен пĕлтерĕшне ăнлантарма, чăваш классика поэзийĕн традицийĕсемпе çыхăну пуррине кăтартма май парать. Çамрăк авторсем чăваш поэзийĕнче нумай çул хушши çирĕпленнĕ самантсене малалла аталантараççĕ, тĕнче литературин пуян опытне шута илеççĕ, пурнăç çине хăйне евĕрлĕ пăхнине палăртаççĕ, поэзири çĕнĕ жанр формисене, сăнарлăха, ытарлă чĕлхене шырас ĕçре хăйсен пултарулăхне кăтартаççĕ. Поэзи анинче О. Австрийскаяпа Л. Петрова ытларах традициллĕ жанрсене, сăвă хывăма кăмăллаççĕ пулсан, М. Петровăпа Д. Элкей форма шыравĕпе, шухăша сăнарлăрах калассипе уйрăлса тăраççĕ. Çамрăк авторсем лирикăллă сăвă, тавтограмма, юптару, шӳтлĕ сăвă, ирĕклĕ сăвă жанрĕсене, интимлă, пейзаж, философиллĕ, гражданлă хавхасене кăмăллани курăнать.

Тĕп сăмахсем: сăвă, поэтика, автор, тавтограмма, метафора, паянхи чăваш поэзийĕ
Цитатăлама: Софронова И. В. 2011 — 2020 çулсенчи чăваш поэзийĕнчи çамрăк авторсен пултарулăхĕ // Хальхи гуманитаристика. 2026. 2 т. 2 №. С. 107 — 115

© Софронова И. В., 2026

Научная статья

ЧУВАШСКАЯ ПОЭЗИЯ 2011 — 2020 ГОДОВ: СВОЕОБРАЗИЕ ТВОРЧЕСТВА МОЛОДЫХ АВТОРОВ

И. В. Софронова
Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова,
г. Чебоксары, Россия
muxtar2@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу творчества молодых чувашских авторов, пришедших в литературу в период с 2011 по 2020 г. Материалом для исследования стали стихотворения М. Петровой, Т. Элкея, О. Австрийской, Л. Петровой, опубликованные в отдельных книгах, на страницах журналов, в социальных сетях. Выбор авторов для исследования связан с частотой их публикаций, активностью в общественной жизни. В работе использовались описательный и сравнительный методы исследования, а также методы анализа и интерпретации, которые позволили выявить своеобразие творчества авторов, прокомментировать смысл используемых ими частых метафор и символов, проследить связь с традициями чувашской классики. Молодые авторы продолжают традиции,

выработанные в чувашской поэзии на протяжении многих лет, учитывают опыт мировой литературы, выражают особый взгляд на мир, проявляют себя в поиске новых жанровых форм, образности и поэтического языка. Поэзия О. Австрийской и Л. Петровой отличается тяготением к традиционным жанрам, размерам стиха. М. Петрова и Д. Элкей предпочитают поиски новых форм, стремятся к образности языка. Для творчества молодых чувашских поэтов характерны такие жанры, как лирическое стихотворение, тавтограмма, басня, шуточное стихотворение, вольный стих, интимный, пейзажный, философский, гражданский пафос.

Ключевые слова: стихотворение, поэтика, автор, тавтограмма, метафора, современная чувашская поэзия

Для цитирования: Софронова И. В. Чувашская поэзия 2011 — 2020 годов: своеобразие творчества молодых авторов // Современная гуманитаристика. 2026. Т. 2. № 2. С. 107 — 115

Scientific article

CHUVASH POETRY OF 2011 — 2020: THE ORIGINALITY OF THE WORK OF YOUNG AUTHORS

I. V. Sofronova
I. N. Ulyanov Chuvash State University,
Cheboksary, Russia
muxtar2@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the creative work of young Chuvash authors who entered literature between 2011 and 2020. The material for the study consists of the poems of M. Petrova, T. Elkay, O. Austrianskaya, L. Petrova, published in separate books, in magazines, and on social networks. The choice of authors is based on the frequency of their publications and their activity in public life. The work used descriptive and comparative methods, as well as analysis and interpretation, which made it possible to identify the originality of the authors' work, comment on the meaning of their frequent metaphors and symbols, and trace their links to the traditions of Chuvash classical literature. Young authors continue the traditions developed in Chuvash poetry over the years, take into account the experience of world literature, express a special view of the world, and explore new genre forms, imagery, and poetic language. The poetry of O. Austrianskaya and L. Petrova is distinguished by his attraction to traditional genres and regular verse forms. M. Petrova and T. Elkay prefer the search for new forms and strive for the imagery of language. The work of young Chuvash poets is characterized by such genres as lyric poetry, tautogram, fable, comic poetry, free verse, as well as intimate, everyday, philosophical, and civic themes.

Keywords: poem, poetics, author, tautogram, metaphor, modern Chuvash poetry

For citation: Sofronova I. V. Chuvash poetry of 2011 — 2020: the originality of the work of young authors // Modern humanities. 2026;2(2):107 — 115

Кӳртӗм

2010 — 2020 çулсенчи чăваш поэзийӗнче пултарулăх çулӗ çине тӗрлӗ тапхăрта тăнă авторсем тăрăшаççӗ: 1960-мӗш çулхисенчен пуçласа 2000-мӗш çулхисем таранах. Литература ăнинче пӗрремӗш утăм тăвакансем те сахал мар. Вӗсем хушшинче аслă шкулта вӗренекен студентсем те, çулӗпе аслăрах авторсем те пур. Эпир хамăр тӗпчевре çамрăк авторсен шутне çулӗпе çамрăккисене кӗртетпӗр. Паллă ӗнтӗ, яш чухне кирек камăн та сăвă çырса шухăша палăртас килет, хумхантаракан туйăма çапла майпа пусарас килет. Сăвăласа çырнă пӗрремӗш хайлава журналта пичетлени, уйрăм кӗнеке кăларма пултарни чăн-чăн сăвăç пулса тăнине пӗлтермест-ха. Пӗрремӗш утăм хыççăн проза çырма тытăнни е пачах литература

çулĕнчен пăрăнни те пулма пултарать. Пултарулăха вăхăт тĕрĕслени те кирлĕ. Çавна май эпир иртнĕ вунă çуллăхра палăрнă авторсем паянхи кун та пичетленнине шута илсе хамăр тĕпчевре Мальвина Петровăн (1989), Ольга Австрийскаян (1990), Лариса Петровăн (1990), Таниял Элкейăн (2003) сăввисене тишкерме тĕллев лартрăмăр. Литературăра пĕлтерĕшлĕ вырăн йышăнакан авторсем те тахçан пĕрремĕш утăмсем тунă. Критиксемпе тĕпчевçĕсем вĕсен пултарулăхне вăхăтра асăрхани, хавхалантарни малашнехи ăсталăхне витĕм кӳнĕ. Хăйне евĕрлĕ хаклав паянхи çамрăк сăвăçсемшĕн те кирлех.

Тĕпчев материалĕсем тата меслечĕсем

Статьяра 2011 — 2020 çулсенче палăрнă тăватă çамрăк авторăн пултарулăх уйрăмлăхĕсене тишкерме тĕллев лартрăмăр. Вĕсен сăввисем халиччен «Тăван Атăл» журналта, уйрăм кĕнекесенче, «Вконтакте» социаллă тетелте пичетленнĕ. Илемлĕ хайлавсене тĕпчеме сăнлав, тишкерӳ, танлаштару, интерпретаци меслечĕсемпе усă куртăмăр. Сăнлав, тишкерӳ меслечĕсем хайлавсен тытăмĕн уйрăмлăхĕсене, сăнарлăх системине, чĕлхе уйрăмлăхĕсене, жанр традицийĕсене палăртма май пачĕç. Танлаштару мелĕ сăвăçсен хайлавĕсемпе чăваш классика литературине хушшинчи çыхăнава асăрхама пулăшрĕ: сăвăçсем традициллĕ сăвă жанрĕсене, виçисене кăмăллаççĕ, вĕсен пултарулăхĕнче вырăс тата чăваш классикĕсен сăввисемпе пĕрпеклĕхсем пур. Интерпретаци меслечĕ хайлаври метафорăна, символа ăнлантарса парас ĕçре тухăçлă пулчĕ.

Тĕпчев результачĕсем, вĕсене сӳтсе явни

Вырăс поэзийĕн 2010-мĕш çулĕсенчи тăрăмне хакланă май Игорь Дуардович тĕпчевçĕ çак тапхăра «поэзири шăтăк» (поэтическая яма) тесе ят парать: ку термин ача сахал çуралнă вăхăта палăртакан терминпа пĕр пĕлтерĕшлĕ. Сăмах кунта литературăри хайлавсен тата авторсен шучĕ, пахалăхĕ пирки çеç пымасть, ытларах поэтика, ытарлă пĕлтерĕш, сăнарлă чĕлхе çинчен, кунсăр пуçне, поэзири хăй евĕрлĕхне кăтартас ĕçри кризиса та пĕлтерет. Пушăлăх хуçаланнине мĕнпур çĕнĕлĕхĕ 2000-мĕш çулсенче пулса иртнипе тата ку вăхăтра проза ытларах вăй илнипе сăлтавлать вăл [1]. Паянхи вырăс поэзийĕнче пушăлăх хуçаланнине курни тĕпчевçĕ мĕн шыранинчен те килет пулас. Вăл тĕлĕнтерсе яракан автора, хайлава курас тенине пула кулленхи савăнăçпа тунсăх çинчен, пурнăçри çитменлĕхсене кăтартакан сăвăсене хакламасăр, асăрхамасăр хăварать.

Вырăс мар халăхсен литературинче лару-тăру урăхларах пулни курăнать. Тĕслĕхрен, çармăс сăвăçисем йăлана кĕнĕ темăсене ытларах хускатнине асăрхаççĕ тĕпчевçĕсем. Ку темăсем сĕм авалтанах килеççĕ. Сăвăçсем шурă хурăна, лапсăркка çăкана, мăнаçлă юмана сăнарлаççĕ. Кайран, черетпе, çак темăсем: тăван ял, Атăл, Илет е Кокшага юхан шывĕсем. Ку йышши сăвăсенче фольклор паллисем тĕл пулаççĕ. Кунсăр пуçне, çармăс сăвăçисемшĕн юрату теми те актуаллă. Малтанхи тапхăрсенче вĕсем сăнлакан юрату телейлĕ пулнă пулсан, халĕ — ытларах телейсĕр. Пурнăç пĕлтерĕшĕ çинчен шутласа çырнă сăвăсем те сахал мар [4].

Палăртнă тапхăрти чăваш поэзийĕ те хăйĕн еккипе аталанса пырать. Аслăрах çулхи авторсемпе юнашар çамрăк сăвăçсем те тăрăшаççĕ, уйрăм кĕнекесем пичетлеççĕ, Раççей шайĕнче иртекен пултарулăх ăмăртăвĕсенче çĕнтереççĕ. «Тăван Атăл» журналта аслă шкулта вĕренекен студентсем час-часах пичетленеççĕ: Р. Сайфутдинован ирĕклĕ сăввисенчи лирика харкамçи хăйне, йăх тымарĕсене шырать. Сăвăра пурнăçа чун ыратăвĕ урлă йышăнасси те пур. Светлана Акнар (Поликарпова), педагогика университечĕн студентки, «Ман тĕнчен Уткайăкĕ» (2012) кĕнеке пичетлесе кăларать. Вăл тăван тăрăх, пурнăçра тĕл пулнă ырă

çынсем çинчен сăвăсем çырать. Вĕсемпе танлаштарсан, М. Петрова, Т. Элкей, О. Австрийская, Л. Петрова сăввисем урăхларах пулни курăнать, вĕсем хайлавĕсене çине-çинех пичетлеççĕ, республикăри литература, культура пурнăçне хутшăнаççĕ, аслă çулхи авторсен ырă хаклавне тивĕçлĕ пулчĕç.

Çамрăк сăвăçсен хăйсен вăйне малтанах традициллĕ формăпа сăвăсем çырса тĕрĕслесе пăхас йăла пур. Хăшĕ-пĕри çак тапхăра шкул, студент çулĕсенче пурăнса ирттерсе ярать. Вĕсен вулакан умне тухнă пĕрремĕш пичетленнĕ сăввисем, кĕнекисем авторĕ шыраврa пулнине кăтартса параççĕ. М. Петрова журналистка, спортсменка «хайлавĕсем, çамрăк поэт шыраврa пулин те, хăйне евĕр илтĕнеççĕ»[1]. Унăн поэзийĕнчи çĕнĕлĕх калас тенине хăюллăн калама пултарнинче, шухăша палăртма çĕнĕ формăсем шыранинче, сăмах тата сасă шайĕнчи илемлĕх мелĕсемпе ĕçлеме тăрăшнинче палăрать. Вăл сăввисене «Вконтакте» социаллă тетелте вырнаçтарать, «Çамрăксен хаçатĕнче», «Тăван Атăлта» пичетлет, «Пĕччен Хĕвел» (2022) сăвă пуххи кăларнă.

Сăвăç кăмăлне çуралса ӳснĕ тăрăхăн илемĕ, шухă ĕмĕтсен ирĕклĕхĕ çĕклеççĕ. Çав хушăрах пурнăçри тĕрĕсмарлăхсене йышăнманнине, йывăрлăхсене чăтса ирттернине палăртать вăл, пурнăçпа вилĕм пĕлтерĕшĕ çинчен те шухăшлать. Çулĕпе çамрăк пулин те, автор тивĕçлĕ пĕтĕмлетӳ тăвать: хуйхи те, савăнăçĕ те вăхăтлăх çеç. М. Петрова этемĕн чунне тĕпчет, ӳнер пĕлтерĕшĕ çинчен шухăшлать, туслăха тата юратăва мухтать.

Сăвăç чăтса ирттернине, чунне мĕн ыраттарнине е савăнтарнине тӳрремĕн каласа пама васкамасть. Çакна асаилӳ, туйăмлăх, ассоциаци çинче никĕсленнĕ сăнарлă чĕлхе йĕркелет («Хăрамастăп» сăвă). Сăвăри Хĕвелпе Уйăх, Тӳпепе Çăлтăр, Шурă Акăш сăнарĕсем ытарлă пĕлтерĕшлĕ, халăх сăмахлăхĕнчи семантикăна упраççĕ. Кĕнеке ячĕ валли суйласа илнĕ «Пĕччен Хĕвел» сăвăра сăнарăн пĕчченлĕхне сăлтавлакан тĕлĕк-халап шутласа кăларнă. Вăл лирика харкамçине хăйне те пĕлтерет. Ултавлă, шанчăксем тӳрре тухман пурнăçра вăл хăйне тăр пĕччен туять, çапах ниме пăхмасăр, хăйне хĕрхенмесĕр ыттисене пулăшма хатĕр.

М. Петрова пултарулăхĕнче ытларах традициллĕ сăвă виçи тĕл пулать. Сăвăсенчи çаврасем тăватă йĕркеллĕ, икĕ е виçĕ сыпăклă виçене çирĕппĕн тытса пынă. Çавăн пекех вăл хăйне ирĕклĕ сăвăра та тĕрĕслесе пăхать. Унăн паллисем «Тăвăл» сăвăра пур[2]:

Тăвăртан тулхăрса тăракан тăвăла
Кăкăрта кăкарса тăтăрха тăллама
Хăтланни кăлăхах!
Кăшласа кăшăла
Тухатех!
Талпăнса — таптаса: тавăрма!
Тавăрма!..
Тавăрманшăн ăна: вăхăтра.

Сăвăра тавтограммăсем йышлă. Традициллĕ тавтограммăран вăл *т* сас паллинчен çеç мар, *х*, *к*, *в* сас паллисенчен пуçланакан сăмахсене, йĕркесене кĕртсе янипе уйрăлса тăрать. Аллитераци сăввăн шăнăрне йĕркелет. *Т* сасă эмоци сир-

[1] Хмыт А. Мальвина Петровăн сăввине пĕрре вуласан — ялан вулассăм килет // «Сувар»: [сайт]. URL: https://suvargazeta.ru/news/cn-khyparsem/malvina-petrovan-savvine-prre-vulasan-ialan-vulassam-kilet (пăхнă кунĕ: 24.09.2024).

[2] Петрова М. Пĕччен Хĕвел: сăвăсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2022. С. 20.

пĕнсе тухнине палăртма кирлĕ. «Ку йĕркесенче аллитераципе ассонанс та пур, унсăр пуçне автор сăмах туйăмне пĕлни, вĕсемпе тирпейлĕ те тĕплĕ усă курни курăнать»[3].

«Хăрамастăп» сăвва картлашкапа çырнă. Картлашки сулахаялла та, сылтăмалла та пăрăнать[4]. Йĕркери сăмахĕсен малти тата вĕçĕнчи састаш пуррине кура ăна панторим (е панторифма — тулли рифмăна усă курни, сăмахăн вĕçĕ çеç мар, сăмахĕ е сăмах çаврăнăшĕ пĕр пек илтĕнни) мелĕпе çырнă теме пулать[5]:

Хăрат.
Хурат.
Хăвах куран:
Хăрман
хăват
хунать
Харкам…

«Хăйне евĕрлĕ кӳлепеллĕ, кукăр йĕркесен ĕренкиллĕ сăвă калăпланать. Вăл тулаш енчен те вĕр-çĕнĕ (илĕртӳллĕ) пулса тăрать. Сăвă кӳлепипе шухăшĕ пĕр çыхăра тăраççĕ, вĕсене уйăрма май çук. Эппин, автор çырнă сăмахсене вырăнĕпе улăштарма пачах та юрамасть»[6].

Сăвăç манăça туха пуçланă сăмахсене сăвва кĕртни кăсăклă. Вĕсем юрату лирикинче ытларах тĕл пулаççĕ. Чĕре тĕпĕнчи туйăмсене палăртма меллĕ вĕсем. Автор çав сăмахсен пĕлтерĕшне ятарласа аса илтерет, вĕсемпе кулленхи пурнăçра усă курма вĕрентет. Кивелнĕ сăмахсене сăвва кĕртсе «сасăпа выляса пĕли-пĕлми кĕрсе каймасть вăл, кашни сăмахпа тĕплĕн ĕçлет, кирлĕ чух çав сăмахсене ăнлантарса та парать»[7].

М. Петрова юптару çырас ĕçре те ăста. Юптарусене поэт шахвăртса е вĕрентсе калас тĕллевпе шăрçалать. Тĕп сăнарсем – чĕрĕ чунсемпе кайăк-кĕшĕксем (сăвăс, автан, чăх, хурт, шăпчăк, кăсăя), йывăç-курăк (йыт пырши, чечек, курăк), чĕрĕ мар япаласем (пукане, урапа), çут çанталăк хăвачĕсем (пĕлĕт, çăлтăр). «Йыт пырши», «Куштан Автан», «Пукане» тата ытти юптарусенче çынсем хушшинчи лару-тăрăва тăрăхласа е питлесе калани, кĕвĕçӳпе ăмсанăва, пултаруллисене ура хунине, пустуй каппайланнине сивлени тĕпре.

Таниял Элкей (Даниил Медведев), университетра вĕренекен Патăрьел каччи, тарăн шухăшлă ирĕклĕ сăвăсем çырать, сăввисене «Вконтакте» социаллă тетелте вырнаçтарать. Хăйне евĕрлĕ «Сухăр» ят панă страницăра вырнаçтарнă сăвăсен кĕвĕллĕ е юрăллă, ӳкерчĕклĕ ăнлантару, хушса пани те пур. Вĕсене сăнасан, çамрăк сăвăç чăваш аваллăхĕпе, халăх сăмахлăхĕпе, тĕнчери тĕрлĕ ӳнерсемпе, тухăç тата чăваш классикĕсен поэзийĕпе кăсăкланни курăнать: чăваш фольклорĕнчи чĕлхе сăмахĕсене вырăсла, тĕнче поэзийĕн тĕслĕхĕсене чăвашла куçарать вăл. Т. Элкейăн лирика харкамçи хайĕн çулне шырать, аваллăхпа, тӳпепе, пуласлăхпа каласать. Сăвăра сăмахсен нумай пĕлтерĕшлĕхĕ, омонимлăхĕ, метафорăсем пысăк

[3] Петрова М. Пĕччен Хĕвел: сăвăсем. 63 с.

[4] Сатур С. Броский разгон // Иртни патне эп кĕтĕм çула май…: Статьясемпе рецензисем, интервьюсем, презентацисенче каланисем, халал сăввисем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2024. С. 155.

[5] Петрова М. Пĕччен Хĕвел: сăвăсем. С. 35.

[6] Родионов В. Çĕнĕлĕхпе çунатланнă çамрăк сăвăç // Тăван Атăл. 2022. № 10. С. 37.

[7] Хмыт А. Мальвина Петровăн сăввине пĕрре вуласан — ялан вулассăм килет... (пăхнă кунĕ: 24.09.2024).

вырăн йышăнаççĕ. Хайлавра çырнинче сăмахсен сăнарлăхне, вĕсем калăплакан ӳкерчĕке çеç мар, шăрша, сивве е ăшша, çумăр нӳрĕлĕхне, чун ыратăвне тата ыттине те туятăн, куратăн. Ку енчен çамрăк сăвăçăн хайлавĕсем Г. Айхин сăввисене çывăх теме пулать. Çавăн пекех сасă кĕвĕлĕхĕпе ритм çирĕплĕхĕ пурри уйрăм сăввисене Çеçпĕл сăввипе, сасă ылмашăвĕнче шухăш улшăннине шырани М. Карягинăн сăввисемпе пĕрпеклетет. Ку пĕрешкеллĕхсем Т. Элкей вĕсенчен вĕренсе пырать тенинчен ытларах çак пулăмсем уншăн та çывăх пулнине кăтартаççĕ.

Сăвăри сăмахсем, сăнарсем авторăн, халăхăн пурнăçĕнчи, литература талккăшĕнчи пĕр-пĕр пулăма аса илтерме, ассоциаци çуратма пултараççĕ. «Каçпа» сăвăра кĕрхи каçăн хура сăнне ӳкернĕ май тахçанхи асаилӳ сиксе тухать[8]:

…Çак каç — косилка.
Люцернăри мулкачă пек
киле васкатăп
(ним тĕлсĕрленнĕ тĕнчере
тĕлне шыратăп).

Хула шăв-шавне, хулари каç тĕттĕмлĕхне йышăнман лирика харкамçи хăйне йывăрлăха лекнĕ мулкач пек туять. ХХ ĕмĕрĕн варринче литературăна килнĕ удмурт сăвăçисем хула тата ял тĕнчине хирĕçлесе кăтартаççĕ. Хула вĕсемшĕн хура, чуна пусăрăнтаракан, пĕтерекен тĕнче [3]. Чăваш поэзийĕнче хулана, Шупашкара ун евĕрлĕ сивлек, хупă тĕнче пек палăртасси П. Яккусен пултаруллăхĕнче тĕл пулать. Унăн лирика харкамçи чул стенасене пăрахса яла кайма ăнтăлать [2, с. 93]. Т. Элкейăн косилки унăн чунне, тен, чăвашлăха та, пĕтерме пултаракан сăнар.

Уйрăм сăвăсенче монтажлăх пур теме пулать. «Чӳречерен» хайлавра лирика харкамçи çил-тăманлă çанталăкра куç тĕлне пулнă çынсене каласа тухать: киоск хупакан хĕрарăм, симĕс рюкзаклă курьер, ĕçрен таврăнакан хĕрарăм. Кашнинех мĕнле те пулсан тĕллев пур. Çиле, юр хĕвнине пăхмасăр вĕсем малаллах талпăнаççĕ. Сăвăра вĕсен сăнарĕсем пĕр-пĕрин хыççăн куç тĕлне пулаççĕ те кĕçех çил-тăманта курăнми пулаççĕ.

Сăвăç шыраврa пулни «Асаттем ман пирки шутламан-тăр…» сăвăра та курăнать. Лирика харкамçи аслашшĕ тунă ĕçсене, уншăн пĕлтерĕшлĕ шутланнă япаласене асăнса тухать: трактор, сăра, колхоз, Акатуй, пура… Мăнукĕн шăпи вара шухăш ĕçĕпе çыхăннă. Пурнăç тĕллевне тупас тесе вăл аслашшĕн кун-çулне шĕкĕлчет.

Т. Элкейăн юрату лирики Çеçпĕл Мишши Червякова патне çырнă çырусене аса илтерет. Хăй мĕн туйнине автора прозăллă сăвăри евĕр сăнарлă сăмах урлă палăртма меллĕрех. Савнине те вăл, Çеçпĕл пекех, турăш вырăнне хурать, «Эсир» тесе чĕнет, хăйне мĕскĕнлетет[9].

Т. Элкейăн ирĕклĕ сăввинче пунктуаци паллисене усă курасси сайра тĕл пулать. Текст, йĕрке пуçламăшĕнчи сăмаха пĕчĕкрен пуçласа çырасси те пур. Сăвăç хайлавĕсем кивелнĕ, диалект, паянхи хула пурнăçне палăртакан çĕнĕ сăмахсемпе, тĕрлĕ ăслăлăхпа, ӳнерпе, тĕн йăли-йĕркипе çыхăннă терминсемпе пуян. Халиччен

[8] Элкей Т. Сухăр: сăвăсем // «ВКонтакте»: [сайт]. URL: https://vk.com/taniyal_elguey (пăхнă кунĕ: 11.12.2024).

[9] Икĕ курпунлă тĕвепе танлаштарни пур. Сăмах май, чăвашсемшĕн тĕве тем пек илемсĕр, сăнсăр чĕр чун пек туйăнать пулсан, арабсем хĕрарăм илемне палăртма ăна икĕ курпунлă шурă тĕвепе танлаштарнă. М.И. Скворцов каласа панинчен.

ун хайлавĕсемпе паллашма ĕлкĕрнисем ăна «шухăшлă, туйăмлă, чун-чĕрешĕн пĕлтерĕшлĕ» сăвăсем çыракан, пысăк шанăç паракан сăвăç тесе хаклаççĕ[10].

Ольга Австрийская (Иванова) малтанхи сăввисене «Тăван Атăл» журналта, «Çĕнтерӳ çулĕ» Вăрнар районĕн хаçатĕнче пичетленĕ. «Пĕчĕк шевле» (2021) кĕнекене унăн тинтерех чăвашла тата вырăсла çырнă сăввисем кĕнĕ. Сăвăç традициллĕ формăсене, виçене кăмăллать, танлаштарусемпе, метафорăсемпе пуян хайлавсем çырать. А. Растворцев сăвăç вырăсла пайĕн ум сăмахĕнче çапларах шухăш калать: сăвăсем автобиографиллĕ пулни курăнать, анчах вĕсем кашни вулакана çывăх[11]. Ку чăвашла сăввисемшĕн те характерлă. Эпир кашниех пурнăçра тĕрлĕ йывăрлăхсемпе çамăллăхсем, савăнăçсем витĕр тухатпăр, телейсĕр юрату туйăмĕн йӳçекĕпе паллашатпăр. Сăвăсенче тăван енри тата ачалăхри сăнарсем тухса тăраççĕ. Ку вырăна тата вăхăта лирика харкамçи ырăпа аса илет, унта таврăнма васкать. Вĕсем ырă асаилӳсемпе çыхăннă. Хайлавсенче пурăнса курнă сăвăçсемшĕн характерлă чун ыратăвĕн кĕвви тăтăшах тĕл пулать. Лирика харкамçин чунĕ пĕччен пулнишĕн, ăна çынсем, çав шутра чун савни те, ăнланманнишĕн ыратать. Чун канăçлăхне вăл йывăçсемпе, çут çанталăкпа хутшăнса тупать. Хулара пурнакан лирика харкамçишĕн хваттерте кĕтекен кушак та чун уççи. Сăвăç уйрăмах чун ыратнă, пăшăрханнă вăхăтра алла ручка тытни палăрать. Хăйне кӳрентерекенсене хуравлать, çывăх çынсене çухатнă хыççăн çуралнă кăмăл-туйăма хут çине кăларать.

А. Растворцевăн сăмахĕнче сăвă кĕнекинче юрату туйăмне çĕклени, мухтани тĕпре тесе палăртни пур[12]. Тепĕр çынна юратни лирика харкамçин чунне ыраттарать те, шанăç та парать. Ăна çак туйăм пурнăçра тата та çирĕпрех пулма вĕрентет. О. Австрийскаян лирика харкамçи тата тăван енпе, ашшĕ-амăшне тата тăван чĕлхене юратать. Ăна упрас, аталантарас ĕçре унăн та вăй хумаллине ăнланать вăл. Хăй халăхĕн чĕлхине пĕлмесĕр ӳсекен ачасем, ун шучĕпе, чунĕпе чылай чухăнрах[13]:

…Тен, çунат сарĕç, пулĕç паллă çын,
Мухтавлă ят та, чап та илĕçин…
Анчах йăх-несĕл вăййĕсĕр пĕрех
Этем çĕр хут айван та нишлĕрех.

Л. Петрова Хĕрлĕ Чутай тăрăхĕнче çуралса ӳçнĕ сăвăç. «Мĕн çинчен авăтатьши куккук?» (2022) сăвă кĕнекине унăн халиччен çырнă хайлавĕсем кĕнĕ. Автора тăван тавралăх, пĕрле çитĕннĕ юлташсем, çывăх çынсем, пурнăç тĕллевĕ йышши ыйтусем хумхантараççĕ. Л. Петрова та традициллĕ сăвă виçине кăмăллать. Пурнăç илемне кăтартса парасси çывăх уншăн. Çут çанталăк çинчен çырнă сăвăсенче ытларах çумăрлă, хура кĕрхи çанталăка сăнлани курăнать. Тепĕр чух кунта çанталăка сăнлани çеç мар, чунри йывăр саманта палăртни те пур пек туйăнать. Сăвăсенчи лирика харкамçи таврари пулăмсене, япаласене асăрхаса, çут çанталăк илемĕпе киленсе йывăр вăхăтра хавхалану тупма пĕлет. Вулакана та çак ырă ĕçе вĕрентет. Уйрăм самантсенче Турăран та пулăшу ыйтать («Кĕлĕ»). Тепĕр чух

[10] Станьял В. Таниял Элкей сăввисем // «Чăваш халăх сайчĕ»: [сайт]. URL: https://www.chuvash.org/news/37441.html (пăхнă кунĕ: 28.11.2024).

[11] Растворцев А. Дорогие читатели // Австрийская О. Пĕчĕкçĕ шевле: сăвăсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2021. С. 3.

[12] Растворцев А. Дорогие читатели. С. 3.

[13] Австрийская О. Пĕчĕкçĕ шевле: сăвăсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2021. 109 с.

унăн хăйĕнчен тăрăхлас йăла та палăрать. «Гороскоп» сăвăра — гороскопăн ыр енне тупни: «Гороскопа ĕненес тĕк — / Ман çыравçă пулмалла…»; юлташĕсене хăйĕн чĕмсĕрлĕхне хăйне евĕрлĕ ăнлантарса пани[14]:

…Сăмахпа веçех калаймăн
Е калатăн ытларах.
Мĕн пирки калас-ха манăн?
Манăн сассăм — сăвăра.

Ырă та таса кăмăллă пулнăран хăй таврари çынсене те çаплах курасшăн сăвăç. Эрех ĕçекенсене, чĕлĕм туртакансене, пĕлтерĕшсĕр япалашăн кулянакансене, пĕр-пĕринпе ятлаçнă çывăх çынсене тӳрĕ çул çине тăма вĕрентсе калать вăл. Ыррине, лайăххине хаклама кирли çинчен астутарать. Çулĕпе çамрăк пулин те, сăвăçа вăрçăпа мир, тăван тăрăхăн, республикăн, чĕлхен пĕлтерĕшĕпе пуласлăхĕ хумхантарать. Л. Петрова куçару ĕçĕпе те кăсăкланать. Ытти халăхсен паянхи сăвăçисен тата классикĕсен хайлавĕсене чăвашла куçарас енĕпе тăрăшать.

Пĕтĕмлетӳ

Çапла вара, XXI ĕмĕрĕн иккĕмĕш вунă çуллăхĕнчи чăваш поэзийĕнче палăрнă тăватă авторăн — М. Петровăн, Т. Элкейăн, Л. Петровăн, О. Австрийскаян — хайлавĕсене пăхса тухрăмăр. Çамрăк авторсем традициллĕ сăвва кăмăллаканнисем те, çĕнĕлĕх патне туртăнаканĕсем те пур. Пурнăç опытне, литературăра мĕнпе кăсăкланнине кура вĕсем кашниех хăйне евĕрлĕ поэзи тĕнчи калăплаççĕ, кашнийĕнех хăйне майлă çыру мелĕ. М. Петрова тăватă йĕркеллĕ çаврана та, ирĕклĕ сăвва та кăмăллать, сасă кĕвĕлĕхне тимлĕх уйăрать. Тавтограммăсене, панторима, юптару жанрне кăмăллать. Т. Элкей шухăша çăра метафора, символсем урлă палăртма кăмăллать. Туйăмлă, чĕрĕ сăвăсем çырать. Унăн пултарулăхĕ илемлĕ чăнлăха монтажлăх мелĕпе сăнланипе, авалхи тата хальхи чăваш тĕнчине ӳкернипе уйрăлса тăрать. О. Австрийскаян сăввисенче чун ыратăвне палăртни пур. Традициллĕ формăпа, ритмпа рифма черетленĕвне çирĕп пăхăнса çырнă хайлавсенче кашни çыннăн кирлĕлĕхне палăртни, пурнăçри ырă самантсене хаклама чĕнни пур. Л. Петрова пурнăçри йывăрлăхсене çĕнтерме, ыррине ытларах курма вĕрентекен сăвăсем çырать. Çамрăк сăвăçсен пултарулăхне тăван чĕлхе пуласлăхĕ, этемĕн çĕр çинчи выраннĕ, пурнăç пĕлтерĕшĕ çинчен шухăшлани çыхăнтарать.

ÇĂЛКУÇСЕН СПИСОКĔ / СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дуардович И. Поэтическая яма. Записки редактора о поэзии 2010-х. 30 лет постсоветской поэзии // Textura.club: [сайт]. URL: https://textura.club/poeticheskaya-yama (дата обращения: 18.11.2024).

2. Ильина Н. Г. Чăваш лирики (1960 — 1990 çулсем): монографи. Шупашкар: ЧПГĂИ, 2013. 138 с.

3. Кадочникова И. С. Современная поэзия Удмуртии: имена, тенденции, смыслы. Москва: Шелест, 2021. 290 с.

4. Современная марийская лирика: художественные модели мира и поэтика творческой индивидуальности / Р. А. Кудрявцева и др. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2022. 182 с.

REFERENCES

1. Duardovich I. Poetic pit. Editor’s notes on poetry of the 2010s. 30 years of post-Soviet poetryhttps // Textura.club: [website]. URL: https://textura.club/poeticheskaya-yama (reference date: 18.11.2024). (In Russ.)

2. Ilyina N. G. Chuvash lyrics (1960 — 1990): Monograph. Cheboksary;2013:138. (In Chuvash)

[14] Петрова М. Пĕччен Хĕвел: сăвăсем. 63 с.

3. Kadochnikova I. S. Modern poetry of Udmurtia: names, trends, meanings. Moscow;2021:290. (In Russ.)
4. Contemporary Mari lyrics: artistic models of the world and poetics of creative individuality / R. A. Kudryavtseva et al. Yoshkar-Ola;2022:182. (In Russ.)

Статья редакцие 25.12.2025 çитнĕ;
рецензиленĕ хыççăн 16.02.2026 ырланă; 01.06.2026 пичете йышăннă
Автор çинчен:
Софронова Ирина Владимировна, И. Н. Ульянов ячĕллĕ
Чăваш патшалăх университечĕн доценчĕ
(428015, Раççей, Шупашкар хули, Мускав пр., 15),
филологи ăслăлăхĕсен кандидачĕ
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7695-4968, muxtar2@yandex.ru
Пайталăх конфликчĕ: автор пайталăх конфликчĕ çуккине пĕлтерет.
Автор ал çырăвăн юлашки вариантне вуласа тухнă, ырланă.

Статья поступила в редакцию 25.12.2025;
одобрена после рецензирования 16.02.2026; принята к публикации 01.06.2026
Информация об авторе:
Софронова Ирина Владимировна, доцент
Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова
(428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 15),
кандидат филологических наук,
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7695-4968, muxtar2@yandex.ru
Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 25.12.2025;
approved after reviewing 16.02.2026; accepted for publication 01.06.2026
Information about the author:
Irina V. Sofronova, associate professor, I. N. Ulyanov Chuvash State University
(15, Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia),
Candidate of Philological Sciences,
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7695-4968, muxtar2@yandex.ru
Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

УДК 75.044
ББК 85.147

Научная статья

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОБЫТИЙ ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ЧУВАШИИ В ЖИВОПИСИ ХУДОЖНИКОВ РЕСПУБЛИКИ

А. А. Малинина
Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары, Россия
m-anila@mail.ru

Аннотация. В статье проанализированы произведения чувашских художников, посвященные знаковым событиям в истории Чувашской Республики советского времени. Реализация исторического жанра в чувашской живописи рассматривается на материале полотен семи мастеров: Ю. А. Зайцева, А. Ф. Мясникова, Н. В. Овчинникова, Н. К. Сверчкова, М. С. Спиридонова, А. М. Тагаева-Сурбана, Р. Ф. Федорова. Исследование выполнено с помощью комплексной методологии, основанной на методах историко-культурного, художественно-стилистического и сравнительного анализа. Наибольший отклик в творчестве чувашских художников нашел период формирования чувашской государственности. Темы становления чувашской автономии, промышленного развития республики, ее колхозного строительства, подвига народа на фронтах и в тылу в годы Великой Отечественной войны заняли центральное место в их художественных поисках и получили выразительное воплощение на полотнах, позволив живописцам продемонстрировать индивидуальную манеру и сделать себе имя в художественной среде. Наряду с упомянутыми сюжетами, отдельным источником вдохновения для мастеров стал героический полет уроженца республики Андрияна Николаева в космос. Эта тема раскрывается художниками в нескольких вариациях. Картины, репрезентирующие ключевые события из истории Чувашии, хранятся в фондах ряда музеев и занимают достойное место на ниве российского искусства, отражая своеобразие чувашской национальной живописи советской эпохи.

Ключевые слова: чувашская живопись, художники республики, исторический жанр

Для цитирования: Малинина А. А. Репрезентация событий из истории Советской Чувашии в живописи художников республики // Современная гуманитаристика. 2026. Т. 2. № 2. С. 116 — 136

© Малинина А. А., 2026

Scientific article

REPRESENTATION OF EVENTS FROM THE HISTORY OF SOVIET CHUVASHIA IN PAINTINGS BY ARTISTS OF THE REPUBLIC

A. A. Malinina
Chuvash State Institute of Humanities,
Cheboksary, Russia
m-anila@mail.ru

Abstract. The article analyzes the works of Chuvash artists dedicated to significant events in the history of the Chuvash Republic of the Soviet era. The realization of the historical genre in Chuvash painting is considered on the basis of the canvases of seven masters: Yu. A. Zaitsev, A. F. Myasnikov, N. V. Ovchinnikov, N. K. Sverchkov, M. S. Spiridonov, A.M. Tagaev-Surban, R. F. Fedorov. The research was carried out using a comprehensive methodology based on

the methods of historical, cultural, artistic, stylistic and comparative analysis. The period of the formation of Chuvash statehood received the greatest attention in the work of Chuvash artists. The themes of the formation of the Chuvash autonomy, the industrial development of the republic, collectivization, and the heroic deeds of the people at the front and on the home front during the Great Patriotic War took a central place in their artistic explorations and were vividly embodied on canvases, allowing the painters to demonstrate an individual manner and make a name for themselves in the artistic environment. Along with the mentioned plots, a separate source of inspiration for the masters was the heroic flight of Andriyan Nikolaev, a native of the republic, into space. This theme is revealed by the artists in several variations. Paintings representing key events from the history of Chuvashia are kept in the collections of several museums and occupy a worthy place within Russian art, reflecting the originality of the Chuvash national painting of the Soviet era.

Keywords: Chuvash painting, artists of the republic, historical genre

For citation: Malinina A. A. Representation of events from the history of Soviet Chuvashia in paintings by artists of the republic // Modern humanities. 2026;2(2):116 — 136

Ăслăлăх статйи

ЧĂВАШ ЕНĔН СОВЕТ САМАНИНЧИ ИСТОРИ ПУЛĂМĔСЕМ РЕСПУБЛИКĂРИ СĂРĂ ӲНЕРĔНЧЕ СĂНЛАННИ

А. А. Малинина
Чăваш патшалăх гуманитари ăслăлăхĕсен институчĕ,
Шупашкар хули, Раççей
m-anila@mail.ru

Аннотаци. Статьяра чăваш ӳнерçисен Чăваш Республикин совет саманинчи паллă пулăмĕсене халаллана хайлавĕсене тĕпченĕ. Чăваш сăрă ӳнерĕнче истори жанрĕ мĕнпе палăрнине кăтартма çичĕ ăстаçăн — Ю. А. Зайцевăн, А. Ф. Мясниковăн, Н. В. Овчинниковăн, Н. К. Сверчковăн, М. С. Спиридоновăн, А. М. Тагаев-Сурбанăн, Р. Ф. Федоровăн ӳкерчĕкĕсене пăхса тухнă. Тĕпчеве историпе культура, илемлĕхпе стилистика тата танлаштару тишкерĕвĕн меслечĕсене тĕпе хурса тунă. Чăваш ӳнерçисен пултарулăхĕнче ытларах чăваш патшалăх тытăмĕ йĕркеленнĕ тапхăр палăрать. Вĕсен илемлĕх шыравĕсенчи тĕп вырăна чăваш автономийĕ йĕркеленнипе, республикăра промышленность çĕкленнипе, колхозсем аталаннипе, Тăван çĕршывăн аслă вăрçи çулĕсенче халăх фронтра тата тылра кăтартнă паттăрлăхпа çыхăннă темăсем йышăнаççĕ. Хайлавĕсенче çак темăсене витĕмлĕ сăнарсемпе ӳкерсе панă сăрă ӳнерçисем ӳкерӳ мелĕсен хăй евĕрлĕхĕпе палăрнă. Вĕсен ячĕ-сумĕ пултару çыннисен йышĕнче мухтава тивĕçнĕ, асра юлнă. Республикăра çуралса ӳснĕ Андриян Николаев космонавт тĕнче уçлăхне вĕçсе паттăрлăх кăтартни те художниксемшĕн хавхалану çăлкуçĕсенчен пĕри пулса тăнă. Чăваш Ен историйĕнчи чи паллă пулăмсене сăнлакан картинăсем темиçе музей фондĕнче упранаççĕ, вĕсем совет саманинчи чăваш наци сăрă ӳнерĕн хăй евĕрлĕхне палăртса Раççей ӳнер талккăшĕнче сумлă вырăн йышăнса тăраççĕ.

Тĕп сăмахсем: чăваш историйĕ, чăваш сăрă ӳнерĕ, республикăри ӳнерçĕсем, истори жанрĕ

Цитатăлама: Малинина А. А. Чăваш Енĕн совет саманинчи истори пулăмĕсем республикăри сăрă ӳнерĕнче сăнланни // Хальхи гуманитаристика. 2026. 2 т. 2 №. С. 116 — 136

Введение

Россия — одна из самых полиэтнических стран, где проживают около 200 народов и этнических групп. Их существование, традиции, культура являют собой единую и многообразную летопись нашего государства. Чуваши — один из круп-

нейших по численности этносов Поволжья, который имеет богатую историю. Важнейшие факты и поворотные моменты в судьбе чувашского народа легли в основу произведений литературы и искусства.

Обращение к теме прошлого живописцами республики ранее рассматривалось в публикациях чувашских исследователей. А. Н. Автономова в рамках диссертационной работы провела оценку процесса развития исторического жанра в изобразительном искусстве республик Среднего Поволжья[1]. Публикации И. В. Тургай были посвящены батальному и историческому жанрам в творчестве В. И. Агеева [17; 18]. А. И. Мордвинова в одной из статей [10] провела анализ реалистического искусства Чувашии на примере исторических произведений мастеров Чувашии (Н. Овчинникова, Н. Карачарскова, Р. Федорова, П. Павлова), показанных на выставке «Большая Волга — VI» в 1985 г. Настоящая работа нацелена определить произведения чувашских живописцев, отразившие важные события Чувашии советского времени, оказавшие влияние на ход ее развития. Должное внимание уделено работам, в которых нашли воплощение этапы промышленного и культурного развития республики.

Материалы и методы

Эмпирической базой выступили живописные произведения чувашских художников Ю. А. Зайцева, А. Ф. Мясникова, Н. В. Овчинникова, Н. К. Сверчкова, М. С. Спиридонова, А. М. Тагаева-Сурбана, Р. Ф. Федорова, в которых нашли отражение знаковые моменты в развитии республики: утверждение автономии, коллективизация, героическое покорение космоса уроженцем Чувашии Андрияном Николаевым.

Исследование основывается на принципах историзма. В работе использован комплексный подход к рассмотрению произведений чувашских художников. Метод историко-культурного анализа позволил установить место исторической живописи в изобразительном искусстве Чувашии. При помощи метода художественно-стилистического анализа были определены жанровые особенности чувашской исторической живописи. Благодаря методу сравнительного анализа выявлены основные тенденции развития чувашской живописи в советское время.

Результаты исследования и их обсуждение

В жанровой классификации историческая живопись занимает высокое место. Она призвана отображать важнейшие эпизоды национальной и мировой истории в контексте современных реалий. Художник, изображавший сцены прошлого, стремился не только точно передать приметы времени, но и изложить свое видение происходивших некогда событий. Подобно режиссеру, он ставит сцену, разворачивает действие, наделяя персонажей определенными чертами характера, манерой поведения, в соответствии с принятой точкой зрения в современном художнику обществе. Эти полотна через прочтение сюжета помогают раскрыть и внутренний мир художника, и получить представление о взглядах, царивших в его эпоху. Источником, свидетельствующим об актуальных событиях, ставших уже историей, по прошествии лет становятся произведения бытового жанра.

---

[1] Автономова А. Н. Историческая живопись в республиках Среднего Поволжья (Чувашия, Татарстан, Марий Эл) в XX веке: истоки, становление, эволюция: автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.04 / Научно-исследовательский ин-т теории и истории изобразит. искусств Рос. акад. художеств. Москва, 2011. 30 с.

В данной работе важнейшие этапы биографии республики, воссозданные в живописи, будут рассматриваться в контексте развития изобразительного искусства Чувашии и в связи с актуальностью темы в контексте времени.

Первые чувашские живописцы, осознавая особую ответственность перед народом, в процессе творческой деятельности обращались, пожалуй, ко всем жанрам, поднимая самые разные темы. Основной задачей они ставили отражение жизни родного народа. Произведения М. С. Спиридонова, Ю. А. Зайцева, Н. К. Сверчкова, А. Ф. Мясникова, А. М. Тагаева-Сурбана, Н. В. Овчинникова запечатлели для нас события Чувашии, ее лица, быт, историю республики в целом и имеют сегодня особую ценность.

Моисей Спиридонович Спиридонов всю свою большую творческую жизнь посвятил становлению и развитию ряда направлений культуры во вновь образованной Чувашской АССР. С первых дней автономии он самым активным образом участвовал в различных сферах культурной деятельности. М. Спиридонов руководил секцией изобразительного искусства в подотделе искусств Чувашского областного комитета народного образования (1920 — 1926), являлся председателем Чувашского филиала Ассоциации художников революционной России (1926 — 1932), возглавлял отдел охраны памятников искусства старины и природы Центрального чувашского музея, а затем и сам Центральный чувашский краеведческий музей, являлся организатором первых в республике художественных выставок, был председателем правления Союза чувашских художников, преподавал в Чебоксарском художественном училище. Занимаясь вопросами культурного строительства Чувашии, Моисей Спиридонович уже в качестве художника отвел должное место в своем творчестве отражению этапов в истории автономии. В его живописных работах запечатлены ключевые моменты проведения социальных и политических программ, повлекших за собой развитие ряда отраслей республики. Так, например, произведения «Изба-читальня в чувашской деревне» (1927), «У радиоприемника» (1933), «Общий вид строительства товарного комбината» (1935), «Столярный цех Шумерлинского комбината» (1935), «Самолет — подарок Герою Советского Союза Ф. Н. Орлову, построенный на средства Сарскова» (1941), «Колхозная телефонистка» (1946) не только воссоздают исторический фон советской эпохи, но и могут составить источниковую базу для более подробного исследования определенного периода, в котором разворачивались события.

Важнейшей тенденцией изобразительного искусства 1930-х гг. была репрезентация промышленного развития Чувашии. Сегодня мы рассматриваем наследие художников, запечатлевших эти процессы, как отражение исторических этапов в развитии республики. Одно из известнейших произведений М. С. Спиридонова, ставшее вехой в развитии чувашской живописи, посвящено грандиозному для республики событию — строительству Канашского вагоноремонтного завода (КВРЗ). Решение основать предприятие было принято Народным комиссариатом СССР в 1933 г. Перспектива сооружения завода в Канаше была обусловлена выгодным географическим положением. Железнодорожная станция «Канаш» (прежние название — Шихраны) была открыта в 1893 г. в масштабе строительства Московско-Казанской железной дороги.

Согласно генеральному плану проектного института «Ленпроектзаводтранс», утвержденному Наркомом путей сообщения 21 февраля 1934 г., на площади 44,2 га планировалось возвести товарный и механический комбинаты, кузнечный, чугунолитейный, деревообделочный, утилизационный цехи, пожарное депо, газо-

Ил. 1. М. С. Спиридонов. Ударная бригада бетонщиков на строительстве КВРЗ. 1935. Х., м. 135 × 350. ЧГХМ (№ 11617688 в Госкаталоге РФ) [3]

генераторную и кислородную станции, компрессорную, теплоэлектроцентраль, разные склады и другие объекты. Это способствовало развитию инфраструктуры Канашского района. Для будущих вагоноремонтников в полутора километрах от заводской площадки была предусмотрена постройка соцгородка с благоустроенными домами: центральным отоплением, водопроводом и канализацией. Масштабы стройки для молодой развивающейся республики были огромны. По сути, с вводом в эксплуатацию всего производственного и социально-культурного комплекса рождался новый город. 22 февраля 1937 г. началось строительство железной дороги «Канаш — Чебоксары». В годы Великой Отечественной войны КВРЗ выполнял оборонные задания, в частности, ремонтировал вагоны и паровозы, производил боевую технику и боеприпасы. Канашский вагоноремонтный завод[2] и сегодня остается самым главным предприятием города.

При создании масштабного полотна «Ударная бригада бетонщиков на строительстве КВРЗ» (ил. 1), имеющего размеры около полутора метров в высоту и трех с половиной метров в ширину, художником была проведена колоссальная работа. Подготовка к ней началась еще в 1934 г. и была связана с предстоящим большим событием — празднованием 15-летия Чувашской автономии. Планировалась организация выставки, демонстрирующей достижения республики за обозначенный период во всех направлениях ее социалистического развития. Художникам выделялись средства, и было необходимо создать серьезное, законченное произведение к заявленному сроку, включая подготовительные работы и вынужденные командировки для сбора достоверного материала. Работа над этим грандиозным проектом в результате приобрела еще большую значимость. В течение года художник подготовил 50 произведений, в том числе «Строительство товарного комбината», «Общий вид строительства товарного комбината» (1935). Отдельного внимания заслуживает большая серия графических портретов рабочих карандашом и углем. Архивные документы хранят имена всех проработавших на строительстве КВРЗ от начала до самого конца, но стараниями Моисея Спиридоновича их образы вошли в национальную историю чувашской живописи.

К юбилейной выставке на условиях государственного заказа художники создавали произведения, демонстрирующие достижения республики в области ее

[2] С 1 января 2006 г. — ЗАО «Промтрактор-Вагон».

Ил. 2. А. Ф. Мясников. Фосфоритный завод. 1930-е гг. Х., м. 108 × 130. ЧГХМ (№ 4849081 в Госкаталоге РФ) [3]

социального, промышленного, культурного развития. В этом событии приняли участие и промысловые артели, в частности, широко известная Ибресинская «Красный строитель», выпускающая керамическую посуду. Ее экспозицию в павильоне Чувашпромсоюза должно было дополнить живописное полотно «Кирпичный завод в действии с высоты птичьего полета и план», порученное к исполнению художнику Визгину. Ожидалось, что оно продемонстрирует весь комплекс производства товаров первой необходимости, — артельная продукция пользовалась широким спросом среди населения не только Чувашии, но и близлежащих регионов. Но, к сожалению, художник не справился с этим заказом, и картина-эскиз «“Кирпичный завод в действии” не был выполнен»[3]. Стало очевидно, что столь ответственные задания следует поручать только надежным художникам. М. С. Спиридонов, например, уже проявил себя в создании художественных произведений на подобные темы. Начало строительства объектов, важнейших для развития республики, он отразил в живописных работах «Канаш (Строительство трахоматозной поликлиники)» (1929)[4], «На постройке фосфорного завода» (1930-е гг.). Процесс закладки в 1929 г. фосфоритного завода вблизи станции Вурнары на базе открытых месторождений фосфоритной руды [5] нашел свое решение и в творчестве чувашского художника Александра Федоровича Мясникова (1905 — 1996) (ил. 2). В масштабном произведении он отразил нелегкий труд рабочих, которые вручную копают ямы под фундамент.

Произведения идеологически выдержанного художника А. Ф. Мясникова отвечали велению времени. Пройдя подготовку в Чебоксарской совпартшколе, он был активным участником общественной жизни республики. Получив специальное художественное образование в Первом государственном изобразительном техникуме в Москве (1928 — 1932), был назначен заведующим сектором искусства Народного комиссариата просвещения Чувашской АССР (1932 — 1933), за-

[3] ГИА ЧР. Ф. Р-143. Оп. 1. Д. 1940. Л. 14 об.

[4] В собрании Самарского областного художественного музея.

тем в 1933 — 1935-е гг. был председателем оргкомитета Союза советских художников Чувашской АССР.

Тема производственного строительства находила свое воплощение и в последующие годы. К ней не раз обращался Н. К. Сверчков. Выполненные им в уже зрелом возрасте работы — «Чебоксарский завод тракторных запчастей» (1964), «Разгрузка вагона с оборудованием Электроаппаратного завода» (1967) — по манере исполнения близки к его раннему творчеству.

Следует отметить, что художники республики немало внимания уделяли теме развития Чувашии в качестве советской автономии. Перемены в жизни всех слоев и всех возрастных групп чувашского населения фиксировал в своих полотнах М. С. Спиридонов. Преодоление неграмотности демонстрирует его «Изба-читальня в чувашской деревне» (1929), освоение технических новшеств — «У радиоприемника» (1933), «Колхозная телефонистка» (1946), «У радиоприемника» (1948), «Комбайн. Этюд» (1952), участие женщины в политической жизни страны — эскиз картины «На выборах» (1930-е гг.).

Юрий Антонович Зайцев, один из первых чувашских художников, также был причастен к культурным событиям в жизни республики. К участию в выставке в 1935 г. он представил полотно «Колхозники слушают радио» (1935). Светлые, жизнерадостные лица чувашей, собравшихся на колхозной площади, обращены к радиоприемнику, закрепленному на столбе. Теперь, благодаря радиоэфиру, актуальные новости всей страны доступны жителям деревни. Позднее он развил эту тему в полотне «Колхозники слушают речь т. Сталина по радио» (1936 — 1939), показав, что радио, проведенное в избу, стало еще ближе и доступнее чувашу. Таким образом, художники живо откликались на события, в последующем ставшие приметами своего времени.

Никита Кузьмич Сверчков, наряду с М. С. Спиридоновым, относится к первому поколению чувашских художников. Его творческое наследие позволяет проследить развитие республики ретроспективно. Особого внимания заслуживают его произведения, посвященные событиям национальной истории.

Упомянутое выше празднование 15-летия ЧАССР стимулировало художественные силы республики к проявлению профессиональных качеств. Работа «Объявление автономии Чувашии» Н. К. Сверчкова (ил. 3) наиболее полно отвечала заявленному торжеству. Сюжетом определен митинг на базарной площади Чебоксар. Многолюдное собрание бурно откликается на выступление возвышающегося на трибуне Д. Эльменя. Возможно, к созданию этого эпизода чувашской истории Никиту Кузьмича подвигло личное знакомство с Даниилом Семеновичем. В марте 1920 г. М. С. Спиридонов и Н. К. Сверчков разработали программу и изложили ее в докладной записке, направленной Чувашскому правительству. Центральный Комитет Чувашской трудовой коммуны, возглавляемый Д. С. Эльменем [12, с. 75], рассмотрев документ с предложением о создании в Чувашии коллегии художников и организации художественной жизни в целом, был принят с резолюцией «К сведению для будущего».

Очевидно, что художник Сверчков в процессе работы над полотном «Объявление автономии Чувашии», обращался и к документальным свидетельствам событий. Известны, например, воспоминания заведующего подотделом печати Чувашского отделения Народного комиссариата по делам национальностей Платона Львова о настроениях, царивших летом 1920 г. в Чебоксарах. «Август 1920 г. В главном городе только что образованной Чувашской автономной об-

Ил. 3. Н. К. Сверчков. Объявление автономии Чувашии. 1935. Х., м. 159 × 223. ЧГХМ (№ 4944754 в Госкаталоге РФ) [3]

ласти необычайное оживление <…> Весть об автономии уже облетела все закоулки Чувашии, и Чебоксары буквально осаждались целыми толпами всяких ходоков или просто любопытствующих <…> 20 августа, Чебоксары праздновали официально, в первый раз объявление автономии. Площадь в Чебоксарах заполняется колоннами демонстрантов. Развеваются красные знамена. Вся базарная площадь со всех сторон “оцепляется” любопытствующими. В большом количестве появляются крестьяне и крестьянки из ближайших деревень. <…> Первые же приветствия покрываются громовыми радостными аплодисментами и криками “ура” <…> Открывается митинг. Тов. Эльмень от имени правительства поздравляет трудящихся Чувашии с объявлением автономии» [7, с. 65 — 67]. Живописное полотно Н. К. Сверчкова полностью воспроизводит описываемые события. Именно этот факт вскоре повлечет за собой серьезные проблемы для художника. В 1937 г., в период, характеризуемый историками как «очередной этап политических репрессий, в СССР, который принято называть “Большим террором”» [9], он и его картина были подвергнуты жесткой критике.

Композицию произведения художник выстраивает по аналогии с известным полотном И. И. Бродского «Выступление В. И. Ленина на митинге рабочих Путиловского завода в мае 1917 года» (1926), в котором фигура В. И. Ленина, хотя композиционно и расположенная в глубине картины, является ее смысловым центром. В полотне «Объявление автономии Чувашии» (ил. 3) Сверчкову также удалось передать атмосферу всеобщего воодушевления, вызванного выступлением Д. С. Эльменя. Основным достоинством картины художник Ю. А. Зайцев признавал отражение «истинной правды того времени». Он отметил, что Н. К. Сверчков «не побоялся изобразить на переднем плане слепых, горбатых, нищих, всех тех, кого не считали за людей» [12, с. 90].

Вновь обратиться к теме Сверчков решает спустя несколько лет. «Объявление автономии» 1938 г. почти повторяет композицию 1935 г., при этом в ее цветовой организации преобладают светлые оттенки. На трибуне, уподобленной кораблю с алыми парусами, неизменна фигура Д. С. Эльменя. Тем самым художник словно утверждается в правоте своих политических взглядов.

Ил. 4. А. Ф. Мясников. Сеспель проводит митинг в Яльчиках в честь организации комсомола в 1920 году. 1975. Бумага, акварель. 40,5 × 59,8. ЧГХМ (№ 8534677 в Госкаталоге РФ) [3]

К замыслу воплощения героического образа личности в истории республики чувашские живописцы обращались в разные периоды развития национального изобразительного искусства. Проявление патриотизма во имя служения идеалам Отечества воодушевляло художников на создание выразительных произведений.

В работе «Нападение на Кадыкова» (1936) Н. К. Сверчков отразил акт жестокой расправы над чувашским революционным деятелем Иваном Герасимовичем Кадыковым, одним из инициаторов захвата помещичьих и церковных земель. Во время выступления 8 июля 1918 г. в Чебоксарах на многолюдном митинге по вопросу мобилизации в ряды Красной Армии, Кадыков был насмерть забит камнями. Эта сцена легла в основу рассматриваемого произведения художника.

Образ чувашского поэта-реформатора, драматурга, прозаика, государственного и общественного деятеля Михаила Кузьмича Кузьмина (1899 — 1922), известного под псевдонимом Михаил Сеспель, вдохновлял художников на создание портретов литератора, иллюстраций к его произведениям. Революционная деятельность Сеспеля самым выразительным образом решена в акварели А. Ф. Мясникова «Сеспель проводит митинг в Яльчиках в честь организации комсомола в 1920 году» (ил. 4), где художник в манере наивной живописи очень скрупулезно прописал все детали этой многофигурной композиции, «перечислив» всех участников, присутствующих на собрании, на фоне деревенского пейзажа.

Ил. 5. П. Г. Кипарисов. Михаил Сеспель. (1919 г. Чувашский поэт организует революционные отряды среди крестьян против Колчака). 1985. Х., м. 194 × 200. ЧГХМ (№ 4891365 в Госкаталоге РФ) [3]

Художник-академист Петр Гаврилович Кипарисов (1928 — 1987) в монументальном полотне «Михаил Сеспель. (1919 г. Чувашский поэт организует революционные отряды среди крестьян против Колчака)»

Ил. 6. Н. К. Сверчков. Приезд Н. К. Крупской в Чебоксары. 1947. Х., м. [20]

(ил. 5) решает тему по классицистическим законам, где главный герой устойчиво «держит» центр, а ритмично изображенная окружающая его толпа придает динамический настрой всему произведению.

Чувашия гордится своим легендарным земляком — героем Гражданской войны, участником Первой мировой войны и одним из самых известных командиров Красной Армии, ставшим олицетворением мужества, патриотизма и преданности Родине, — Василием Чапаевым. Встреча отряда легендарного комдива легла в основу произведения Тагаева-Сурбана.

Тему торжественной встречи известных деятелей Советской России художники республики раскрывали через сюжеты посещения ими чувашской земли. В июле 1919 г. на агитационном пароходе «Красная звезда» в Чебоксары прибыла Н. К. Крупская. Целью ее визита было обследование работы исполкома Чебоксарского уездного Совета и уездного комитета партии. Надежда Константиновна выступила перед трудящимися в Народном доме. Так именовали в те годы особняк по улице Карла Маркса. Н. К. Сверчков в своем замысле запечатлеть это историческое событие в 1946 г. выполнил эскиз «Приезд Крупской в Чебоксары». Н. К. Крупскую и сопровождавшего ее в поездке В. М. Молотова встречают на мостике чебоксарские трудящиеся. Задуманное вскоре получило развитие в картине (ил. 6), нахождение которой не удалось определить. Место хранения тематического полотна «Н. К. Крупская в Чебоксарах» другого чувашского художника — Николая Васильевича Овчинникова — также неизвестно (ил. 7).

Ил. 7. Н. В. Овчинников. Н. К. Крупская в Чебоксарах. 1977 (?) [11]

Пребыванию прославленных героев страны — полярников в Чебоксарах посвящена картина «Встреча челюскинцев» (ил. 8) Юрия Зайцева, свидетеля этого события. 13 апреля 1934 г. в Чукотском море завершилась операция по спасению участников арктической экспедиции на

Ил. 8. Ю. А. Зайцев. Встреча челюскинцев. 1934. Х., м. ЧГХМ (№ 4936805 в Госкаталоге РФ) [3]

пароходе «Челюскин». За судьбой челюскинцев, которым пришлось два месяца провести на льдине в условиях полярной зимы, следила вся страна. Их спасатели — летчики-полярники — стали первыми Героями Советского Союза. В 1934 г. они совершили поездку по волжским городам, где их восторженно встречали. Чебоксары посетили первые Герои СССР Анатолий Ляпидевский и Иван Доронин.

Подготовительные мероприятия, охватившие республику в связи с торжеством 15-летия автономии, вдохновили Н. К. Сверчкова на создание ряда работ. Произведение «Передача акта на вечное пользование землей колхозу» (1935 — 1936) он представляет как светлый весенний праздник. Радость происходящего — получения представителем села документа, в котором прописаны координаты границ характерных точек, а также обозначено, с кем граничит территория колхоза, — достигается благодаря изображению нарядно одетых сельчан и цветущих яблонь на заднем плане.

Ил. 9. А. М. Тагаев-Сурбан. Колхозное строительство. 1934. Бумага, акварель. 26 × 20. ЧГХМ (№ 4936805 в Госкаталоге РФ) [3]

Политика объединения единоличных крестьянских хозяйств в колхозы и совхозы, проводившаяся в СССР в период с 1928 по 1937 г., явилась одной из тем и в творчестве Алексея Михайловича Тагаева-Сурбана (1907 — 1990). Колхозное строительство он показывает как позитивный процесс, сопровождаемый возвышенными стремлениями и направленный на повышение продуктивности сельскохозяйственного производства, пусть пока ручным еще трудом (ил. 9).

Сложившиеся в результате коллективизации крупные сельские хозяйства нуждались в техническом оснащении. Их механизация требовала денежных затрат, но колхозы на начальном этапе своего развития не имели достаточно средств, чтобы приобрести, например, тракторы. Тогда «находчивые чувашские и татарские колхозницы решили расстаться со своими серебряными украшениями» [1, с. 41], чтобы колхозные хозяйства пополнить тракторным фондом. А. Ф. Мясников исчерпывающе изобразил сцену приема на-

циональных украшений чувашек в жанровом произведении «Сдача серебряных украшений в тракторный фонд» (ил. 10). И как дальнейшее развитие событий выглядит полотно Н. К. Сверчкова «Первый трактор» (1937), в котором художник показал начало новой эпохи в сельском хозяйстве — обработку земли при помощи машины. Яркие эмоции на лицах колхозников, впервые встретившихся с техническим новшеством, соответствуют атмосфере праздничного настроения.

Ил. 10. А. Ф. Мясников. Сдача серебряных украшений в тракторный фонд. 1933. Х., м. 100 × 126. ЧГХМ (№ 9714996 в Госкаталоге РФ) [3]

Позитивные последствия коллективизации являют собой созданные им 1936 г. произведения «Лыжница-колхозница» и «Лыжный поход», герои которых в буденовке с красной звездой, являющей красноармейский образ героев Гражданской войны. Положительные стороны жизни советской чувашской деревни демонстрируют полотна «Детплощадка в колхозе» (1933) А. Ф. Мясникова и «Колхозный хор» (1935) А. М. Тагаева-Сурбана. Яркая цветовая палитра отражает творческий досуг сельских жителей.

Повседневность складывалась не только из трудовых подвигов, были в истории Чувашской Республики и трагические страницы. Переход к коллективизации осуществлялся насильственными методами, вызывал крестьянские восстания и приводил к большим человеческим жертвам. Вопросу о политике ликвидации кулачества как класса И. В. Сталин уделял особое значение: «Чтобы вытеснить кулачество как класс, надо сломить в открытом бою сопротивление этого класса и лишить его производственных источников существования и развития (свободное пользование землей, орудия производства, аренда, право найма труда и т. д.)» [14]. А. Ф. Мясников в работах «Последний единоличник» (1929), «Подкулачник» (1930-е гг.) попытался передать свое отношение к зажиточному крестьянству, изобразив их как закостенелых, архаичных бородатых старцев, неспособных откликнуться на новую жизнь, прогрессивное развитие. Контрастным ответом стала его работа «Я — за колхоз» (1936), в которой молодой крестьянин в кумачовой рубахе в душевном порыве смотрит в открытое окно, где по улице «течет» толпа демонстрантов с красными стягами.

Драматическую сторону жизни чувашской деревни в этот период показал Тагаев-Сурбан. В работе «Кулацкое восстание» (ил. 11) он зафиксировал трагический эпизод — избиение зажиточных крестьян. Темная палитра холодных красок усиливает тяжесть восприятия сцены. В первоначальном замысле художника — еще более мрачное развитие событий. Центром композиции Тагаев-Сурбан планировал сделать тело забитого палками участника восстания (ил. 12). Однако в окончательном варианте картины он отказался от демонстрации столь выраженной агрессии.

Трагедии, военные конфликты, наносящие урон чувашскому населению, волновали Сверчкова, небезразличного к судьбе своей Родины. Эпизод чувашской

Ил. 11. А. М. Тагаев-Сурбан.
Кулацкое восстание. 1935.
Х., м. 179,5 × 156,5. ЧГХМ
(№ 4950434 в Госкаталоге РФ) [3]

Ил. 12. А. М. Тагаев-Сурбан. Кулацкое
восстание. Эскиз. 1934.
Бумага тонированная, гуашь, карандаш.
30,2 × 18,6. ЧГХМ
(№ 11630102 в Госкаталоге РФ) [3]

истории, современником которого являлся художник, он попытался воплотить в 1936 г. В эскизе к картине «Тюрлеминский бой» отражено сражение, которое произошло 28 — 29 августа 1918 г. между Шихранским отрядом группы войск Красной Армии и конным подразделением белогвардейцев. Бой на станции Тюрлема был решающим. Лев Троцкий так описывал эти события: «28 августа белые предприняли обход. Во главе серьезного отряда полковник Каппель, впоследствии прославленный белый генерал, зашел под покровом ночи нам в тыл, захватил ближайшую небольшую станцию, разрушил полотно железной дороги, повалил телеграфные столбы и, отрезав нам таким образом отступление, пошел в атаку на Свияжск... Сражение длилось около 8 часов, обе стороны понесли жертвы, неприятель выдохся и отступил» [16]. Задуманное художником являет собой батальную сцену. Он стремится запечатлеть особо важный момент битвы, показать героику схватки, раскрыть исторический смысл военных событий. Однако подобного рода произведения, как и выдающиеся творения И. К. Айвазовского «Чесменский бой» или В. В. Верещагина на темы русско-турецкой войны 1877 — 1878 гг., следует рассматривать и в ракурсе исторической живописи.

Великая Отечественная война — одно из самых трагичных и значимых событий в истории всего человечества и в судьбах народов России. Ее ход и последствия нашли отражение в чувашской живописи. Канашский вагоноремонтный завод с началом войны по решению Государственного комитета обороны приступил к производству оборонной продукции. В первую очередь был организован выпуск боеприпасов. Затем начали ремонт танков Т-34. В марте 1942 г. из ворот КВРЗ на фронт ушел бронепоезд «Комсомол Чувашии». На его постройку жители республики собрали более 1,3 млн руб., из них 320 тыс. перечислили из своих заработков рабочие КВРЗ [8, с. 486]. Это известие воодушевило художника

Сверчкова на создание произведения, посвященного боевой машине, половина личного состава которой была родом из Чувашии. «Стальная крепость» на колесах, за короткое время своего существования нанесшая колоссальный урон врагу, навечно вписана в летопись Великой Отечественной войны. Художник Н. Сверчков в поиске наиболее подходящего варианта выполнил ряд эскизов. В Чувашском государственном художественном музее хранятся пять произведений, написанных им в 1942 г., два из которых носят названия, отличные от основного произведения: «Бронепоезд “Комсомол Чувашии”. Митинг на Чебоксарском вокзале» и «Бронепоезд “Комсомол Чувашии”. Встреча бронепоезда». Завершенную работу «Бронепоезд им. Комсомола Чувашии», запечатлевшую момент отправки бронированного подвижного состава на фронт, он показал на выставке, которая была открыта 15 ноября 1942 г. в фойе Чувашского государственного академического театра.

Самоотверженный подвиг жителей Чувашии был проявлен и на фронтах, и в тылу. В годы войны М. С. Спиридонов выполнил ряд эскизов для картин «Сбор теплых вещей для фронта», «Чувашские делегаты на фронте», «Раненый товарищ», «Наступление советских войск в дни Великой Отечественной войны». Широкую известность получила его небольшая по размеру работа «Самолет — подарок Герою Советского Союза Ф. Н. Орлову, построенный на средства Сарскова» (1944). Добровольное пожертвование крестьянами и рабочими денежных средств на постройку самолетов, танков и другой военной техники было не менее важным для Победы. Семья Сарсковых из с. Иваньково-Ленино Алатырского района собрала немалую сумму — 100 000 руб. Эту боевую машину — самолет Ли-2 (ночной бомбардировщик) — получил в 1944 г. уроженец Ядринского района Чувашии летчик Федот Орлов. После вручения именного самолета он прилетел в Иваньково-Ленино, чтобы лично выразить благодарность жителям деревни. На борту поблескивающей на солнце машины крестьяне увидели надпись: «От колхозника А. М. Сарскова Герою Советского Союза Ф. Н. Орлову» [1, с. 32]. Торжественный момент посадки Ли-2 на колхозном поле и был увековечен художником.

Сюжеты истории Чувашии в живописи послевоенного периода развития изобразительного искусства наиболее плодотворно воплотил Николай Васильевич Овчинников (1918 — 2004). Искусствовед М. Г. Кондратьев считает Овчинникова, наряду с чувашскими поэтами П. Хузангаем и Я. Ухсаем, композитором Ф. Лукиным, «наиболее заметной, более того, ключевой фигурой художественной культуры Чувашии второй половины XX столетия» [6, с. 331]. Он был практически единственным в республике, кто освоил исторический жанр. Созданные им полотна отражают знаковые события жизни чувашского народа, судьба которого является неотъемлемой частью истории российского государства. Образование Чувашской автономии — одна из востребованных тем в живописном творчестве мастеров изобразительного искусства республики. Николай Васильевич не раз к ней обращался, выполнив в результате знаковые для его творчества полотна. В своем обучении он прошел длительный путь: от Алатырской художественной граверной школы до Академии художеств, где его наставниками были Б. В. Иогансон, Р. Р. Френц и А. М. Герасимов. Фундаментальная школа определила в нем способность к воплощению «больших тем» в живописи. Многофигурные полотна, воссоздание образов известных исторических личностей определили своеобразие его творчества. Один из вариантов темы «Подписание декрета об образовании автономии Чувашии», написанный в 1950 г., принадлежит

Ил. 13. Н. В. Овчинников. Подписание декрета об образовании автономии Чувашии. 1970. Х., м. 156 × 201. ЧГХМ (№ 4944741 в Госкаталоге РФ) [3]

ЧГХМ (ил. 13). Действие сюжета разворачивается в кабинете Ленина, о чем свидетельствуют изображенные на полотне Спасская башня за окном и портрет Маркса на стене. В. И. Ленин — за письменным столом в окружении И. В. Сталина и М. И. Калинина. Чувашская делегация (одна из участниц в национальном костюме) принимает из рук Сталина документ. Художник грамотно компонует сцену, представляя происходящее как театральное действо. Она строится на симметрии — одном из основных принципов классицистической композиции. Ее смысловой центр совпадает с геометрическим, что создает положительное впечатление. Позднее художник не раз обращался к этой теме. В Чувашском национальном музее, например, хранится «Вручение В. И. Лениным декрета об образовании автономии посланцам чувашского народа». К столетнему юбилею В. И. Ленина Н. В. Овчинников написал картину «Подписание В. И. Лениным декрета об образовании Чувашской Советской автономии» (ил. 14), которая была приобретена Государственным историческим музеем. В инвентарной карточке музейного предмета, в графе «период» создания стоит дата 24.06.1970 (№ 6848756 в Госкаталоге РФ) [3]. Такие сюжеты были типичны для искусства того времени и предназначались для оформления «красных уголков», «ленинских комнат» на предприятиях и учреждениях. Очевидно, что художник повторил уже известную картину для конкретной цели. В ней прослеживается сходство с полотном, принадлежащем Чувашскому национальному музею, название которого указывается как «Картина. Вручение В. И. Лениным декрета об образовании автономии посланцам чувашского народа». Следует заметить, что полотно из коллекции ЧГХМ отвечает более высоким требованиям академизма. Объемно-пространственное, тонально-цветовое решение композиции обусловлено и содержанием, и основными художественно-структурными принципами

Ил. 14. Н. В. Овчинников. Подписание В. И. Лениным декрета об образовании Чувашской Советской автономии. 1970. Х., м. 156 × 201. Государственный исторический музей (№ 6848756 в Госкаталоге РФ) [3]

Ил. 15. В. Н. Басов. Здравствуй, Земля! 1961. Х., м. 150 × 343 [15]

советского искусства. Очевидно, что Овчинников в этой работе ориентировался на примеры известных мастеров советского искусства, таких как Бродский, Герасимов, Грабарь, Соколов, Кара-Мурза и др., ставших хрестоматийными.

Широкую известность Н. В. Овчинникову принесло произведение, запечатлевшее событие 11 августа 1962 г., знаменательное для всего чувашского народа. Благодаря летчику-космонавту А. Г. Николаеву весь мир узнал о республике на Волге, а он сам стал национальным героем. В этот день Андриян Григорьевич совершил свой первый космический полет. Это было событие, в котором все происходило в первый раз: полет в космос такой длительности — 94 часа 22 минуты; человек находился на корабле без скафандра и без привязи к креслу; групповой полет космических кораблей — на «Востоке-4» одновременно с Николаевым в космос отправился Павел Попович с позывным «Беркут»; первая установленная радиосвязь между экипажами двух кораблей; первый военный эксперимент по программе создания перехватчика спутников; и первый раз человек самостоятельно управлял космическим кораблем [4]. Николаева стали называть чувашским Соколом.

Полотно Н. В. Овчинникова «Здравствуй, Земля» (ил. 16) стало знаковым не только в наследии художника, но и для всего чувашского искусства. Сюжетом явился момент возвращения Андрияна Николаева на землю. Летчик-космонавт в оранжевом скафандре и бескрайнее поле под небесным простором. Схожее по композиции и названию полотно было написано московским художником Василием Николаевичем Басовым (1918 — 1962) в 1961 г. в честь первого покорителя космоса Юрия Гагарина (ил. 15). Художника не стало уже в следующем, 1962 г., а картина и ныне хранится в Тверской областной картинной галерее. Вероятно, чувашский живописец был впечатлен этой емкой и выразительной композицией произведения и решил воплотить свой замысел с героем Чувашии, соратником Гагарина. Видимый успех сподвиг художника на авторское повторение. В российских музеях находится семь полотен Н. В. Овчинникова «Здравствуй, земля!». Так, в Национальный музей Республики Марий Эл им. Тимофея Евсеева и Национальный музей Удмуртской Республики им. Кузебая Герда поступили произведения, написанные им в 1970 г.; в Дагестанский музей изобразительных искусств им. П. С. Гамзатовой — в 1972 г.; в Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан — в 1980 г. В ЧГХМ — два варианта, 1962 — 1963 гг. и 1964 г. Для одного из кинотеатров г. Чебоксары Николай

Ил. 16. Н. В. Овчинников. Здравствуй, Земля! (Второй вариант). 1964. Х., м. 173 × 294. ЧГХМ (№ 9714996 в Госкаталоге РФ) [3]

Овчинников с учениками выполнил панно «Здравствуй, Земля». В 1990-е, после закрытия кинотеатра, оно было передано на постоянное хранение Шоршелскому музею космонавтики (ныне Мемориальный комплекс летчика-космонавта СССР А. Г. Николаева).

На это значительное событие — полет третьего советского космонавта — многие художники отозвались своими картинами. Один из старейших чувашских мастеров изобразительного искусства Ю. А. Зайцев нашел неординарное решение темы полета в космос своего соотечественника. В ней нет ни образа космонавта, ни прямого указания на героический подвиг. Его полотно «Над Цивилем» (1964) — аллюзия на свершившееся событие. Молодая чувашка, пасущая колхозное стадо, машет платочком, обращаясь к небу. Там, высоко-высоко, что и не видно, летит воздушный корабль, и, как описывает картину искусствовед Н. А. Ургалкина, «только белая стрела инверсионного следа стремительно подчеркивает бездонную синеву, проглянувшую среди освященных солнцем облаков» [19, с. 89].

Выдающаяся фигура из национальной элиты чувашского народа — космонавта-3, открывшего большому миру человечества само существование чувашского народа как современной нации, — так определяет личность Андрияна Григорьевича Николаева М. Г. Кондратьев [6, с. 331]. Героический образ был воплощен в живописи Н. К. Сверчкова («Друзья. Космонавты Николаев и Попович», 1966), Н. П. Карачарскова («Чувашская рапсодия», 1985), А. И. Лактионова («Портрет космонавта А. Г. Николаева», 1970), Р. Ф. Федорова («Праздник в Шоршелах», 1974), а также в скульптуре Ю. И. Ксенофонтова, Э. М. Агаяна и Л. Е. Кербеля. Эту тему продолжал развивать и Н. В. Овчинников. Торжественной встрече А. Г. Николаева в Чебоксарах 2 сентября 1962 г. он приурочил произведение «Здравствуйте, земляки!» (1962), где легендарный герой запечатлен во время триумфального проезда по улицам города в роскошном, невиданном еще в Чувашии кабриолете ЗиС-110Б. Этот автомобиль с государственным номером 00 — 01 ЧУА сегодня является экспонатом Музея космонавтики в с. Шоршелы Мариинско-Посадского муниципального округа.

Каждый приезд Николаева в Чувашию был событием. «На родине. Свадьба в Шоршелах» (1967), как и написанная позднее на эту тему картина Р. Ф. Федорова, отражают незабываемый для односельчан исторический момент — приезд молодоженов Андрияна Николаева и Валентины Терешковой. Лица главных героев у Овчинникова, придерживающегося традиций социалистического реализма, узнаваемы, тогда как в творческой манере Федорова — некая аффектация сурового стиля и только название указывает на чету молодых.

В своих произведениях Николай Васильевич Овчинников и Николай Прокофьевич Карачарсков превзошли все, что создавалось в чувашской живописи прежде, по размеру и количеству действующих лиц, оставшись недостижимыми в этом плане и сегодня [10, с. 117]. В творческом наследии Н. В. Овчинникова картина «Навеки вместе» (1980 — 1985), пожалуй, наиболее известна. А. И. Мордвинова считает, что «в чувашской живописи и искусствоведческой литературе это масштабное полотно не могло быть незамеченным. Его размеры, оптимистический строй, ясность замысла и простота характеристик действующих лиц производят впечатление» [10, с. 117]. Полное название этого масштабного во всех смыслах произведения, работа над которым велась на протяжении пяти лет, — «Навеки вместе. (Встреча Ивана Грозного с посланцами чувашского народа по пути следования в Казань в 1554 году)» (270 × 486). Сюжетом монументального полотна стало воссоединение чувашского и русского народов. Действие происходит на высоком берегу Волги, где войско Ивана Грозного встречает чувашский народ. Так художник интерпретирует исторический, этнографический и художественный материал. В изобразительном искусстве Чувашии со столь масштабным многофигурным действием на холсте можно сравнить только «Чувашскую рапсодию» (1985, 280 × 460) Н. П. Карачарскова. «Эта картина — монументальное эпическое полотно, имитирующее действо крупномасштабного чувашского национального праздника песни и танца, — символ единения народа, облаченный в парадное героическое “стояние”. На передний план произведения автор выводит первых лиц Чувашии середины 1980-х годов: руководителей и передовиков производства, сельского хозяйства, участников Великой Отечественной войны, Героев Советского Союза. Композицию завершают толпы празднично одетых колхозников, одновременно и зрителей, и участников праздника песни» [1, с 15]. Оба художника, имеющие звание народных, показали свои полотна на Шестой зональной выставке Большая Волга, предъявив тем самым уровень развития чувашского изобразительного искусства. Этот форум искусства стал рубежным этапом в освоении чувашскими живописцами сюжетов национальной истории. С распадом советского строя, утратой его идеалов, ушла из искусства «большая тема».

Заключение

В чувашском изобразительном искусстве за весь период существования с начала XX в. уже первые профессиональные художники, обращаясь к темам, трактующим ключевые этапы жизни чувашского народа, создали целый ряд произведений, включающий варианты эскизов и законченных полотен. В них нашли отражение важнейшие для Чувашской Республики события и этапы ее развития, составив визуальную картину ее истории. Каждый период диктовал свои темы, свое прочтение действительности. Посвященные знаковым событиям работы чувашских художников являют в настоящем документальный портрет времени. Сегодня, в эпоху третьей волны глобализации, начавшейся в 1990-е гг., или, как ее называют специалисты, гиперглобализации, происходят процессы распростране-

ния по всему миру единых образцов массовой культуры, чаще всего западной [2]. Рыночные отношения коснулись и искусства. Широкое развитие получили так называемые низкие жанры — пейзаж, натюрморт. Произведения исторического жанра создавались художниками преимущественно на условиях государственного заказа. С разрушением СССР в 1991 г. утрачена идеология, бывшая главным стимулом госзаказа в культуре. Она, развиваясь под влиянием западных либеральных ценностей, перестала возвышать человека, взращивать в нем патриотические качества.

Художник ответственен перед собой и народом. Его миссия заключается в том, чтобы стимулировать общественное сознание, акцентировать внимание на важнейших проблемах современности. В последнее десятилетие в чувашском изобразительном искусстве эта тенденция находит свое выражение. Чаще это происходит на уровне этнографического решения. Произведения на сюжеты национальной истории могли бы усилить такое развитие.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. 100 лет Чувашской автономии в произведениях из собрания Чувашского государственного художественного музея. Чебоксары: ЧГХМ, 2020. 228 с.

2. Башкиров С. Что такое глобализация, почему она происходит и к чему может привести // «РБК»: [сайт]. URL: https://trends.rbc.ru/trends/social/69118fef9a79472c35f42824 (дата обращения: 19.12.2025).

3. Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/ (дата обращения: 12.10.2025).

4. Иванова Г. Б. От Чувашии до звезд: жизнь и подвиги Андрияна Николаева (к 95-летию со дня рождения Андрияна Григорьевича Николаева (1929 — 2004) — дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта СССР) // Государственный архив современной истории Чувашской Республики: [сайт]. URL: https://archives21.rchuv.ru/news/2024/09/05/ot-chuvashii-do-zvezd-zhiznj-i-podvigi-andriyana-n (дата обращения: 17.12.2025).

5. История завода // Официальный сайт Вурнарского района: [сайт]. URL: https://old-vurnar.cap.ru/SiteMap.aspx?id=800847 (дата обращения: 13.12.2025).

6. Кондратьев М. Г. Осознать себя как современную нацию // Избранное: в 2 т. Т. 1. Полвека музыкальной жизни Чувашии: публицистика. Чебоксары: ЧГИГН, 2023. С. 328 — 344.

7. Львов П. З. Тысяча девятьсот двадцатый // 15 лет Советской Социалистической Чувашии: 1920 — 1935. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1935. С. 65 — 67.

8. Малинина А. А. Патриотизм чувашского народа в творчестве чувашских живописцев // Победа единства: народы Евразии в борьбе с фашизмом в годы Великой Отечественной войны (1941 — 1945): материалы Международной научно-практической конференции (Чебоксары, 5 — 7 мая 2025 г.) / сост. и науч. ред. И. И. Бойко, В. Г. Харитонова. Чебоксары: ЧГИГН, 2025. С. 485 — 492.

9. Матюшин П. Н. Репрессии в отношении партийных и советских работников в 30-годы XX века (по архивным материалам Чувашской АССР) // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 151. Кн. 2. Ч. 2. Гуманитарные науки. 2009. С. 168 — 174.

10. Мордвинова А. И. Реалистическое искусство Чувашии в зеркале новой жизни (живопись последней четверти XX века) // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 2. С. 112 — 128.

11. Репродукция картины художника Николая Овчинникова «Н. К. Крупская в Чебоксарах» // РИА НОВОСТИ МЕДИАБАНК: [сайт]. URL: https://riamediabank.ru/media/749743.html (дата обращения: 02.12.2025).

12. Сверчков Н. К. Счастье (Воспоминания художника). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1976. 208 с.

13. Спиридонов М. С. Крылья памяти. Воспоминания художника. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. 207 с.

14. Сталин И. В. К вопросу о политике ликвидации кулачества как класса. 21 января 1930 г. // Исторические материалы: [сайт]. URL: https://istmat.org/node/44261 (дата обращения: 09.01.2026).

15. Тверская областная картинная галерея // Виртуальный русский музей: официальный сайт. URL: https://clck.su/HpwYE (дата обращения: 12.04.2025).

16. Троцкий Л. Моя жизнь // Литрес: официальный сайт. URL: https://www.litres.ru/book/lev-trockiy/moya-zhizn-177739/chitat-onlayn/ (дата обращения: 15.12.2025).

17. Тургай И. В. Исторический жанр в творчестве В. И. Агеева // Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа: сборник статей. Вып. 5. Чебоксары: ЧГИГН, 2021. С. 265 — 285.

18. Тургай И. В. Батальный жанр в творчестве В. И. Агеева // Чувашский гуманитарный вестник. 2020. № 15. С. 168 — 179.

19. Ургалкина Н. А. Чувашское советское искусство. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1973. 118 с.

20. Чувашия в 1917 — 1919 годы // Чувашский национальный музей: [сайт]. URL: http://old.chnmuseum.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=4665%3A2020-06-23-21-12-58&catid=133%3Aavtonom-100&Itemid=254 (дата обращения: 24.12.2025).

REFERENCES

1. 100 years of Chuvash autonomy in works from the collection of the Chuvash State Art Museum. Cheboksary;2020:228. (In Russ.)

2. Bashkirov S. What is globalization, why does it happen and what can it lead to // RBC: [website]. URL: https://trends.rbc.ru/trends/social/69118fef9a79472c35f42824 (reference date: 19.12.2025). (In Russ.)

3. State Catalog of the Museum Fund of the Russian Federation: official website. URL: https://goskatalog.ru/portal /#/ (reference date: 12.10.2025). (In Russ.)

4. Ivanova G. B. From Chuvashia to the stars: the life and exploits of Andriyan Nikolaev (on the 95th anniversary of the birth of Andriyan Grigorievich Nikolaev (1929 — 2004) — twice Hero of the Soviet Union, USSR cosmonaut) // State Archive of Modern History of the Chuvash Republic: [website]. URL: https://archives21.rchuv.ru/news/2024/09/05/ot-chuvashii-do-zvezd-zhiznj-i-podvigi-andriyana-n (reference date: 17.12.2025). (In Russ.)

5. History of the plant // Official website of the Vurnarsky district: [website]. URL: https://old-vurnar.cap.ru/SiteMap.aspx?id=800847 (reference date: 13.12.2025). (In Russ.)

6. Kondratiev M. G. To realize oneself as a modern nation // Favourites. In 2 volumes. Vol. 1. Half a century of musical life of Chuvashia: publicism. Cheboksary;2023:328 — 344. (In Russ.)

7. Lviv P. Z. One thousand nine hundred and twenty // 15 years of Soviet Socialist Chuvashia: 1920 — 1935. Cheboksary;1935:65 — 67. (In Russ.)

8. Malinina A. A. Patriotism of the Chuvash people in the works of Chuvash painters // Proceedings of the international conference “Victory of Unity: the peoples of Eurasia in the fight against fascism during the Great Patriotic War (1941 — 1945)”. Cheboksary;2025:485 — 492. (In Russ.)

9. Matyushin P. N. Repressions against party and Soviet workers in the 30s of the 20th century (based on archival materials of the Chuvash ASSR) // Scientific Notes of Kazan State University. 151(2-2);2009:168 — 174. (In Russ.)

10. Mordvinova A. I. Realistic art of Chuvashia in the mirror of a new life (painting of the last quarter of the twentieth century) // Modern Humanities. 2025;1(2):112 — 128. (In Russ.)

11. Reproduction of the painting by the artist Nikolai Ovchinnikov “N. K. Krupskaya in Cheboksary” // RIA NOVOSTI MEDIABANK: [website]. URL: https://riamediabank.ru/media/749743.html (reference date: 02.12.2025). (In Russ.)

12. Sverchkov N. K. Happiness (Memoirs of the artist). Cheboksary;1976:208. (In Russ.)

13. Spiridonov M. S. Wings of memory. The artist’s memoirs. Cheboksary;1990:207. (In Russ.)

14. Stalin I. V. On the question of the policy of eliminating the Kulaks as a class. January 21, 1930 // Historical materials: [website]. URL: https://istmat.org/node/44261 (reference date: 09.01.2026). (In Russ.)

15. Tver Regional Art Gallery // Virtual Russian Museum: official website. URL: https://clck.su/HpwYE (reference date: 12.04.2025). (In Russ.)

16. Trotsky L. My life // Litres: official website. URL: https://www.litres.ru/book/lev-trockiy/moya-zhizn-177739/chitat-onlayn / (reference date: 15.12.2025). (In Russ.)

17. Turgay I. V. Historical genre in the works of V. I. Ageev // Current issues of the history and culture of the Chuvash people: a collection of articles. Issue 5. Cheboksary;2021:265 — 285. (In Russ.)

18. Turgai I. V. The battle genre in the works of V. I. Ageev // Chuvash Humanitarian Bulletin. 2020;15:168 — 179. (In Russ.)

19. Urgalkina N. A. Chuvash Soviet art. Cheboksary;1973:118. (In Russ.)

20. Chuvashia in 1917 — 1919 // Chuvash National Museum: [website]. URL: http://old.chnmuseum.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=4665%3A2020-06-23-21-12-58&catid=133%3Aavtonom-100&Itemid=254 (reference date: 24.12.2025). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.01.2026;
одобрена после рецензирования 20.04.2026; принята к публикации 25.05.2026
Информация об авторе:
Малинина Алина Александровна, научный сотрудник
Чувашского государственного института гуманитарных наук
(428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1),
член Ассоциации искусствоведов,
ORCID: https://orcid.org/0009-0004-4824-9443, m-anila@mail.ru
Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 12.01.2026;
approved after reviewing 20.04.2026; accepted for publication 25.05.2026
Information about the author:
Alina A. Malinina, researcher, Chuvash State Institute of Humanities
(29/1, Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia),
member of the Association of Art Critics,
ORCID: https://orcid.org/0009-0004-4824-9443, m-anila@mail.ru
Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакцие 12.01.2026 çитнĕ;
рецензиленĕ хыççăн 20.04.2026 ырланă; 25.05.2026 пичете йышăннă
Автор çинчен:
Малинина Алина Александровна, Чăваш патшалăх гуманитари
ăслăлăхĕсен институчĕн ăслăлăх ĕçтешĕ
(428015, Раççей, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.),
Ӳнер тĕпчевçисен ассоциацийĕн пайташĕ,
ORCID: https://orcid.org/0009-0004-4824-9443, m-anila@mail.ru
Пайталăх конфликчĕ: автор пайталăх конфликчĕ çуккине пĕлтерет.
Автор ал çырăвăн юлашки вариантне вуласа тухнă, ырланă.

УДК 745.51(470.344)“19”
ББК 37.277.1(2Рос.Чув)

Научная статья

ИЗ ИСТОРИИ ЧЕБОКСАРСКОГО СУНДУЧНОГО ПРОМЫСЛА (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX ВЕКА)

Г. А. Пудов
Государственный Русский музей,
г. Санкт-Петербург, Россия
narodnik80@list.ru

Аннотация. Несмотря на возрастающий интерес к истории сундучного дела, в настоящее время остается множество лакун. Одной из них является сундучный промысел, который развивался в первой половине XX в. в Чебоксарском районе Чувашской АССР. Литература по его истории крайне скудна, встречаются лишь упоминания в выставочных и статистических изданиях. Цель настоящей статьи — общая характеристика сундучного промысла Чебоксарского района Чувашии. В круг задач входят ввод новых сведений в научный оборот и художественный анализ отдельных сундуков. Хронологические рамки исследования: первая половина XX в., это время расцвета чувашского сундучного дела. В статье приведена краткая информация по истории промысла конца XIX — начала XX в., рассмотрены конструкция и декоративное оформление сундуков. Особое внимание уделено связи их орнамента с другими видами народного искусства Чувашии, в частности, с узорным ткачеством и вышивкой. Чувашский сундучный промысел поставлен в контекст истории сундучного дела России. В результате исследования сделаны выводы, что деревни Чебоксарского района — один из местных центров русского сундучного производства; сундуки являются неотъемлемой частью чувашского народного искусства, и, вероятно, они имели отношение к обряду свадьбы; значительное воздействие на сложение художественного стиля чувашских сундуков оказали нижегородские и вятские ремесленные традиции. Выводы настоящей публикации могут быть использованы при составлении курса лекций по истории народного искусства Чувашии. Перспективы исследования видятся в изучении связей чувашского сундучного дела с другими центрами промысла.

Ключевые слова: Чебоксарский район, сундучный промысел, народное искусство, кустарная промышленность, свадебная обрядность

Благодарности: автор считает своим долгом выразить благодарность за сотрудничество С. Н. Кодыбайкину, кандидату исторических наук, доценту Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова

Для цитирования: Пудов Г. А. Из истории чебоксарского сундучного промысла (первая половина XX века) // Современная гуманитаристика. 2026. Т. 2. № 2. С. 137 — 148

© Пудов Г. А., 2026

Scientific article

FROM THE HISTORY OF CHEBOKSARY CHEST INDUSTRY (THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY)

G. A. Pudov
State Russian Museum,
Saint Petersburg, Russia
narodnik80@list.ru

Abstract. Despite the growing interest in the history of the chest industry, there are still many gaps in their study. One of them is the chest industry that developed in Cheboksary district of the Chuvash ASSR in the first half of the 20th century. The literature on its history is

extremely scarce, there are only brief mentions in exhibition and statistical publications. The purpose of this article is a general description of the chest industry of Cheboksary region of Chuvashia. The range of tasks includes introducing new information into scholarly discourse and an artistic analysis of individual chests. The chronological framework of the study covers the first half of the 20th century, the heyday of the Chuvash chest industry. The article provides brief information on the history of the craft at the end of 19th and early 20th centuries, the design and decoration of chests are considered. Special attention is paid to the connection of their ornament with other types of folk art of Chuvashia, in particular patterned weaving and embroidery. The Chuvash chest trade is placed in the context of the history of the Russian chest industry. The study concludes that the villages of Cheboksary district are one of the local centers of Russian chest production; chests are an integral part of Chuvash folk art, and they probably had to do with the wedding ceremony; Nizhny Novgorod and Vyatka craft traditions had a significant impact on the artistic style of Chuvash chests. The findings of this study may be used in developing lecture courses on the history of folk art of Chuvashia. Further research may focus on the connections of the Chuvash chest business with other craft centers.

Keywords: Cheboksary district, chest craft, folk art, handicraft industry, wedding rituals

Acknowledgments: The author considers it his duty to express gratitude for the cooperation to S. N. Kodybaykin, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the I. N. Ulyanov Chuvash State University

For citation: Pudov G. A. From the history of Cheboksary chest industry (the first half of the 20th century) // Modern humanities. 2026;2(2):137 — 148

Ăслăлăх статйи

ШУПАШКАР ТАВРАШЁНЧИ АРЧА ПРОМЫСЛИН ИСТОРИЙЁНЧЕН (ХХ ЁМЁРЁН ПЁРРЕМЁШ ÇУРРИ)

Г. А. Пудов
Патшалăх Вырăс музейĕ,
Санкт-Петербург хули, Раççей
narodnik80@list.ru

Аннотаци. Арча туса сутнин историйĕпе интересленесси ӳссех пырать пулин те ку ыйтура тĕпчемен самантсем чылай. Вĕсенчен пĕри ХХ ĕмĕрĕн пĕрремĕш çурринче халĕ Чăваш АССРнчи Шупашкар округне кĕрекен тăрăхра сарăлнă арча промыслипе çыхăннă. Ун кун-çулне тĕпчесе çырнă ĕçсем çукпа пĕрех, ун çинчен куравсене халăллана кăларăмсенче е статистика пуххисенче асăнса хăварни çеç тĕл пулкалать. Статья тĕллевĕ — Шупашкар таврашĕнчи арча промыслине пĕтĕмĕшле характеристика парасси. Татса памалли ыйтусен шутĕнче – ăслăлăха çĕнĕ сведенисем кĕртесси тата упранса юлнă арчасенчен хăшĕ-пĕрин капăрлăхне хакласси. Тĕпчеме палăртнă тапхăр — Чăваш енре арча тăвас ĕç вăйлă аталаннă вăхăт, ХХ ĕмĕрĕн пĕрремĕш çурри. Статьяра ку промыслан XIX ĕмĕр вĕçĕпе ХХ ĕмĕр пуçламăшĕнчи историйĕ çинчен те кĕскен çырса кăтартнă, арчасен конструкцине тата вĕсене епле капăрлатнине пăхса тухнă. Капăрлату мелĕсене чăваш халăх ӳнерĕн ытти тĕсĕсемпе, тĕслĕхрен, эрешлĕ пир-авăрпа тата тĕрĕсемпе танлаштарассине пысăк тимлĕх уйăрнă. Чăвашсен арча ăсталăхĕн аталанăвне Раççейри арча ăсталăхĕн историйĕн контекстĕнче пăхса тухнă. Тĕпчев çакăн пек пĕтĕмлетӳсем тума май пачĕ: Шупашкар таврашĕнчи ялсен ушкăнĕ Раççейри арча тăвакан вырăнсенчен пĕри пулнă; арча ăсталăхĕ чăваш халăх ӳнерĕн пĕр пайĕ пулнă, вăл туй йăли-йĕркипе çыхăннă пулас; чăваш арчисен илемлĕх стилĕ Чулхулапа Веткĕ кĕпĕрнисенче çирĕпленнĕ ремесла йĕркисем палăрмаллах витĕм кӳнипе аталаннă. Статьяри пĕтĕмлетӳсемпе чăваш халăх ӳнерĕн историйĕ çинчен лекци курсне хатĕрленĕ чухне усă курма пулать. Малашнехи тĕпчевсене чăвашсен арча ăсталăхĕпе ытти вырăнсенчи промысласен çыхăнăвĕсене тишкерессине халаллама пулать.

Тĕп сăмахсем: Шупашкар районĕ, арча промысли, халăх ӳнерĕ, ал ăсталăх промышленноçĕ, туй йăла-йĕрки

Тав сăмахĕсем: Автор истори ăслăлăхĕсен кандидатне, И. Н. Ульянов ячĕллĕ Чăваш патшалăх университечĕн доцентне С. Н. Кодыбайкина пулăшнăшăн тав тăвать

Цитатăлама: Пудов Г. А. Шупашкар таврашĕнчи арча промыслин историйĕнчен (XX ĕмĕрĕн пĕрремĕш çурри) // Хальхи гуманитаристика. 2026. 2 т. 2 №. С. 137 — 148

Введение

Несмотря на очевидный интерес, который проявляется в настоящее время к сундучному промыслу, его история полна белых пятен. Существует множество вопросов, которые еще ждут разрешения. Сегодня выделены и описаны лишь главные центры производства[1] — далеко не все региональные и местные очаги освещены. К числу неизвестных до текущего момента относился сундучный промысел Чебоксарского уезда Казанской губернии (позднее — Чебоксарского района Чувашской республики).

Литература по его истории крайне скудна — сохранились лишь краткие упоминания в статистических и выставочных изданиях. Некоторое значение для темы настоящей публикации имеют статьи из «Энциклопедии Чебоксарского района», посвященные истории и культуре отдельных деревень Чувашии.

Сундуки чебоксарских мастеров находятся как в частных, так и государственных собраниях (почти все они располагаются в Чувашии), некоторые продолжают использоваться в хозяйстве. На фоне сундучного «товара» из других регионов их сохранилось немного. Возможно, одной из причин этого были небольшие масштабы производства.

Цель настоящей статьи — общая характеристика сундучного промысла Чебоксарского района Чувашии. Хронологические рамки исследования охватывают время расцвета промысла — первую половину XX в.

Оговоримся сразу, что настоящая публикация является итогом лишь одного из этапов изучения чувашских сундуков, поэтому в дальнейшем в связи с обнаружением новых сведений возможны дополнения и корректировка выводов.

Материалы и методы

Источниковой базой при работе над статьей послужили статистические и выставочные издания XIX — начала XX в., а также публикации по истории чувашского народного искусства. Немалую роль сыграли статьи из «Энциклопедии Чебоксарского района», посвященные истории и культуре деревень Чувашии.

Художественный анализ и компаративный метод позволили выделить стилистические особенности сундуков. Статистический метод дал возможность получить данные о численности сундуков, их распределению по государственным и частным собраниям.

Результаты исследования и их обсуждение

Краткий очерк истории

Во второй половине XIX — начале XX в. Чебоксарский уезд относился в Казанской губернии к числу самых развитых в кустарном отношении. Главное

[1] В литературе, как правило, речь идет о XIX — XX вв. Из более ранних очагов сундучного производства наиболее изучены Холмогоры и Великий Устюг.

значение имели деревообрабатывающие промыслы. В литературе выделяется несколько причин их развития: «наличие обширных лесных массивов», «крупная судоходная артерия — Волга», «наличие в непосредственной близости крупных экономических центров — Казани и Нижнего Новгорода и, прежде всего, Нижегородской ярмарки» [9, с. 219].

Однако сундучный промысел не сложился здесь в крупное разветвленное производство — это сезонное занятие небогатых земледельцев, которое к тому же было лишь частью столярно-токарного промысла. Сбыт сундуков происходил преимущественно в границах волостей [11, с. 8, 14, 36 — 37]. Сундучный промысел имел исключительно местное значение[2].

В различных источниках встречаются сведения о конкретных мастерах Чебоксарского уезда. В 1902 г. упоминается мастер Петр Кузьмин из д. Юраково (Алымкасинская волость), который изготавливал сундуки и продавал их на местных базарах (по цене 40 рублей)[3]. В 1911 г. встречаются упоминания о сундучниках деревень Лесные Крышки, Шанары, Первая Шульгина и Вторые Тойси [3, с. 64] (при этом указано на необходимость «управляться с жестью», следовательно, сундуки обивались жестяными листами). В том же источнике приводятся сведения об экономической составляющей промысла: «Корреспондент из Екатерининской слободы приводит такой расчет сдельной выручки за работу сундука: делать его нужно 3 дня; лес, краска и прибор стоят около 1 руб. 80 коп.; продать сундук можно за 2 руб. 50 коп. (не без затруднений); въ пользу мастера остается 70 коп. или, самое большее, 1 руб. — «только на пищу по 25 или 30 коп., въ день» [3, с. 70]. В д. Алымкасы также были известны сундуки разных размеров (свадебные), ларчики, шкатулки. Григорию Ефремовичу Ефремову и Игнатию Семеновичу Семенову на Второй Всероссийской кустарной выставке за представленные сундуки были присуждены бронзовые медали (1913)[4].

Надо отметить, что в кустарных ремеслах, развивавшихся на территории Чувашии, зачастую определяющую роль играла деятельность русских мастеров. «Важной причиной тому были господствующие в чувашской деревне традиционные, патриархальные отношения, при которых неземледельческие занятия крестьян не выходили за рамки домашнего ремесла» [9, с. 220].

После революции 1917 г. ситуация не изменилась: деревообрабатывающие промыслы продолжали играть в кустарной промышленности главные роли [4, с. 27 — 34]. Чебоксарский уезд, как и прежде, относился к самым развитым: в 1925 — 1926 гг. на него приходилось 43 % всех кустарей Чувашии [2, с. 56]. Однако сундучный промысел был далеко не в числе первых. Использовалась самая примитивная технология, господствовал ручной труд. Сельские промыслы, к которым принадлежал и сундучный, обладали низкой производительностью. Средний минимальный рабочий день кустарей составлял 7 — 8 часов, продол-

---

[2] Упоминаний о торговле сундуками на базарах Цивильского, Чебоксарского и других уездов во второй половине XIX в. не обнаружено [12, с. 46 — 56]. Этот факт подчеркивает незначительную роль сундучного промысла в истории местной кустарной промышленности.

[3] Справочный указатель кустарных производств и кустарных мастеров / МЗ и ГИ. Отд. сел. экономии и с.-х. статистики. Вып. 5. Санкт-Петербург: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1902. С. 79.

[4] Иванова З. Н. Энциклопедия Чебоксарского района: Алымкасы // Энциклопедии. Цифровая библиотека НБ ЧР: [сайт]. URL: https://xn--d1abicaihnmk6e2d.xn--80aafhebudawu3c5a9cs.xn--p1ai/a/article/1591.html (дата обращения: 06.09.2025).

жительность рабочего сезона насчитывала 9,5 — 13 недель. Наемные рабочие привлекались крайне редко.

В более позднее время (когда уже образовался Чебоксарский район) стал известен сундучный промысел в д. Томакасы. Краевед З. Н. Иванова писала в статье, размещенной в «Энциклопедии Чебоксарского района»: «Томакасинцы — большие мастера и по изготовлению сундуков. В их числе Петр Ермолаевич Плотников, Ними Петрович Скачков, Лев Николаевич Николаев, Валерий Федорович Федоров. Буквально все Цивильские ярмарки, проходящие летом, забиты томакасинскими сундуками. Что отрадно: и в настоящее время томакасинская молодежь занимается изготовлением сундуков»[5].

Таким образом, источники указывают на небольшие очаги сундучного производства, которые развивались на севере Чувашии. Мастера обслуживали узкий рынок, в выставках участвовали мало. Анализ информации в различных источниках приводит к выводу о том, что чувашский промысел относился к местным центрам сундучного производства[6].

Известный исследователь кустарной промышленности Чувашии С. Н. Кодыбайкин писал: «В чувашских селениях сундучного производства <…> не обнаружено (крупного, ориентированного на внешний рынок. — *Г. П.*). Встречаются сообщения о продаже сундуков на городских ярмарках — тоже без подробностей <…> Наверняка, чувашские крестьяне занимались изготовлением сундуков в качестве домашнего ремесла. Кто-то из них, наверняка, покупал изделия русских мастеров»[7].

Конструкция сундуков

Все сохранившиеся к настоящему времени чебоксарские сундуки датируются первой половиной XX в. Они имеют разные размеры: от небольших до сравнительно крупных. У всех сундуков прямые стенки и чуть покатая крышка (стенки, дно и крышка собирались из 2 — 3 широких досок, соединялись «в ласточкин хвост»). Ножки до настоящего времени не встречались ни у одного экземпляра. На боковых сторонах — по одной металлической ручке, на «фасаде» — одна петля (форма петли у всех сундуков одинаковая). Замок навесной. Внутри, справа или слева, располагался приголовок — полочка для предметов женского рукоделия. Как правило, она не имела отделений. Иногда крышка с внутренней стороны укреплялась поперечной деревянной рейкой. С задней стенкой она соединялась посредством двух шарниров. Наличие приголовка и дополнительного укрепления крышки зависело от размеров сундуков: они характерны только для крупных изделий (ил. 1).

Декоративное оформление

Все сундуки окрашены в синий, голубой или зеленый цвет (использовались масляные краски). Поверхности, кроме задней стенки и дна, покрыты росписью. Роспись крышки повторяет роспись «фасада», на боковых стенках она отсутствует совсем или представляет сокращенный вариант композиции передней стенки.

Роспись сундуков имеет ярко выраженный геометрический характер. На крышке и лицевой стенке представлена трехчастная композиция: два больших

[5] Иванова З. Н. Энциклопедия Чебоксарского района: Алымкасы // Энциклопедии. Цифровая библиотека НБ ЧР: [сайт]. URL: https://xn--d1abicaihnmk6e2d.xn--80aafhebudawu3c5a9cs.xn--p1ai/a/article/1591.html (дата обращения: 06.09.2025).

[6] Если исходить из классификации автора настоящей статьи, то сундучные центры делятся на три вида: всероссийские, региональные и местные [14, с. 18 — 24].

[7] Из письма автору настоящей статьи.

Ил. 1. Сундук. Первая половина — середина XX в., Чувашия. Дерево, железо; роспись, столярная работа. Частное собрание

Ил. 2. Сундук. Первая половина — середина XX в., Чувашия. Дерево, железо; роспись, столярная работа. Частное собрание

квадрата и широкая полоса между ними. Они обрамлены волнистыми полосами, нанесенными в технике, которая именуется «роспись под резинку» (другое название — «роспись под гребенку» — было особенно распространено во второй половине XIX — начале XX в. в Вологодской и Вятской губерниях [13, с. 91 — 100]). В квадратах располагались большие розетки или плетенки, иногда они оставались пустыми. В последнем случае в углах размещались геометрические фигуры, составляющие четверть круга (аналогичный декор встречается в уральских «секторных» подносах начала XX в.)[8].

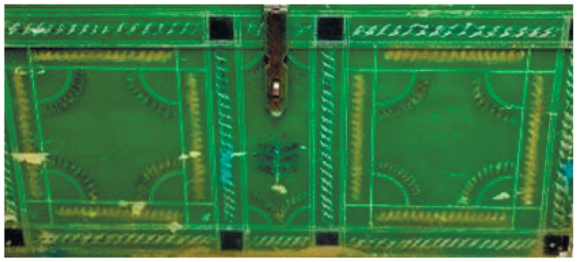
В широкой полосе чаще всего размещалось изображение дерева или цветущего куста. Иногда в этой полосе были те же декоративные мотивы, которые заполняли квадраты.

Декоративное оформление всех сундуков находилось в рамках описанных цветов и композиций. По этой причине сундуки легко выделяются в отдельную компактную группу (это тем более важно, что ни дат, ни каких-либо надписей на чебоксарских сундуках до настоящего времени не обнаружено). По составу декоративных мотивов росписи сундуки подразделяются на два вида: с изображениями в двух больших декоративных полях и без каких-либо изображений.

Несмотря на то, что изделий сохранилось немного, просматриваются различные манеры в исполнении росписи (вероятно, существовало несколько семейных мастерских). При этом сундуки различаются не только творческой манерой мастеров, но и художественным уровнем исполнения росписи. Состояние сохранности свидетельствует, что такой вид сундуков изготавливался не одно десятилетие.

В качестве примера — сундук из частного собрания (ил. 2). Это изделие средних размеров, с прямыми стенками и чуть покатой крышкой. Ножек нет, на боковых сторонах — по одной металлической ручке. Поверхности сундука покрыты росписью на глубоком синем фоне. Она состоит из трех декоративных полей: двух больших квадратов и широкой полосы между ними. Компо-

[8] Вероятно, при создании росписи мастера использовали циркули.

Ил. 3. Сундук. Первая половина XX в., Чувашия. Дерево, железо; роспись, столярная работа. Деталь: лицевая сторона. Литературно-театральный музей им. Н. М. Дьяконова, г. Сыктывкар

Ил. 4. Сундук. Первая половина — середина XX в., Чувашия. Дерево, железо; роспись, столярная работа. Частное собрание

зиции крышки и «фасада» идентичны, на боковых стенках — их сокращенные варианты. Внутри квадратов размещены геометрические фигуры белого цвета (т. е. это сундук, который относится к первому виду), которые находят подобия среди декоративных мотивов чувашского народного орнамента, в частности, в узорном ткачестве и вышивке. В широкой полосе — растение с белыми побегами и темно-красными плодами (предположительно земляники). В качестве условного изображения земли выступают две геометрические фигуры, представляющие четверти круга. Все декоративные поля обрамлены белой плетенкой.

Примечателен также сундук из коллекции Литературно-театрального музея им. Н. М. Дьяконова (г. Сыктывкар)[9] (ил. 3). Его конструкция и композиция росписи идентичны сундуку, рассмотренному выше. В двух квадратных полях нет изображений геометрического характера — лишь углы отмечены четырьмя фигурами, представляющими четверти окружности. Большее разнообразие росписи придает яркая желтая краска, которой нанесены волнистые линии, обрамляющие декоративные поля (вместо плетенки предыдущего сундука). Четкость и читаемость формы изделия усилены небольшими черными квадратами, которые размещены в углах декоративных полей. Они есть и на синем сундуке, но их роль была снижена из-за интенсивности синего цвета фона.

Вопрос о декоративных мотивах, характерных для росписи сундуков рассматриваемой группы, заслуживает отдельного внимания. Выше указывалось, что они имеют аналогии в чувашском узорном ткачестве и вышивке [15, с. 68, 99, 107, 108, 122, 149; 17, с. 75, 90, 96, 102 — 106, 257; 18, с. 24, 26, 38, 67, 88, 92, 93, 157]. Вероятнее всего, эти сундуки — свадебные, поэтому мотивы их орнамента должны иметь конкретное смысловое наполнение: пожелания любви и благополучия новобрачным. В целом орнамент сундуков имеет множество параллелей в чувашском свадебном костюме: плетенка (ил. 4) соответствует полосе, обрамляющей основное декоративное поле в произведениях вышивки; были распространены платки и покрывала с незаполненным центром, как в росписи сундуков (ил. 5); зеленый, красный, синий и желтый цвета, популярные в ткачестве, нередко являются основными цветами росписи (вообще синий

[9] Инв. № ЭТН — 244. Датируется первой половиной XX в., место изготовления не определено.

Ил. 5. Сундук. Первая половина — середина XX в., Чувашия. Дерево, железо; роспись, столярная работа. Частное собрание

Ил. 6. Сундук. Первая половина — середина XX в., Чувашия. Дерево, железо; роспись, столярная работа. Частное собрание

и зеленый цвета — главные цвета фона чебоксарских сундуков — играют важную роль в чувашской народной культуре). Небольшие цветные квадраты, нанесенные на крышки и «фасады» сундуков (ил. 6), объясняются не особенностями техники росписи, а именно связью с узорным ткачеством и вышивкой, для которых типичны такие же фигуры. При сравнении росписи сундуков и произведений узорного ткачества очевидно, что эти художественные явления находятся в едином культурном поле. Н. Ю. Кашпар отмечала, что мотивы орнамента платов и покрывал использовались в XX — XXI вв. в декоре произведений прикладного искусства, в том числе изделий из дерева [17, с. 55]. Не случайно многие выводы, встречающиеся в литературе касательно узорной вышивки и ткачества, вполне применимы к росписи сундуков. Речь может идти, например, о древности орнаментальных мотивов или о декоративности, динамичности и симметричности как свойствах чувашского орнамента [16, с. 271 — 277].

Также важно подчеркнуть, что сундуки Чебоксарского района вписываются в контекст истории сундучного производства, развивавшегося в России в первой половине XX в. Пожалуй, в качестве самых близких аналогий можно назвать сундуки с. Раскаты Воскресенского района [1, с. 31 — 35] (ил. 7). Оно располагалось неподалеку — в соседней Нижегородской области. Для них тоже характерны трехчастные композиции: изображение дерева или куста, располагавшееся в широкой полосе между двумя большими квадратами. Порой аналогии настолько близки, что чувашский центр представляется своего рода филиалом раскатского (даже форма петель одинакова). Возможно, имела место миграция мастеров. Однако и в конструкции, и в росписи есть несколько существенных различий: раскатские сундуки, в отличие от чувашских, в большинстве случаев имеют ножки; их роспись целиком сосредоточена на лицевой стороне — ни крышка, ни боковые стенки не расписывались (просто окрашивались); на чувашских сундуках никогда не встречается дат и надписей, к тому же в их росписи используется только 3 — 4 цвета[10] (раскатские, в отличие от них, имеют надписи и датированы; нижегородские изделия гораздо более многоцветны, ярки и декоративны).

[10] Впрочем, в росписях более поздних изделий иногда встречаются многоцветные варианты.

Ил. 7. Сундук. Первая половина — середина XX в., с. Раскаты Воскресенского района Нижегородской области. Дерево, железо; роспись, столярная работа. Частное собрание

Ил. 8. Сундук. Первая половина XX в. Вятская губерния. Дерево, железо; роспись, столярная работа. Частное собрание

Подобия обнаруживаются не только среди раскатских, но и среди общеизвестных вятских расписных сундуков первой половины XX в. (ил. 8). Речь идет о конструкции, геометрическом характере росписи, использовании такой технологии, как роспись «под резинку» (типична не только для вятских сундуков, но и других предметов мебели, а также домовых росписей). Вятские сундуки в большом количестве встречались на базарах, где их, вероятно, и могли видеть чувашские кустари. Земский деятель В. Н. Косолапов приводил интересные сведения, в которых сравнивал цены на вятские и казанские сундучные изделия [10, с. 6 — 7].

Надо отметить, что и на других сундуках (т. е. не входящих в рассматриваемую группу), бытующих в настоящее время на территории Чувашии, просматриваются следы воздействия вятского центра. В первую очередь это касается цветовых сочетаний и композиций росписи.

Названные параллели, которые свидетельствуют о тесных связях между русской и чувашской культурами, неудивительны: известно, например, что русские кустари работали в чувашских селениях, а сами чуваши ездили за металлическими предметами быта в Павлово, Княгинино и Лысково [8, с. 255].

Пожалуй, именно в чувашских сундуках — если сравнивать с другими сундучными центрами, как крупными, так и региональными и местными, — наиболее ярко проявилась зависимость художественного стиля от географии: Чувашия граничит с Нижегородской областью, а последняя — с Кировской. Чувашский сундук — один из вариантов местного сундука, так как сундучное производство Чувашии развивалось в рамках русских художественных традиций. Стало быть, сундучное дело — одно из проявлений влияния русской культуры на чувашскую [5, с. 101 — 120; 6, с. 124 — 142; 7, с. 279 — 297].

Заключение

Деревни Чебоксарского района — один из местных центров сундучного производства. Мастера обслуживали узкий рынок, и количество их сохранившихся изделий невелико (в этом отношении Чувашия не могла сравниться с Вяткой или Уралом). Чувашские мастера-сундучники редко участвовали в выставках.

Сундуки являются неотъемлемой частью чувашского народного искусства, что нашло подтверждение в близости их росписи к узорному ткачеству и вышивке. Вероятно, они имели отношение к обряду свадьбы, поскольку мотивы их орнамента аналогичны узорам свадебных платков и покрывал.

Важную роль для истории чувашского сундучного центра сыграло его географическое расположение: определяющее воздействие на сложение художественного стиля оказали нижегородские и вятские ремесленные традиции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Александрова О. И., Ляпаева О. Н. Некоторые особенности раскатовской росписи сундуков // Краеведческие находки и открытия: материалы Межрайонной краеведческой конференции (28 октября 2016 года). Красные Баки: Вариант, 2017. С. 31 — 35.

2. Беспалов В. Ф. Мелкокустарная промышленность Чувашии в 1917 — 1927 гг. (по опубликованным материалам) // Проблемы истории промышленности и рабочего класса Чувашии: сборник статей. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1988. С. 51 — 60.

3. Бухалов Н. А. Мелкая промышленность Казанской губернии. Казань: Тип. губ. правления, 1911. 402+2 с.

4. Вязова О. Г. Кооперирование кустарных промыслов Чувашии в годы новой экономической политики // Вестник Чувашского университета. 2006. № 6. С. 27 — 34.

5. Демидова И. И. Влияние материальной культуры русского народа на хозяйство чувашей в пореформенный период // Вопросы истории и историографии чувашского народа: сборник статей. Вып. 2. Чебоксары: [б. и.], 1973. С. 101 — 120.

6. Демидова И. И. О влиянии русско-чувашских связей на развитие материальной культуры чувашского народа в период капитализма (1861 — 1917) // Вопросы истории и историографии чувашского народа: сборник статей. Вып. 4. Чебоксары: [б. и.], 1976. С. 124 — 142.

7. Димитриев В. Д. Общение чувашей с русскими и влияние русской культуры на чувашскую в конце XIX — начале XX веков // Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа: сборник статей. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. С. 279 — 297.

8. Кодыбайкин С. Н. Крестьянские промыслы Чувашского края во второй половине XIX — начале XX вв.: этнический аспект // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении: материалы VIII Межрегиональной научно-практической конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (Чебоксары, 19 —21 мая 2005 г.). Москва: ИНИОН РАН, 2005. С. 252 — 257.

9. Кодыбайкин С. Н. Особенности территориального размещения крестьянских промыслов Чувашского края в конце XIX — начале XX вв. // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований: материалы I Всероссийской (IX Межрегиональной) научно-практической конференции историков-аграрников Среднего Поволжья 12 — 13 мая 2006 г. Самара: Самарский ун-т, 2007. С. 218 — 223.

10. Косолапов В. Н. Кустарные промыслы Казанской губернии. Вып. III. Столярно-токарное производство. Казань: Типолит. В. М. Ключникова, 1903. 37 с.

11. Кустарно-ремесленная промышленность Чувашской автономной советской социалистической республики в 1925 году. Чебоксары: Чуваш. статистическое управление, 1927. 173 с.

12. Н-ч Н. Базары Казанской губернии. Базары Цивильского уезда // Труды Казанского статистического комитета. Вып. 1. Казань: Губ. тип., 1869. С. 46 — 56.

13. Пудов Г. А., Оленев С. Д. О сундуках с росписью «под гребенку». Вологодская губерния, II половина XIX — начало XX века // Петербургские искусствоведческие тетради. Статьи по истории искусства. АИС. 2018. Вып. 49. С. 91 — 100.

14. Пудов Г. А. Местные центры русского сундучного производства второй половины XIX — начала XX века (на материале Рязанской губернии) // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2025. № 4 (89). С. 18 — 24.

15. Спиридонов М. С. Чувашский орнамент = Чăваш эрешĕ = The chuvash ornament: [альбом] / Чувашский гос. ин-т гуманитарных наук; [сост., худож. концепция, науч. ред., пер. на чуваш. яз. А. А. Трофимов; пер. на англ. яз. Ю. Ю. Шляхин]. Чебоксары: ЧГИГН, 2010. 215 с.

16. Трофимов А. А. О чувашском орнаменте // Искусство. Избранные труды. Чебоксары: ЧГИГН, 2005. С. 271 — 277.

17. Чувашская вышивка: свадебные платки и покрывала из собрания Российского этнографического музея: альбом-каталог / автор текстов, авт.-сост. Н. Ю. Кашпар. Чебоксары: ЧНМ, 2023. 266 с.

18. Чувашское народное искусство / сост. Э. Д. Меджитова, А. А. Трофимов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1981. 245+3 с.

REFERENCES

1. Alexandrova O. I., Lyapaeva O. N. Some features of Raskatovo chest painting // Local history finds and discoveries: materials of the Interdistrict Local History Conference (October 28, 2016). Red Tanks;2017:31 — 35. (In Russ.)

2. Bespalov V. F. Small-scale industry of Chuvashia in 1917 — 1927 (based on published materials) // Problems of the history of industry and the working class of Chuvashia: Collection of articles. Cheboksary;1988:51 — 60. (In Russ.)

3. Bukhalov N. A. Small industry of the Kazan province. Kazan;1911:402 + 2. (In Russ.)

4. Vyazova O. G. Cooperation of handicrafts in Chuvashia during the years of the new economic policy // Bulletin of the Chuvash University. 2006;6:27 — 34. (In Russ.)

5. Demidova I. I. The influence of the material culture of the Russian people on the Chuvash economy in the post-reform period // Questions of history and historiography of the Chuvash people: Collection of articles. Issue 2. Cheboksary;1973:101 — 120. (In Russ.)

6. Demidova I. I. On the influence of Russian-Chuvash ties on the development of the material culture of the Chuvash people during the period of capitalism (1861 — 1917) // Questions of history and historiography of the Chuvash people: Collection of articles. Russian Russian language. Vol. 4. Cheboksary;1976:124 — 142. (In Russ.)

7. Dimitriev V. D. Communication of Chuvash with Russians and the influence of Russian culture on Chuvash culture in the late 19th — early 20th centuries // Issues of ethnogenesis, ethnography and cultural history of the Chuvash people: Collection of articles. Cheboksary;2004:279 — 297. (In Russ.)

8. Kodybaykin S. N. Peasant crafts of the Chuvash Territory in the second half of the 19th — early 20th centuries: an ethnic aspect // Agrarian system of the Middle Volga region in the ethnic dimension: Proceedings of the VIII Interregional Scientific and Practical Conference of agricultural historians of the Middle Volga region (Cheboksary, May 19 — 21, 2005). Moscow;2005:252 — 257. (In Russ.)

9. Kodybaykin S. N. Features of the territorial distribution of peasant crafts of the Chuvash Territory in the late 19th — early 20th centuries // The world of the peasantry of the Middle Volga region: results and research strategy: Materials of the I All-Russian (IX Interregional) scientific and practical Conference of agricultural historians of the Middle Volga region on May 12 — 13, 2006 Samara;2007:218 — 223. (In Russ.)

10. Kosolapov V. N. Handicrafts of the Kazan province. Vol. III. Carpentry and turning industry. Kazan;1903:37. (In Russ.)

11. Handicraft industry of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic in 1925. Cheboksary;1927:173. (In Russ.)

12. N. H. Bazaars of the Kazan province. Bazaars of the Tsivilsky district // Proceedings of the Kazan Statistical Committee. Issue 1. Kazan;1869:46 — 56. (In Russ.)

13. Pudov G. A., Olenev S. D. About chests with the painting “under the comb”. Vologda province, II half of the 19th — early 20th century // St. Petersburg art history notebooks. Articles on the history of art. AIS. 2018;49:91 — 100. (In Russ.)

14. Pudov G. A. Local centers of Russian chest production in the second half of the 19th — early 20th century (based on the material of the Ryazan province) // Bulletin of the Ryazan State University named after S. A. Yesenin. 2025;4(89):18 — 24. (In Russ.)

15. Spiridonov M. S. Chuvash ornament: [album]. Cheboksary;2010:215 p. (In Russ., Chuvash, English)

16. Trofimov A. A. About the Chuvash ornament // Art. Selected works. Cheboksary;2005:271 — 277. (In Russ.)

17. Chuvash embroidery: wedding shawls and bedspreads from the collection of the Russian Ethnographic Museum: catalog album / the author of the texts, author-comp. N. Yu. Kashpar. Cheboksary;2023:266. (In Russ.)

18. Chuvash folk art / comp. E. D. Medzhitova, A. A. Trofimov. Cheboksary;1981:245 + 3. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 06.04.2026;
одобрена после рецензирования 08.05.2026; принята к публикации 29.05.2026
Информация об авторе:
Пудов Глеб Александрович, старший научный сотрудник
Государственного Русского музея
(191186, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Инженерная, 4),
кандидат искусствоведения,
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7270-8065, narodnik80@list.ru
Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 06.04.2026;
approved after reviewing 08.05.2026; accepted for publication 29.05.2026
Information about the author:
Gleb A. Pudov, senior researcher, State Russian Museum
(4, Inzhenernaya Str., Saint-Petersburg, 191186, Russia),
Candidate of Arts,
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7270-8065, narodnik80@list.ru
Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакцие 06.04.2026 çитнĕ;
рецензиленĕ хыççăн 08.05.2026 ырланă; 29.05.2026 пичете йышăннă.
Автор çинчен:
Пудов Глеб Александрович, Патшалăх Вырăс музейĕн ăслăлăх аслă ĕçтешĕ
(191186, Раççей, Санкт-Петербург хули, Инженер ур., 4),
искусствоведени кандидачĕ,
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7270-8065, narodnik80@list.ru
Пайталăх конфликчĕ: автор пайталăх конфликчĕ çуккине пĕлтерет.
Автор ал çырăвăн юлашки вариантне вуласа тухнă, ырланă.

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS / РЕЦЕНЗИСЕМ

***Рец. на*: Бойко И. И., Гаврилов А. Д., Харитонова В. Г. Этнокультурные процессы и межэтнические отношения в Чувашской Республике : историко-социологическое исследование : монография / И. И. Бойко, А. Д. Гаврилов, В. Г. Харитонова; под ред. А. П. Долговой. Чебоксары: ЧГИГН, 2025. 296 с.**

А. В. Мартыненко,
профессор кафедры отечественной и зарубежной истории
и методики обучения, советник ректората
Мордовского государственного педагогического университета имени М. Е. Евсевьева,
доктор исторических наук, профессор,
г. Саранск, Россия
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4701-6398
arkanaddin@mail.ru

***The review on*: Boyko I. I., Gavrilov A. D., Kharitonova V. G. Ethnocultural processes and interethnic relations in the Chuvash Republic : a historical and sociological study : a monograph / I. I. Boyko, A. D. Gavrilov, V. G. Kharitonova; edited by A. P. Dolgova. Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities, 2025. 296 p.**

A. V. Martynenko,
Professor of the Department of Russian and Foreign History
and Teaching Methods, Advisor to the Rector's Office
M. E. Evseviev Mordovian State Pedagogical University,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Saransk, Russia
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4701-6398
arkanaddin@mail.ru

***Рец.*: Бойко И. И., Гаврилов А. Д., Харитонова В. Г. Чăваш Республикинчи этнокультура процесĕсем тата халăхсен хушшинчи хутшăнусем : историпе социологи тĕпчевĕ : монографи / И. И. Бойко, А. Д. Гаврилов, В. Г. Харитонова; ред. А. П. Долгова. Шупашкар: ЧПГĂИ, 2025. 296 с.**

А. В. Мартыненко,
Тăван çĕршыв тата ют çĕршыв историйĕпе вĕрентӳ методики кафедрин профессорĕ,
М. Е. Евсевьев ячĕллĕ Мордва патшалăх педагогика университечĕн ректорачĕн канашçи,
истори ăслăлăхĕсен докторĕ, профессор,
Саранск хули, Раççей
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4701-6398
arkanaddin@mail.ru

© Мартыненко А. В., 2026

Представленное исследование [1] является результатом многолетнего наблюдения авторов за тенденциями этнокультурных процессов и межэтнических отношений в Чувашской Республике. В названии обсуждаемого текста подчеркивается, что работа носит историко-социологический характер: основной фактический материал был собран в ходе опросов населения в рамках мониторинговых обследований, а также анкетирования студенческой молодежи. Кроме того, авторы были участниками ряда российских проектов, в ходе которых ими также набирался материал по исследуемой теме. Все это позволило исследователям создать солидную базу данных, в значительной мере использованную ими

при написании данной монографии. В рукописи проанализированы документы, отражающие формирование государственной национальной политики в Российской Федерации и ее реализацию в Чувашской Республике. Авторам хорошо известна литература по проблеме: как общероссийская, так и региональная.

Структура монографии позволила раскрыть тему достаточно полно: в контексте общегосударственной национальной политики, с учетом и подробным объяснением региональных особенностей. В главах авторы подробно делятся с читателями выводами и результатами своих размышлений.

Чувашия имеет свои региональные особенности: в частности, доля чувашей в составе населения является самой значительной среди российских республик (за исключением северокавказских национально-государственных образований). Уже этот фактор оказал заметное воздействие на активизировавшиеся во второй половине 1980-х гг. этнокультурные процессы, в первую очередь, на роль и место чувашского языка, ставшего главным фактором в этнополитических дискуссиях и воспринимавшегося не как средство коммуникации, а в большей степени как важнейший этнический маркер. Собственно этноязыковые проблемы во многом стали триггером политизации этничности и в других республиках, хотя и с разной степенью интенсивности. Авторы рецензируемой монографии подробно анализируют место и роль дискуссий о языке, отношение к ним как чувашей, так и русских, которые в совокупности составляют 90 % населения в Чувашии. В то же время необходимо отметить, что основное содержание книги имеет отношение к чувашам и русским, в меньшей степени — к мордве, татарам, марийцам и другим этническим группам населения. Но авторы убедительно разъясняют, что фактический материал, имеющийся у них в наличии, в том числе данные социологических опросов, не дают возможности показывать особенности этнокультурных процессов и межэтнических отношений в равной степени применительно к другим этническим группам, помимо чувашей и русских. Интересны наблюдения за этнодемографическими процессами в постсоветский период, в рамках которых имеются материалы по мордве, татарам, марийцам, украинцам и др.

Выводы о мигрантах перекликаются с тенденциями, наблюдаемыми в других регионах страны: речь идет о настороженном (вплоть до ксенофобских настроений) отношении к приезжим, представителям не только зарубежных стран, но и российских регионов Северного Кавказа. Авторы справедливо указывают, что в этом плане подвергается испытанию концепт общегражданской этнической идентичности, что важно и с практической точки зрения, относящейся к реализации государственной национальной политики.

Особого внимания заслуживает глава, посвященная религиозным процессам в Чувашии. Необходимо отметить интересные подходы в освещении данных сюжетов, использование самых разнообразных источников, что свидетельствует о комплексном подходе к раскрытию темы.

Интересными представляются наблюдения, позволяющие объяснить изменения численности (подразумевается ее сокращение) отдельных этнических групп. При этом в последний межпереписной период темпы уменьшения числа русских в Чувашии также наблюдались, но они не были такими впечатляющими, как у чувашей, мордвы, татар, марийцев и других старожильческих народов региона. Безусловно, не имеются в виду более высокие показатели рождаемости и низкие — смертности в составе русского населения Чувашии. Причина кроется в смене этнической идентичности. В литературе подобные процессы описаны, они являются центростремительными по отношению к доминирующему русскому этносу. Но есть еще одна этнокультурная особенность, о которой применительно к российским реалиям первым начал писать ведущий российский этнолог, академик В. А. Тишков. Речь идет о культурной сложности, которая проявляется в причислении себя не к одной этнической группе, а к двум, реже — к трем. Авторы отмечают, что в условиях Чувашии определенная доля респондентов считает себя не только чуваша-

ми, но и русскими. Есть и иные сочетания, но, в силу абсолютного преобладания в составе всего населения именно этих этнических групп, этнокультурная сложность у некоторых участников социологических опросов представлена таким сочетанием, как русский+чуваш (чуваш+русский). Еще более заметно проявляются тенденции этих процессов при выборе родных языков. Естественно, что для многих жителей республики таковыми являются чувашский и русский языки. Об этом свидетельствует не менее 10 — 15 % населения республики, а у студенческой молодежи доля подобных ответов примерно в два раза выше.

По методике последней переписи населения, проведенной в 2021 г., была предусмотрена возможность фиксировать ответы граждан не только об одной, но и о второй национальной принадлежности, втором родном языке. Но опубликованные материалы переписи свидетельствуют, что подобные ответы встречались гораздо реже, чем в ходе социологических опросов. Дистанция при этом составляет более чем один порядок. В монографии подобная ситуация рассмотрена, но в силу отсутствия специально разработанного материала она подробно не анализируется. Желательно тщательнее изучить причины подобных расхождений и прояснить эту проблему, характерную и для других регионов России. Это может стать предметом дальнейших исследований авторов рецензируемой монографии.

Весьма насыщенными являются материалы, раскрывающие этнокультурное развитие региона, в том числе этнические установки населения, отношение к сохранению и развитию традиционных культур. Следует отметить солидную источниковую базу, послужившую эмпирической основой для разработки этих сюжетов. Имеются в виду не только опросы, интервью, но и данные официальной статистики. Комплекс всех материалов дал возможность вести речь вполне доказательно, что демонстрируется в книге.

Свежими для подобных исследований являются материалы, подготовленные А. Д. Гавриловым в отдельной главе. Прослежены основные тенденции в цифровой трансформации региональной медиасреды, в частности, рассмотрены изменения в медиапотреблении населения, особенности этнокультурной работы СМИ и медиадеятелей Чувашии, специфика становления и развития чувашского сегмента интернета. Достаточно активно развивается чувашский этноблогинг, и автор предпринимает анализ этого явления, подчеркивая своеобразие использования чувашского языка этноблогерами при самопрезентации в социальных медиа.

В целом авторы провели качественное научное исследование, которое будет с интересом воспринято не только специалистами, но и широким кругом читателей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бойко И. И., Гаврилов А. Д., Харитонова В. Г. Этнокультурные процессы и межэтнические отношения в Чувашской Республике : историко-социологическое исследование : монография / И. И. Бойко, А. Д. Гаврилов, В. Г. Харитонова; под ред. А. П. Долговой. Чебоксары: ЧГИГН, 2025. 296 с.

REFERENCES

1. Boyko I. I., Gavrilov A. D., Kharitonova V. G. Ethnocultural processes and interethnic relations in the Chuvash Republic : a historical and sociological study : a monograph / I. I. Boyko, A. D. Gavrilov, V. G. Kharitonova; edited by A. P. Dolgova. Cheboksary;2025:296. (In Russ.)

Рецензия поступила в редакцию 06.04.2026, принята к публикации 04.05.2026;
the reviewed was submitted 06.04.2026, accepted for publication 04.05.2026;
рецензи редакцие 06.04.2026 çитнĕ, пичетлеме 04.05.2026 йышăннă.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи;
the author has read and approver the final version of the manuscript;
автор ал çырăвăн юлашки вариантне вуласа тухнă тата ырланă.

ПЕРСОНАЛИИ / PERSONALITIES / ПЕРСОНАЛИСЕМ

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ (к 75-летию В. В. Амелина)

RESEARCHER OF ETHNOPOLITICAL AND ETHNOCULTURAL PROCESSES (on the 75th anniversary of V. V. Amelin)

ЭТНОПОЛИТИКА ТАТА ЭТНОКУЛЬТУРА ПРОЦЕСĔСЕН ТĔПЧЕВÇИ (В. В. Амелин 75 çул тултарнă май)

21 мая 2026 г. исполнилось 75 лет со дня рождения известного российского исследователя истории, этнологии и социальной антропологии, проблем межэтнических отношений, взаимодействия органов власти и институтов гражданского общества Веналия Владимировича Амелина, доктора исторических наук, профессора, директора НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета имени В. А. Бондаренко.

В. В. Амелин родился в д. Комовка Федоровского района Башкирской АССР. После службы в рядах Советской армии жил в Узбекской ССР, окончил исторический факультет Ташкентского педагогического института имени Низами (1978), Ташкентскую Высшую партийную школу (1982), аспирантуру Российской академии управления (1992). С 1975 г. работал в комсомольских и партийных организациях Узбекской ССР, прошел путь от инструктора организационного отдела Ахагаранского райкома КП Узбекистана до инструктора организационного отдела ЦК КП Узбекистана и заведующего сектором Ташкентского обкома КП Узбекистана. С 1990 г. живет в Оренбургской области. Он работал советником по национальным вопросам главы администрации Оренбургской области, председателем Комитета по межнациональным отношениям администрации Оренбургской области, заместителем министра — начальником Управления по связям с общественными, национальными и религиозными организациями Министерства культуры, общественных и внешних связей Оренбургской области. С 2011 г. является директором НИИ истории и этнологии Южного Урала Оренбургского университета.

Одновременно он активно занимается научной, научно-организационной и общественной работой. Автор около 700 научных и научно-публицистических статей и книг, редактор около 30 монографий и сборников статей.

В 1996 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук по теме «Этнополитические конфликты в границах советской и постсоветской государственности. Вторая половина 80-х — середина 90-х гг.: опыт исторического исследования». Его научные разработки активно используются в формировании региональной модели государственной национальной политики Оренбургской области.

В. В. Амелин — основатель и главный редактор научно-публицистического журнала «Этнопанорама» (1999 — 2016), на страницах которого выступали известные отечественные и зарубежные ученые со статьями о проблемах федерализма, культурном многообразии, межэтнических отношениях, вопросах конфессиональной и этноязыковой политики и др. Ныне под этим названием в Оренбурге проходят научные конференции, на которых исследователи из российских регионов обсуждают актуальные проблемы изучения и практической реализации государственной национальной политики.

Большое внимание ученый уделяет вопросам взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления с институтами гражданского общества с целью предотвращения и урегулирования конфликтов, которые могут иметь межэтнические и межконфессиональные основания. Он является одним из активных участников работы Ассамблеи народов России, председателем ее регионального отделения в Оренбургской

области. Также входит в состав Общественной палаты Оренбургской области. Свыше 30 лет выступает экспертом Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN).

За большой вклад в научную и государственную деятельность В. В. Амелин отмечен высокими наградами: орденом «Знак Почета» (1986), «Орденом Дружбы» (2018), официальными благодарностями российских государственных ведомств.

Сотрудники ЧГИГН искренне поздравляют коллегу с юбилеем, желают бодрости духа, новых научных идей и крепкого здоровья!

И. И. БОЙКО,
главный научный сотрудник ЧГИГН

Основные труды В. В. Амелина

Межнациональные конфликты в республиках Средней Азии на рубеже 80 — 90-х годов. Москва: Росс, 1993. 135 с.

Модель этнологического мониторинга. Оренбургская область. Москва: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1997. 84 с.

Этническое многообразие и власть в Российском регионе. Москва: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2004. 319 с.

Конфликты через призму местных сообществ: научно-публицистические очерки. 3-е изд., испр. и доп. Оренбург: Изд-во ОГАУ, 2015. 203 с.

Религии Оренбургского края: систематическое описание: в 3 т. Т. 1. Восточное христианство. Оренбург: Университет, 2015. 416 с. (в соавт.).

Религии Оренбургского края: систематическое описание: в 3 т. Т. 2. Западное христианство. Оренбург: Университет, 2015. 530 с. (в соавт.).

Религии Оренбургского края: систематическое описание: в 3 т. Т. 3. Ислам. Иудаизм. Бахаизм. Индуизм. Буддизм. Новые религиозные движения. Оренбург: Университет, 2015. 302 с. (в соавт.).

Этническое и конфессиональное разнообразие Оренбургской области // Этническое и религиозное разнообразие России. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2018. С. 457 — 491. (в соавт.).

Мигранты в Оренбургском социуме: проблемы социально-культурной адаптации и интеграции // Этнопанорама. Этноконфессиональные отношения в региональном измерении: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (Оренбург, 8 ноября 2024 г.) / отв. ред. В. В. Амелин, К. А. Моргунов. Оренбург: Классика, 2024. С. 21 — 59. (в соавт.).

О сотрудничестве России и стран Центральной Азии в гуманитарной сфере // Этнополитическая ситуация в Российской Федерации в 2023 году: ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / ред.: В. А. Тишков, А. В. Черных. Пермь: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2024. С. 69 — 73.

УЧИТЕЛЬ, ВЛЮБЛЕННЫЙ В СЛОВО
(к 90-летию Г. Е. Корнилова)

A TEACHER IN LOVE WITH THE WORD
(on the 90th anniversary of G. E. Kornilov)

САМАХА ЮРАТАКАН ВЁРЕНТӲÇЁ
(Г. Е. Корнилов 90 çул тултарнă май)

19 марта 2026 г. свой 90-летний юбилей отметил Геннадий Емельянович Корнилов — выдающийся российский ученый-филолог, чьи труды широко известны за пределами Чувашской Республики.

Будущий ученый родился в с. Ивано-Кувалат Зилаирского района Башкирии в семье учителя. Окончил Зилаирскую среднюю школу, филологический факультет Уральского государственного университета имени А. М. Горького в г. Свердловске (ныне Екатеринбург), аспирантуру Чувашского педагогического института имени И. Я. Яковлева (1964). В 1966 г. в г. Ленинграде (ныне Санкт-Петербург) Г. Е. Корнилов успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Опыт исследования по чувашской диалектологии и булгаро-чувашской топонимике», а 29 марта 1990 г. на заседании Специализированного совета Д 004.07.01 при Институте языкознания им. Насими АН Азербайджанской ССР — докторскую диссертацию «Имитативы в чувашском языке». В 1991 г. удостоился ученого звания профессора.

Его научная жизнь тесно переплелась с Чувашским государственным институтом гуманитарных наук: в мае 1961 г. по приглашению ЧНИИ Г. Е. Корнилов прибыл в г. Чебоксары и был принят на должность младшего научного сотрудника, с 1965 по 1968 г. он являлся старшим научным сотрудником и заведующим отделом языка, позже он неоднократно выступал рецензентом публикуемых трудов и руководил подготовкой кандидатских диссертаций сотрудников института.

Большая часть трудовой биографии Геннадия Емельяновича связана с Чувашским государственным университетом имени И. Н. Ульянова, куда он был принят в 1968 г. на должность доцента кафедры русского языка. В 1990 г. по его инициативе открылась кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания, бессменным заведующим которой он являлся вплоть до ее реорганизации, с 2013 г. заведовал кафедрой русского языка и общего языкознания, с 2013 по 2015 г. — объединенной кафедрой русского языка и литературы. В 1996 — 2013 гг. являлся деканом филологического факультета, в 2013 — 2015 гг. возглавлял факультет русской и чувашской филологии и журналистики.

Где бы ни был Геннадий Емельянович, чем бы ни занимался, его всегда сопровождала любовь к слову. Всю свою жизнь он посвятил преподаванию русского языка, изучению проблем общего и сравнительно-исторического языкознания на материале афразийских, индоиранских, картвельских, монгольских, славянских, тунгусо-маньчжурских, тюркских, финно-угорских языков, вопросов топонимики Поволжья, а также грамматики, этимологии, топонимики, диалектологии и лексикографии чувашского языка.

Геннадий Емельянович — один из авторов полного «Русско-чувашского словаря» (1977). Много сделал ученый для изучения истории народов Поволжья: проследил и задокументировал исторический путь болгаро-тюркских предков чувашей из Прикубанья в междуречье Суры и Свияги. Еще в 1960-е гг. Г. Е. Корнилов начал весьма важную работу по сбору и подготовке к печати материалов по русским говорам Чувашии. Для этого под его руководством было осуществлено немало студенческих и аспирантских экспедиций.

Г. Е. Корнилов является автором теории имитативов. В 1984 г. вышла монография «Имитативы в чувашском языке» (научный редактор и автор предисловия — профессор Н. А. Баскаков), в которой на основе данных чувашского языка и в сравнении с другими родственными и неродственными языками излагаются основные положения теории имитативов, раскрывается значение имитативики в установлении этимологии слов. Он положил начало новому направлению в отечественном языкознании — ра-

диксологии (учение о корне и отымитативном происхождении человеческой речи). В 2010 г. (в 2018 г. — 2-е изд., испр. и доп.) выходит монография Г. Е. Корнилова «Этимология: лингвистические исследования, критика и обобщения», посвященная обзору этимологических словарей славянских языков. В книге критически переосмыслены традиционные и современные подходы к этимологии, манифестированы начала радиксологии в ее отношении к имитативике и к компаративистике.

Показателем высочайшего уровня научной деятельности является перечень ученых званий и должностей Г. Е. Корнилова: доктор филологических наук, академик-секретарь отделения гуманитарных наук Академии наук Чувашской Республики, заслуженный профессор Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова. Он является членом диссертационного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций при Чувашском государственном университете имени И. Н. Ульянова, многие годы состоял членом диссертационного совета при Ульяновском государственном университете, членом комиссии по премиям Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, председателем комиссии по приему кандидатских экзаменов, руководит стажировкой и переподготовкой преподавателей филологических дисциплин; регулярно выступает оппонентом на защитах диссертаций в различных вузах страны. Кроме того, Г. Е. Корнилов — член Международного сообщества хунгарологов, почетный член Российского терминологического общества, действительный член Российского географического общества. Ученый многократно выигрывал конкурсы грантов Российского гуманитарного научного фонда и Министерства образования и науки Российской Федерации (2000, 2003, 2006).

За время научной деятельности профессор Корнилов опубликовал более 300 научных трудов и учебных пособий. Под его руководством защищено 11 кандидатских диссертаций.

Сотрудники ЧГИГН от всего сердца поздравляют Геннадия Емельяновича с юбилеем, желают ему крепкого здоровья и семейного благополучия, неиссякаемой творческой энергии и новых научных свершений!

И. П. ЛУКИНА,
научный сотрудник ЧГИГН

Основные труды Г. Е. Корнилова

Евразийские лексические параллели: учеб. пособие: в 2 ч. Ч. 1. К уточнению объема и характера булгаро-чувашско-венгерских лексических параллелей. Чебоксары: Чуваш. ун-т, 1973. 297 с.

Диалекты и топонимия Поволжья: межвуз. сборник / Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова; [редкол.: Г. Е. Корнилов (отв. ред.) и др.]. Чебоксары: ЧГУ, 1972 — 1981.

Имитативы в чувашском языке / под ред. Н. А. Баскакова. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1984. 184 с.

Инверсионный «Алфавит чувашских мужских языческих имен» — 1: словарь: 10 587 имен. Чебоксары, 2002. 100 с. (в соавт.).

Словарь русских говоров Чувашской Республики. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. 227 с. (в соавт.).

Прямой и инверсионный словари комонимов Казанской губернии. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. 707 с. (в соавт.).

Этимология. Лингвистические исследования, критика и обобщения: монография. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2010. 167 с.

Исторический словарь топонимов Симбирской губернии (1859 — 1913 гг.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. 287 с. (в соавт.).

Этимология: лингвистические исследования, критика и обобщения. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2018. 231 с.

Истории поволжских этнолокаций в географических названиях — I: монография. Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова, 2023. 579 с.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КАМЕННОГО ВЕКА ЧУВАШСКОГО КРАЯ
(к 55-летию Н. С. Березиной)

STONE AGE RESEARCHER OF THE CHUVASH REGION
(on the 55th anniversary of N. S. Berezina)

ЧĂВАШ ЕНРИ ЧУЛ ЁМЁРЁН ТЁПЧЕВÇИ
(Н. С. Березина 55 çул тултарнă май)

23 марта 2026 г. свой 55-летний юбилей отметила Наталья Степановна Березина, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник археологического направления ЧГИГН. Н. С. Березина родилась в г. Чебоксары Чувашской АССР, в 1988 г. окончила среднюю школу № 29, а в 1999 г. — Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова по специальности «История» (заочно). В университетские годы учителями юбиляра были В. Ф. Каховский и Б. В. Каховский, а научным руководителем дипломной работы по каменному веку Чувашского края был Е. П. Михайлов. В 2002 г. Н. С. Березина окончила аспирантуру Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, а в 2011 г. под руководством Р. С. Габяшева успешно защитила в Казани диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Каменный век Чувашского Поволжья». Ее учителями в археологии каменного века Среднего Поволжья стали М. Ш. Галимова и В. В. Никитин.

Страницы трудовой биографии Н. С. Березиной богаты и разнообразны. После окончания школы она работала старшей пионерской вожатой в средней школе № 34 г. Чебоксары (1988 — 1990) и библиотекарем Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова (1990 — 1991). 10 лет Наталья Степановна отдала дополнительному образованию, работе с детьми. Она трудилась педагогом Центра дополнительного образования Московского района г. Чебоксары (1991 — 1995), Природо-исследовательского клуба «Карăш» (1995 — 2000), Дома творчества юных Московского района г. Чебоксары (2000 — 2001). Стояла у истоков создания Чувашской республиканской общественной организации «Общество археологии и естественной истории Terra Incognita (Земля неизвестная)» и рука об руку с А. Ю. Березиным руководила ей с 1999 по 2023 г. Благодаря педагогическому мастерству Натальи Степановны и ее мужа десятки ребят Чувашии получили первый опыт полевой экспедиционной и музейной деятельности, участия в научных конференциях, молодежных слетах и форумах. Несколько учеников юбиляра остались в науке и работают в академических институтах России.

С момента воссоздания отдела археологии в стенах Чувашского государственного института гуманитарных наук в январе 2001 г. Н. С. Березина беспрерывно работает в данном учреждении. В течение 10 лет она занимала должность научного сотрудника (2001 — 2010) отдела археологии, а с 2010 по 2024 г. возглавляла отдел археологии, затем секцию археологии исторического направления и самостоятельное археологическое направление в должности ведущего научного сотрудника. В настоящее время занимает должность старшего научного сотрудника.

С 1997 г. Н. С. Березина проводит исследования археологических памятников на территории Чувашии. Под ее руководством и при ее участии в республике открыты и описаны более 100 памятников, охватывающих период от эпохи камня до позднего Средневековья. Н. С. Березина руководила раскопками мезолитических стоянок Мукшумской XIV (2002, 2008), Мукшумской XVIII (2003, 2016), Мукшумской X (2007), во время которых получены уникальные коллекции каменных орудий, изучены следы жилых построек. В 2005 г. она проводила раскопки многослойного поселения неолита-энеолита Новая Деревня в Цивильском районе, где выявлены следы изготовления древнейших в крае медных изделий. В 2006 — 2012 гг. была соорганизатором крупной совместной межрегиональной археологической экспедиции в Алатырском Присурье по изучению Утюжского комплекса памятников. Здесь были проведены раскопки многослойных поселений и стоянок Утюж I, V, Черненькое озеро, Вьюново озеро I, II, Молебное озеро, святилища эпохи энеолита Утюжский бугор. В 2007 — 2017 гг. Н. С. Березина руководила совместными исследованиями финальнопале-

олитической стоянки-мастерской Шолма. Здесь получена крупнейшая в Волго-Камье коллекция каменных изделий, впервые изучены изделия из кости. В 2025 г. начаты исследования уникальной стоянки-мастерской финала палеолита «Звездный» в Цивильском округе.

Под руководством Н. С. Березиной ведутся исследования древностей Средневековья и Нового времени. Так в 2014 г. были проведены разведочные раскопки булгаро-чувашского Шинерпосинского святилища в Чебоксарском районе. В 2013 и 2017 гг. проводились археологические раскопки в исторической части г. Чебоксары (сквер К. Иванова), где выявлены остатки Николаевского монастыря, обнаружены захоронения, одно из которых могло принадлежать М. Шестовой — бабушке царя Михаила Романова. С 2018 г. под руководством Н. С. Березиной стартовал совместный с Институтом археологии Академии наук Республики Татарстан проект по изучению общего исторического наследия. В его рамках начаты раскопки Большетаябинского и Тигашевского городищ Чувашской Республики, Тарлашского могильника в Республике Татарстан, проведены совместные с татарскими учеными археологические разведки.

В трудах Н. С. Березиной исследованы памятники финального палеолита с каменным и костяным инвентарем, раннего неолита елшанской, накольчатой и камской (гребенчатой) археологических культур, хвалынской энеолитической культуры и памятники позднего энеолита выжумского типа. Ею впервые применены естественнонаучные методы, что позволило конкретизировать хронологические рамки бытования археологических культур (получены радиоуглеродные даты по палеолиту, мезолиту, неолиту и энеолиту региона). Под руководством Н. С. Березиной впервые в Чувашии были проведены палеогенетические исследования древней фауны и палинологические исследования, что позволило расширить представления о палеоландшафтах и стратегиях адаптаций древнего человека. В итоге многолетней работы Н. С. Березиной удалось представить комплексную характеристику и культурно-хронологическую схему развития Чувашского края в каменном веке, что было отражено в авторской монографии «Каменный век Чувашского Поволжья» (2021). Идущие по сей день полевые исследования средневекового булгарского Большетаябинского городища позволяют уточнить особенности культуры булгар на территории республики: процессы урбанизации, этнокультурный состав населения, соотношения ислама и традиционных верований и многое другое. Исследования древнечувашских святилищ и культовых объектов под руководством юбиляра расширили наши представления о духовной культуре чувашей и под новым ракурсом позволили взглянуть на вопросы булгаро-чувашской культурной преемственности.

Н. С. Березина является автором более 80 научных трудов, в том числе соавтором трехтомного научно-справочного издания «Археологическая карта Чувашской Республики» (2013 — 2015), монографии «Чебоксары: история и тайны Николаевского девичьего монастыря» (2016) и сборника «Чебоксарская старина: Николаевский женский монастырь» (2017), «Каменный век Чувашского Поволжья» (2021).

За все время трудовой деятельности Н. С. Березина была отмечена целым рядом наград. Она лауреат Государственной молодежной премии Чувашской Республики в сфере образования, воспитания и молодежной политики (2000), лауреат Государственной премии Чувашской Республики в области гуманитарных наук (2017), имеет памятную медаль «100-летие образования Чувашской автономной области» (2020), благодарность Государственного Совета Чувашской Республики (2021) и др.

Сотрудники Чувашского государственного института гуманитарных наук от всего сердца поздравляют Наталью Степановну с юбилеем, желают ей новых ярких открытий, интересных публикаций, крепкого здоровья и семейного благополучия!

Н. С. МЯСНИКОВ,
ведущий научный сотрудник ЧГИГН;
Е. П. МИХАЙЛОВ,
старший научный сотрудник ЧГИГН;
А. Ю. БЕРЕЗИН,
научный сотрудник ЧГИГН

Основные труды Н. С. Березиной

Итоги исследования Мукшумской XVIII стоянки в Чувашском Заволжье // Исследования по древней и средневековой археологии Поволжья / ред.-сост. Е. П. Михайлов. Чебоксары, 2006. С. 22 — 59.

Раскопки мезолитической Мукшумской XIV стоянки в Чувашском Заволжье: Тверской археологический сборник / ред. И. Н. Черных. Тверь, 2006. Вып. 6. С. 233 — 240.

Опыт комплексного изучения верхнепалеолитической стоянки Шолма I в Среднем Поволжье: материальная культура и среда обитания // Роль естественнонаучных методов в археологических исследованиях / отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин. Барнаул, 2009. С. 253 — 256. (в соавт.).

Утюжский бугор — жертвенный комплекс эпохи энеолита в Среднем Посурье // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции / отв. ред. А. Н. Белавин. Пермь, 2012. Вып. 8. С. 84 — 96. (в соавт.).

О гребенчатых комплексах неолита Чувашского Поволжья // Поволжская археология. 2013. № 1 (3). С. 41 — 51.

Хронология неолита Посурья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII — III тысячелетия до н. э. / науч. ред. А. Н. Мазуркевич, М. А. Кулькова, Е. В. Долбунова; сост. Г. И. Зайцева. Смоленск, 2016. С. 107 — 115. (в соавт.).

Памятники финального палеолита и мезолита Чувашского Поволжья: к вопросу о культурной интерпретации // Поволжская археология. 2017. № 3 (21). С. 190 — 210.

Результаты функционального анализа пластин финальнопалеолитической стоянки Шолма в Чувашском Поволжье // Археология Евразийских степей. 2024. № 6. С. 8 — 15. (в соавт.).

Возраст и природное окружение стоянки охотников на лошадей Шолма I в Правобережье Волги в Чувашии // Поволжская археология. 2021. № 3 (37). С. 32 — 41. (в соавт.).

Каменный век Чувашского Поволжья // Археология евразийских степей. 2021. № 1. 261 с. (монография в журнале).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ / SCIENTIFIC LIFE / ĂСЛĂЛĂХ ПУРНĂÇĔ

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЭВАКУАЦИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ИСТОРИЯ, ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ СУДЬБЫ, СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ»

INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE “EVACUATION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: HISTORY, HUMAN FATES, COMMEMORATION IN THE EURASIAN SPACE”

«ТĂВАН ÇĔР-ШЫВĂН АСЛĂ ВĂРÇИН ÇУЛĔСЕНЧИ ЭВАКУАЦИ: ИСТОРИ, ÇЫНСЕН ШĂПИ, ЕВРАЗИ УÇЛĂХĔНЧЕ АСТĂВĂМА УПРАССИ» ХАЛĂХСЕН ХУШШИНЧИ ĂСЛĂЛĂХ-ПРАКТИКА КОНФЕРЕНЦИЙĔ

17 апреля 2026 г. в г. Канаше состоялась работа Международной научно-практической конференции «Эвакуация в годы Великой Отечественной войны: история, человеческие судьбы, сохранение памяти на евразийском пространстве». Организаторами мероприятия выступили Министерство образования Чувашской Республики и Чувашский государственный институт гуманитарных наук при содействии Российского военно-исторического общества.

Масштабный научный форум объединил более 120 специалистов и сотрудников научно-исследовательских институтов, архивов и музеев, преподавателей, докторов и кандидатов наук, профессоров, доцентов и аспирантов из крупнейших научных и образовательных учреждений, историков и других ученых-гуманитариев из России (более 30 регионов), Азербайджана (г. Баку), Республики Беларусь (г. Минск), Кыргызстана (г. Бишкек), Таджикистана (г. Душанбе), Узбекистана (г. Нукус), Казахстана (г. Астана).

В рамках конференции прошли торжественные церемонии открытия памятных досок Герою Советского Союза Ивану Андреевичу Кабалину в школе № 11 г. Канаш и Герою России Николаю Федоровичу Гаврилову в Янгличской школе. Перед официальным открытием на площадке Канашского транспортно-энергетического техникума развернулась выставка Российского военно-исторического общества «Подвиг детей войны — на века!». Материалы для экспозиции предоставили Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Государственный исторический архив Чувашской Республики, Государственный архив современной истории Чувашской Республики, Курский музей «Юные защитники Родины». Экскурсию по выставке провела координатор проектов Департамента региональной политики Российского военно-исторического общества, кандидат исторических наук Виктория Петракова.

С приветственным словом к участникам конференции обратились министр образования Чувашской Республики, председатель регионального отделения Российского военно-исторического общества Дмитрий Захаров, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Анатолий Аксаков, директор Департамента региональной политики Российского военно-исторического общества Аяна Шойгу, Герой Российской Федерации, полковник, референт Управления Президента Российской Федерации по общественным проектам Алексей Романов, Герой Российской Федерации Николай Гаврилов, руководитель отделения в г. Чебоксары Представительства МИД России в г. Нижнем Новгороде Андрей Синицкий, главный редактор журнала «Журналист. Социальные коммуникации» Леонид Речицкий (видеовыступление), глава Канашского муниципального округа Чувашской Республики Валерий Чернов.

Открывая мероприятие, Дмитрий Захаров зачитал перед собравшимися приветствие Главы Чувашской Республики Олега Николаева: «Это значимое событие для ученых, посвятивших жизнь исследованию такой важной страницы военной истории. Эвакуация стала беспрецедентным по масштабу и мужеству актом спасения. Она позволила не только сохранить миллионы жизней, но и создать в тылу арсенал победы. В годы суровых испытаний Чувашия также стала домом для десятков тысяч эвакуированных людей, потерявших свой кров, родных и близких. Республика разместила и организовала работу около 30 эвакуированных предприятий. Сохранение памяти об этих событиях — фундамент для воспитания патриотизма и формирования подлинного единства перед лицом любых угроз».

Программа пленарного заседания включала доклады авторитетных исследователей из России и зарубежья. Результаты своих научных изысканий представили заместитель председателя Комитета общественных связей и молодежной политики г. Москвы, член Научного совета Российского военно-исторического общества, председатель Совета регионального отделения Российского военно-исторического общества в г. Москве, научный руководитель кафедры 918 «История» Московского авиационного института, доктор исторических наук, доцент Артур Берлов (*«Память об эвакуации в годы Великой Отечественной войны как основа всенародной памяти»*), профессор кафедры «Государственное и муниципальное управление» Бакинского инженерного университета, доктор исторических наук, профессор Севиндж Алиева (*«Азербайджанская ССР и эвакуация: промышленность, люди и транспорт в годы Великой Отечественной войны (1941 — 1945)»*), руководитель Научно-исследовательского, цифрового и музейно-образовательного центра при Институте истории и регионоведения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, доктор исторических наук, профессор Шайыркул Батырбаева (*«Эвакуация в Кыргызстан в годы Великой Отечественной войны: историографические подходы, источниковедческие проблемы и перспективы исследования»*), ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана, кандидат исторических наук, доцент Абдулло Гафуров (*«Эвакуация населения в Таджикистан в годы Великой Отечественной войны: проблемы исследования»*), профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор Жарас Ермекбай (*видеодоклад «Эвакуация в Казахскую ССР в 1941 — 1942 годах»*), главный научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук, доктор исторических наук, профессор Иван Бойко (*«Эвакуация и индустриальное развитие Чувашии»*).

В своих докладах ученые отметили вклад всех стран евразийского пространства в помощь эвакуированному населению, восстановлению промышленного потенциала и сохранению человеческого капитала в годы Великой Отечественной войны, подчеркнув, что именно единство и взаимная поддержка стали залогом не только выживания, но и будущей Победы.

Модерировал пленарное заседание ведущий научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук, кандидат исторических наук Владимир Клементьев.

Во второй половине дня работа форума прошла на секционных площадках «Эвакуация объектов промышленности, сельского хозяйства и культурных ценностей из прифронтовой зоны в годы Великой Отечественной войны», «Проблемы размещения, социальной адаптации и трудовой деятельности эвакуированного населения», «Деятельность эвакуированных учреждений культуры, образования и науки в период Великой Отечественной войны. Люди и судьбы». Также в ходе конференции был проведен круглый стол «Исторический опыт и механизмы сохранения исторической памяти о Великой Отече-

ственной войне», на котором рассмотрели актуальные подходы к изучению и преподаванию истории войны, роль семейных архивов и личных свидетельств в формировании коллективной памяти, новые форматы и технологии, используемые для популяризации знаний о подвиге народа.

Параллельно с работой форума для участников была организована культурная программа, включавшая посещение краеведческого музея «Вокзал нашей жизни», музея «Слава госпиталю», являющегося объектом культурного наследия; а также исторического бульвара «Есть память, которой нет конца».

Международная научно-практическая конференция «Эвакуация в годы Великой Отечественной войны: история, человеческие судьбы, сохранение памяти на евразийском пространстве» стала уникальной и эффективной площадкой для обсуждения проблем истории Великой Отечественной войны, вовлечения молодых исследователей в научный дискурс и укрепления сотрудничества между научными школами и общественными институтами Российской Федерации и зарубежных стран.

По итогам проведения конференции будет издан сборник докладов участников с постатейным размещением в базе данных РИНЦ.

В. Г. ХАРИТОНОВА,
ведущий научный сотрудник ЧГИГН

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ В ЖУРНАЛЕ

Принятые редакцией статьи в случае положительных результатов независимой экспертизы включаются в очередной номер журнала. Проверка оригинальности (не менее 75 %) осуществляется с помощью системы «Антиплагиат».

При оформлении статьи авторы должны придерживаться следующих правил и рекомендаций:

1. Статья представляется в электронном виде. В качестве имени файла используется фамилия первого автора на русском языке (например, Иванов.doc). Имена файлов иллюстраций должны совпадать с их номерами в тексте (например, Рис.1.jpeg).

2. В случае, если автором статьи выступает аспирант или магистрант, или автор, не имеющий ученой степени, то необходимо представить отзыв научного руководителя, заверенный печатью учреждения по месту его работы.

3. Статьи публикуются на русском, английском и чувашском языках.

4. Объем текста статьи должен составлять от 0,5 до 1 (одного) печатного листа (40 000 печатных знаков с пробелами), включая рисунки, таблицы и графики.

5. Редакция принимает тексты, сохраненные в формате .doc, .docx, .rtf. Используется шрифт Times New Roman, размер кегля — 14, интервал — 1,5 строки. Расстановка переносов вручную не допускается. Формат бумаги А4, поля: слева — 3 см, справа и сверху — 2 см, снизу — 2,5 см, абзац — 1,25 см.

6. Рисунки предоставляются отдельно в формате .jpeg, подрисуночные подписи выполняются 12 кеглем.

7. Текст таблиц набирается 12 кеглем. В случае, если рисунки и таблицы не авторские, следует сделать ссылки на источники.

8. **Структура статьи** (ГОСТ Р 7.0.7—2021):

1) *в начале* на отдельной строке слева: УДК (индекс универсальной десятичной классификации), под ним ББК (код библиотечно-библиографической классификации) (присваиваются редакцией). Отдельной строкой слева указывается тип статьи: научная статья; обзорная статья; редакционная статья; дискуссионная статья; персоналии; редакторская заметка; рецензия на книгу; рецензия на статью, спектакль и т. п.

2) *Заглавие статьи*

Заглавие должно кратко (не более 10 слов) и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного научного исследования.

3) *Инициалы и фамилия автора*; организация, город, страна, электронный адрес (если статья подготовлена двумя и более авторами, то указывают только электронный адрес автора, ответственного за переписку, со знаком ✉).

4) *Аннотация*

Аннотация выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. Рекомендуемый объем аннотации — 150 — 250 слов.

5) *Ключевые слова*

Количество ключевых слов (словосочетаний) не должно быть меньше 5 и больше 15 слов (словосочетаний).

6) *Финансирование* (при необходимости).

7) *Благодарности* (при необходимости).

Данные п. 1 — 7 представляются в переводе на английский и чувашский языки и размещаются после русского варианта.

Основной текст статьи включает следующие разделы:

1) Введение

2) Материалы и методы

3) Результаты исследования

4) Заключение

В список источников *не включаются* словари, энциклопедии, многотомные издания, нормативные документы, авторефераты и диссертации, учебные и учебно-методические пособия, художественная литература, тезисы и материалы локальных конференций, сборники документов и материалов, газетно-журнальные публикации, архивные материалы и др., не представленные в сети Интернет в свободном доступе.

Публикация статей бесплатная.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

Внутритекстовые ссылки

При наличии нумерованного списка литературы внутри текста помещают отсылку к списку.

Отсылку, содержащую порядковый номер издания, на которое ссылаются, приводят в квадратных скобках. Пример: «Интересный обзор зарубежной практики модернизации производства содержится в монографии И. И. Русинова» [34].

Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указывают порядковый номер издания в списке и страницы, на которых помещен объект ссылки, сведения разделяют запятой: [12, с. 94].

Если ссылку приводят на многотомный документ в целом, в отсылке указывают также обозначение и номер тома (выпуска, части и т. п.): [3, т. 3, с. 170].

Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяются знаком «точка с запятой [;]» [10, с. 56; 23, с. 45—46].

ССЫЛКИ НА АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

[1] ГАСИ ЧР. Р-3211. Оп. 1. Д. 192. Л. (или С.) 23 — 25.

[2] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 144. Л. (или С.) 18 — 20.

Список источников составляется **в алфавитном порядке**!

Для списка источников используется шрифт Times New Roman, размер кегля 12, интервал 1,5 строки. Оформляется на русском языке («СПИСОК ИСТОЧНИКОВ») и английском языках («REFERENCES»).

10. Информация об авторе (авторах).

Основные сведения об авторах содержат: имя, отчество, фамилия автора (полностью); наименование организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица); адрес организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (город и страна); ORCID (при наличии); электронный адрес автора, тел. автора.

Образец: Формат цитирования: Иванов И. И. О чувашских коллекциях профессора П. П. Петрова в Российском этнографическом музее // Современная гуманитаристика / Modern humanities. 2025. Т. 1. № 1. С. 126 — 141.

Вклад авторов.

Если статья имеет несколько авторов, сведения о вкладе каждого автора приводят в конце статьи после «Информации об авторах».

11. Статьи, не соответствующие п. 4 — 10, не рассматриваются.

12. Поступившие в редакцию материалы регистрируются, в течение трех дней автору (авторам) высылается подтверждение о получении статьи.

13. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят процедуру рецензирования. Каждая статья проходит одностороннее слепое (анонимное) рецензирование.

Редколлегия оставляет за собой право отбора статей для их публикации.

14. В одном номере журнала может быть опубликовано, как правило, не более двух статей одного автора, в том числе в соавторстве.

Более подробно с требованиями к статьям и образцом статьи можно ознакомиться на сайте журнала: https://journalmh.org

СОВРЕМЕННАЯ ГУМАНИТАРИСТИКА /
MODERN HUMANITIES / ХАЛЬХИ ГУМАНИТАРИСТИКА

2026
Том 2. № 2

Редактор *Е. П. Семенова*
Технический редактор *Н. Г. Герасимова*
Верстка *Э. В. Кирилловой*

16+

Подписано в печать 29.06.2026.
Выход в свет 06.07.2026. Печать оперативная.
Формат 70×100 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Усл.-печ. л. 13,32. Уч.-изд. л. 12,20. Тираж 100 экз. Заказ № 7.
Цена свободная.

Учредитель:
Бюджетное научное учреждение Чувашской Республики
«Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования Чувашской Республики,
428015, Чувашская Республика, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1.
Тел.: 8(8352) 450010, 450005,
e-mail: human2000@yandex.ru

Адрес редакции: 428015, Чувашская Республика, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1.
Тел.: 8(8352) 450010, 450005, e-mail: sovrem_human@rambler.ru,
web: https://journalmh.org

Оригинал-макет подготовлен РИО БНУ «ЧГИГН»
Отпечатано в РИО БНУ «ЧГИГН»
428015, Чувашская Республика, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1

ISSN 3034-6827

